НЕ ТОЛЬКО СКОТЛЕНД-ЯРД:
ЧАСТНЫЙ СЫСК И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

ДОРОТИ Л.

СЭЙЕРС



ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОКСФОРД

Лорд Питер Уимзи

Дороти Сэйерс

Возвращение в Оксфорд

«Corpus (АСТ)»
1935

Сэйерс Д. Л.

Возвращение в Оксфорд / Д. Л. Сэйерс — «Corpus (АСТ)», 1935 — (Лорд Питер Уимзи)

ISBN 978-5-17-083649-9

Гарриет Вэйн приезжает в Оксфорд на встречу выпускников. Вопреки опасениям родной колледж не склонен осуждать ее за скандальную репутацию. Однако вскоре оказывается, что скандал грозит самому колледжу: неизвестный злоумышленник пишет грязные анонимки, преследует студентов и преподавателей. Гарриет спешит на помощь, но расследование продвигается не слишком успешно. Смирив свою гордость, она обращается к Питеру Уимзи. Вместе они не только разгадывают загадку, но и начинают лучше понимать друг друга, хотя для этого им и приходится перейти на латынь.В серию “Не только Скотленд-Ярд: частный сыск и частная жизнь” вошли детективные романы знаменитой Дороти Л. Сэйерс, повествующие о сложной истории любви лондонского сыщика лорда Питера Уимзи и писательницы Гарриет Вэйн. Все книги серии публикуются в новых переводах, подготовленных участниками семинара А. Борисенко и В. Сонькина.

ISBN 978-5-17-083649-9

© Сэйерс Д. Л., 1935
© Corpus (АСТ), 1935

Содержание

Не только Скотленд-Ярд: частный сыск и частная жизнь 6
Женщины в Оксфорде 7
“Академия для женщин” 8
Женщины в мужской Академии: сговорчивый Кембридж 11
Женщины в мужской Академии: неподатливый Оксфорд 15
Первые шаги 17
Прекрасная школярка – мифы и реальность 19
Невидимки на марше 24
Сомервиль: от пансиона к колледжу 28
Сомервиль: борьба за степени 31
Война и победа 36
Дороти Сэйерс и Гарриет Вэйн в Оксфорде 1930-х годов 38
Литература 45
От переводчиков 46
Дороти Л. Сэйерс 47
От автора 47
Глава I 50
Глава II 63
Глава III 73
Глава IV 87
Глава V 102
Конец ознакомительного фрагмента. 113

Дороти Ли Сэйерс
Возвращение в Оксфорд

This edition published by arrangement with David Higham Associates Ltd. and Synopsis Literary Agency

Составитель и научный редактор серии Александра Борисенко

© The Trustees of Anthony Fleming deceased, 1923
© Natacha Ledwidge, иллюстрации, 1998
© А. Борисенко, Е. Кузнецова, перевод на русский язык, 2013
© А. Борисенко, предисловие, глоссарий, 2014
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014
© Е. Гаврилова, карты, 2014
© ООО “Издательство АСТ”, 2014
Издательство CORPUS ®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Не только Скотленд-Ярд: частный сыск и частная жизнь

История Питера Уимзи и Гарриет Вэйн рассказана в четырех романах и новелле:
“Сильный яд” (*Strong Poison*) – 1930
“Где будет труп” (*Have His Carcase*) – 1932
“Возвращение в Оксфорд*” (Gaudy Night)* – 1935
“Медовый месяц в улье” *(Busman’s Honeymoon)* – 1937
“Толбойз” *(Talboys)* – 1942

Кроме того, о семейной жизни Питера и Гарриет повествует неоконченный роман “Престолы, господства” (*Thrones, Dominations*), завершенный в 1998 году писательницей Джилл Пейтон Уолш, а также “Письма семейства Уимзи”, которые Дороти Л. Сэйерс публиковала в годы Второй мировой войны, – на их основе Уолш написала роман “Презумпция смерти” (*A Presumption of Death*), изданный в 2002 году.

Джилл Пейтон Уолш продолжает писать романы о героях Дороти Л. Сэйерс – последний вышел в 2010 году и называется “Изумруды Аттенбери” (*The Attenbury Emeralds*).

Женщины в Оксфорде

Не дай мне Бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шале
Иль с академиком в чепце!

А. С. Пушкин

…Не правда ли, как славно
Суровым стенам пол переменить?[1]

Альфред Теннисон

“Возвращение в Оксфорд” *(Gaudy Night)* – роман, который был особенно дорог Дороти Л. Сэйерс. В этой книге ей удалось наконец уйти от легкой, игровой интонации детективной головоломки и заговорить о том, что волновало ее всерьез. Многие поклонники ее таланта были разочарованы: где былая легкость? Где кровавые убийства? Современный читатель может добавить к этим вопросам свои: почему эти ученые дамы так боятся даже пустякового скандала? И зачем выбирать между наукой и любовью? На это можно лишь ответить, что история, рассказанная в романе, – часть другой, не менее захватывающей истории. Истории о долгой борьбе, о стойкости и о блистательной победе.

[1] Перевод с англ. В. Сонькина.

“Академия для женщин”

Ученые женщины были всегда. Во все века рождались отщепенки, интересовавшиеся математикой и астрономией, знавшие древние языки и писавшие научные трактаты, но это были исключения из всех правил, и даже для самых выдающихся женских умов не существовало никакой карьеры в собственном смысле слова. Общественные институции их попросту не учитывали – к примеру, женщина не могла стать членом Королевского общества, объединявшего ученых Англии.

Время от времени раздавались призывы допустить женщин к университетскому образованию, но в них всегда чувствовался привкус утопии. В конце XVII века Даниэль Дефо, вдохновленный трактатом одной ученой дамы, написал эссе, в котором гневно вопрошал, отчего ученые мужи лишают возможности образования – этой божьей благодати! – тех, кто дал жизнь их сыновьям. Какое право имеют священники обделять половину своей паствы? Дефо предлагает создать “Академию для женщин”, где они смогут свободно учиться без всяких помех и вторжений. Эта Академия не будет монастырем, добавляет он. Никакого целибата, никаких строгих правил – женщины смогут уходить и приходить, когда захотят.

В XVIII веке в Англии появился кружок интеллектуалов, которых прозвали “синими чулками”. Это была компания мужчин и женщин, собиравшихся в разных салонах Лондона, чтобы вести интеллектуальные беседы. В нее входили такие известные личности, как художник Джошуа Рейнольдс, актер Дэвид Гаррик, лексикограф Самюэль Джонсон. Королевой кружка считалась Элизабет Монтегю – весьма образованная и состоятельная дама, в чьем доме в Мэйфэре все они часто собирались. Собственно, синие чулки носил мужчина, писатель и натуралист Бенджамин Стилингфлит, но вскоре так стали называть всю группу. Модный кружок часто служил темой для сплетен и газетных статей, дошло даже до того, что в одной статье анонимный автор призывал Оксфорд и Кембридж открыть свои двери перед “остроумными и учеными леди”.

В XIX веке нравы стали строже, прозвище “синий чулок” теперь воспринималось как презрительное и обидное. Викторианский идеал женщины не предусматривал глубоких познаний в науках. От девушки из хорошей семьи ожидали, что она будет немного музицировать, немного рисовать, читать чувствительные романы и ждать появления жениха. А после свадьбы станет мудрым капитаном домашнего корабля, ангелом в доме, примером слугам и детям, опорой мужу.

Разумеется, ученые женщины никуда не делись. Ярким примером может служить Мэри Сомервиль (в ее честь позже назвали один из первых женских колледжей). Она родилась в Шотландии, была замечательно хороша собой. Самостоятельно выучив латынь, чтобы читать в оригинале сочинения Ньютона, Мэри впоследствии стала выдающимся математиком и астрономом. Дважды была замужем – в первом браке скучала и, как говорят, имела обыкновение во время приемов прятать под веером листочки с математическими задачами и решать их украдкой. Благодаря второму мужу она попала в общество интеллектуалов, где ей было самое место. Умерла в Неаполе, в возрасте 92 лет, оставив множество научных трудов.



Мэри Сомервиль – "академик в чепце".

Большинство девочек из семей среднего класса получали очень ограниченное образование – главным образом дома, с гувернантками, хотя и женские школы тоже существовали. При этом преподавательская работа была, в сущности, единственным пристойным занятием для незамужней женщины. А таких было немало – в середине XIX века в Великобритании, согласно переписи населения, женщин насчитывалось на полмиллиона больше, чем мужчин. Беда в том, что сама гувернантка зачастую тоже была очень плохо обучена, полностью зависима от хозяйских капризов и никак не защищена социально. Тут, как правило, не шла речь о вдохновенном увлечении науками – самая известная гувернантка в литературе, героиня романа Шарлотты Бронте "Джен Эйр", с радостью бросает преподавание, чтобы стать преданной женой и матерью.

Но вышло так, что именно забитые гувернантки, а не состоятельные ученые дамы, стали причиной реформы, имевшей далеко идущие последствия. В 1843 году было создано благотворительное Общество помощи гувернанткам (*Governesses' Benevolent Institution*), которое приняло решение выдавать будущим преподавательницам сертификаты, проводить экзамены и тем самым упрочить их профессиональное и финансовое положение. Результаты первых экзаменов оказались весьма плачевными. В 1847 году при Кингс-колледже в Лондоне открылись вечерние курсы для женщин (они назывались "Лекции для леди"). Лекции имели бешеный успех, пришлось открывать дополнительные дневные курсы. И в 1848 году, под непосредственным патронажем королевы Виктории, было создано первое высшее учебное заведение для женщин – Квинс-колледж. Уровень обучения был далек от университетского – по сути, это было среднее образование. Преподавали в колледже мужчины.

Поэт-лауреат Альфред Теннисон написал по этому поводу поэму “Принцесса”, в которой в шутливо-утопическом духе описывается женский университет, где расхаживают строгие дамы-прокторы, почтенные вдовицы-деканы и прекрасные школярки с золотыми кудрями.

Важно отметить, что Квинс был открыт не только для гувернанток, но и для любых слушательниц, которые хотели посещать занятия и могли за них заплатить. Из этого колледжа вышли две женщины, оказавшие колоссальное влияние на женское образование в Англии, – Фрэнсис Мэри Басс и Доротея Бил. Обе они возглавили школы для девочек, которые работали по высоким академическим стандартам и постепенно вышли на уровень, не уступавший лучшим мужским школам. В то время идея равного образования для мальчиков и девочек большинству казалась совершенно дикой и неосуществимой – но мисс Басс и мисс Бил это нисколько не смущало.

Женщины в мужской Академии: сговорчивый Кембридж

Кампания за женское образование расширялась и набирала силу. Одним из главных борцов и стратегов этой кампании стала Эмили Сара Дэвис. Эмили Дэвис была дочерью священника из Саутгемптона. Переехав в Лондон в начале 1860-х годов после смерти отца, она попала в круг ранних феминисток и суфражисток – ее ближайшей подругой была легендарная Элизабет Гарретт Андерсон, первая в Англии женщина-врач, которая в 1874 году создала и возглавила первый в Великобритании женский медицинский колледж. Цели, которые ставила перед собой Эмили Дэвис, были не менее грандиозными.

С 1850-х годов Оксфорд и Кембридж проводили “экзамены на местах” – по всей Англии мальчики из разных школ получили возможность написать экзаменационные работы, чтобы преподаватели двух старейших университетов оценили их знания (это был необходимый шаг, поскольку большинство школ работали без всяких стандартов). Эмили Дэвис решила добиться, чтобы на эти экзамены допускали и девочек. Оксфорд был готов провести отдельные “девичьи” экзамены, но мисс Дэвис была категорически против такого подхода. Кембридж оказался более сговорчивым и согласился на эксперимент – разумеется, девочки сдавали экзамен отдельно, но им были даны те же экзаменационные задания, что и мальчикам. Мисс Дэвис рисковала: могло не найтись достаточно желающих, результаты могли оказаться удручающе низкими, все предприятие могло обернуться провалом. Но не обернулось – в большой степени благодаря директрисам передовых школ. В целом девочки справились с заданиями на удивление хорошо, и их участие в кембриджских экзаменах для школьников стало постоянным. Но мисс Дэвис на этом не остановилась.



Эмили Дэвис, 1901 *г.*

Когда в 1864 году Королевская комиссия решила проверить состояние среднего образования, мисс Дэвис настояла, чтобы женские школы были включены в проверку. Даже школы для мальчиков были по большей части сочтены неблагополучными, но школы для девочек – за исключением заведений мисс Басс, мисс Бил и еще нескольких директрис – продемонстрировали безнадежно низкий уровень знаний, бессистемность и поверхностность. Вывод комиссии о преподавательницах звучал как приговор: “Их самих не учили, и они не умеют учить”.

Комиссия высказала убеждение, что способности к обучению равны у обоих полов, что обучение не вредит здоровью девочек и что женские школы нуждаются в какой-то форме контроля. Эти выводы были чрезвычайно прогрессивными, и последствия не заставили себя ждать. В частности, стали открываться новые школы для девочек, работающие по принципам, заложенным мисс Басс и мисс Бил. Этим школам требовались обученные преподавательницы – вопрос о высшем образовании для женщин становился все более насущным.



Женский университет из поэмы Теннисона.
Рис. Джорджа дю Морье, "Панч", 1866 г.

Многие пионеры женского образования считали, что обучение девочек не должно заканчиваться в 17–18 лет, что, начав учиться в хорошей школе, способная девушка должна иметь возможность и дальше утолять жажду знаний. Очевидным путем к этому были уже доказавшие свою жизнеспособность женские курсы и лекции, которые теперь можно было поднять на новый, университетский уровень. Этим путем пошла Энн Джемайма Клаф, дочь ливерпульского торговца хлопком. В 1866 году она организовала специальные лекции для женщин, которые читались университетскими преподавателями на севере Англии – в Ливерпуле, Манчестере, Лидсе. Затем курсы распространились по всей стране, и мисс Клаф обратилась в Кембридж с просьбой о специальном экзамене для женщин старше восемнадцати. Такие экзамены начали проводить в 1869 году.

Тем временем Эмили Дэвис, не желая довольствоваться женскими курсами и женскими экзаменами, решила, что создаст собственный колледж, который будет работать по стандартам мужского университета. Поскольку Кембридж проявлял бóльшую гибкость, чем Оксфорд, она обратилась за помощью к нескольким тамошним преподавателям, которые поддерживали идею женского образования, сформировала комитет, начала сбор средств. С самого начала мисс Дэвис открыто формулировала свою цель – добиться, чтобы женщин допускали к экзаменам на степень и чтобы впоследствии они могли стать полноправными членами университета.

Денег удалось собрать немного. И все-таки мисс Дэвис сняла небольшой домик в Хитчине, в 26 милях от Кембриджа, нашла нескольких донов, готовых ездить к ученицам на поезде, и в октябре 1869 года пять первых студенток приступили к учебе.

В тот же год молодой кембриджский дон Генри Сиджвик, активно участвовавший в организации курсов мисс Клаф, предложил проводить в Кембридже лекции, которые помогли бы женщинам готовиться к женским экзаменам. Предприятие имело большой успех, в Кембридж стали прибывать слушательницы. Было очевидно, что нужен какой-то пансион, где они могли бы жить. Генри Сиджвик предложил Эмили Дэвис объединить усилия. Этот план казался

разумным со всех сторон – учитывая скудость ресурсов и организационные сложности, от объединения выиграли бы все. Но мисс Дэвис наотрез отказалась – ей не нужны были специальные женские экзамены, она хотела, чтобы ее студентки учились на тех же условиях, что и мужчины. Объединения не произошло.

Вместо этого в Кембридже, где еще недавно и присутствия женщины никто не мог себе представить, было создано *два* женских колледжа вместо одного. Мисс Дэвис, несмотря на финансовые трудности, сумела собрать достаточно средств, чтобы начать строительство на купленном ею участке в деревушке Гиртон, в двух с половиной милях от центра Кембриджа. В 1873 году состоялся переезд, колледж получил имя Гиртон.

Генри Сиджвик вместе с мисс Клаф в 1871 году открыл Ньюнем (хотя называться так он стал только в 1875 году). Мисс Клаф стала его первым ректором.

Женщины в мужской Академии: неподатливый Оксфорд

Как мы помним, в 1862 году Оксфорд отказался допустить школьниц к своим проверочным экзаменам. В 1866-м последовали еще одна просьба и еще один отказ, но в 1870-м Оксфорд все-таки ответил согласием. На экзаменах 1873 года произошел неожиданный инцидент: лучшая работа была подписана “Э. М. Э. Х. Роджерс”, способному кандидату была тут же предложена стипендия в Вустер (один из оксфордских колледжей). И тут выяснилось, что Э. М. Э. Х. Роджерс – леди восемнадцати лет от роду, Энни Мэри Энн Хенли Роджерс. Вустер смущенно отозвал стипендию и преподнес девушке несколько книг. И речи не могло быть о том, чтобы допустить ее к учебе.

Неизвестно, как долго смог бы Оксфорд оборонять свои священные рубежи, но тут произошло знаменательное событие: донам разрешили жениться.

Уже с середины XIX века в старейшем университете Англии начали проводиться реформы. Либеральные реформаторы пытались урезать привилегии знати, осовременить программу, которая не менялась столетиями, более равномерно распределить нагрузку между профессорами и тьюторами, ослабить религиозные ограничения и т. д. Все эти новшества приживались очень медленно, при упорном сопротивлении университетских консерваторов. В 1871 году был принят законодательный акт, который открыл доступ в университет студентам любых вероисповеданий (до этого Оксфорд был строго англиканским). Религиозная реформа положила конец целибату преподавателей (до этого обзаводиться семьей имели право только профессора и главы колледжей). Д. Болдсон, автор книги “Оксфордская жизнь”, пишет, что как современная история начинается с Великой французской революции, так история современного Оксфорда начинается со статута 1877 года, согласно которому члены университета получили право вступать в брак.

Изменение действительно оказалось революционным. В университете появились молодые жены – в основном это были образованные женщины, дочери профессоров и священников, ярые сторонницы женского образования. В Оксфорде еще с середины 1860-х годов пытались, как и в Кембридже, организовать лекции для женщин, но только теперь эта инициатива приобрела настоящий размах. Правда, лекторы не всегда благосклонно воспринимали новые веяния. Известно, что искусствовед и художник Джон Рескин отказался пускать женщин на цикл своих лекций, объяснив, что “шляпкам” там делать нечего, они будут только занимать место: “Я буду говорить об углах, градусах, цветах, призмах… и о прочих вещах, недоступных женскому уму”. Однако отделаться от “шляпок” оказалось не так легко.

В Оксфорде образовалось целое общество борцов за женское образование, был создан специальный комитет. Мужчины принимали во всем этом живейшее участие – оксфордские жены почти всегда могли положиться на поддержку своих мужей, а часто и отцов, многие из которых занимали высокое положение в университетской иерархии. Так, молодая женщина по имени Берта Джонсон, жена историка из колледжа Олл-Соулз, тут же привлекла мужа к чтению лекций по истории, которые имели огромный успех. Многие другие выдающиеся преподаватели охотно приняли участие в начинании. Слушательницам курсов разрешили заниматься в Радклиф-Камере – одном из зданий оксфордской Бодлеанской библиотеки. По инициативе Торольда Роджерса, отца той самой Энни Роджерс, которая чуть не получила стипендию в Вустер, был принят университетский статут, обеспечивавший проведение специальных экзаменов для женщин старше восемнадцати лет. Наряду с традиционными предметами – латинским, греческим, математикой, историей и т. д. – в экзаменационные курсы были включены английская словесность и современные языки, которые тогда не входили в экзаменационную программу Оксфордского университета. Эти предметы были введены специально для женщин

(которые зачастую плохо знали древнегреческий и латынь), но впоследствии оказались востребованы и мужскими колледжами. По результатам экзаменов женщины получали сертификаты.

Как и в Кембридже, естественным следствием введения курсов стала идея создания специальных женских пансионов, или “холлов”, которые тогда еще не называли себя колледжами, но фактически представляли собой такую же структуру, как мужские колледжи Оксфорда (в Оксфорде и Кембридже колледжи всегда были в первую очередь местом проживания студентов). Члены инициативной группы съездили в Кембридж, чрезвычайно вдохновились успехами Гиртона и Ньюнема и решительно взялись за дело.



Еще одна фантазия “Панча” на тему прекрасных школярок.
Рис. Джорджа дю Морье, 1873 г.

Однако, как и в Кембридже, между организаторами возникло непреодолимое разногласие. Впоследствии его окрестили борьбой между “лагерем Крайст-Черч” и “лагерем Бэйлиола” – разумеется, в каждый лагерь входили представители многих колледжей, а также их жены и другие энтузиасты женского образования. Более консервативный “лагерь Крайст-Черч” считал, что женский колледж должен быть англиканским (ректор колледжа Кибл епископ Эдвард Талбот заметил, что неплохо бы церкви раз в жизни оказаться в голове передового начинания, вместо того чтобы плестись в хвосте). Более либеральный “лагерь Бэйлиола” настаивал на том, что колледж должен быть основан на принципе свободы вероисповедания.

Этот конфликт оказался неразрешимым. В Оксфорде, как и в Кембридже, одновременно было создано два женских колледжа – Леди-Маргарет-Холл и Сомервиль, будущая *alma mater* Дороти Сэйерс.

Первые шаги

Несмотря на разногласия, два противоположных лагеря продолжали работать в тесном сотрудничестве. Для поддержки обоих женских колледжей 22 июня 1878 года была создана единая организация с длинным названием “Ассоциация продвижения женского образования в Оксфорде” *(Association for Promoting the Education of Women in Oxford, AEW)*[2]. Ассоциация брала на себя организацию всех лекций и занятий, установление правил и уставов, а также многие другие функции. Члены Ассоциации работали неутомимо, эффективно и совершенно безвозмездно.

Нужно сказать, что хотя многие университетские преподаватели тесно сотрудничали с Ассоциацией, Оксфордский университет как официальная структура полностью игнорировал женщин и все с ними связанное. Вопрос о том, смогут ли женщины посещать лекции и занятия того или иного профессора, пустят ли их в аудитории и лаборатории того или иного колледжа, оставался всецело на усмотрение лектора, тьютора или ректора.

Конечно же и сопротивление было значительным – как внутри университета, так и вне его. Уже давно раздавались голоса, утверждавшие, что женское образование губительно для нации. Было довольно широко распространено убеждение, что занятия вредят женскому здоровью, особенно репродуктивному – считалось, что ученые женщины не смогут рожать. Университетских донов, впрочем, волновало не столько женское здоровье, сколько собственные удобства. Не нарушат ли женщины покой и уединение университетских садов? Не будут ли отвлекать студентов? Не станут ли назойливо вмешиваться в академическую жизнь?

С самого начала Ассоциация решила действовать очень осторожно – ни в коем случае не раздражать университетское сообщество, держаться тише воды ниже травы. Для этого нужно было прежде всего отмежеваться от образа “новой женщины”, феминистки и суфражистки, и создать образ скромной и трудолюбивой школярки, которая, обладая всеми достоинствами викторианской леди, сочетает их с любознательностью и жаждой знаний. Ассоциация с большой тщательностью подошла к выбору ректоров.

Англиканский Леди-Маргарет-Холл, который описывал свое будущее существование как “жизнь *англиканской* семьи”, предложил пост главы колледжа Элизабет Вордсворт, внучатой племяннице знаменитого поэта. Ее отец был в то время епископом Линкольнским (а прежде возглавлял мужскую частную школу Харроу), брат Джон преподавал в Брэйзноузе (а позже стал епископом Солсберийским), дедушка был в свое время ректором Тринити-колледжа в Кембридже – словом, мисс Вордсворт была тесно связана и с высшим англиканским духовенством, и с академической средой. Сама она получила прекрасное домашнее образование – знала латынь, древнегреческий, древнееврейский, итальянский, французский и немецкий языки, много читала, считалась блестящей собеседницей.

Сомервиль, обещавший своим будущим обитательницам “жизнь *английской* семьи”, выбрал Маделен Шоу-Лефевр, чьи родственники принадлежали к академической и политической элите. Отец ее служил вице-канцлером Лондонского университета, брат был членом парламента от партии либералов. Сама мисс Шоу-Лефевр, по воспоминаниям современников, казалась воплощением женственности и элегантности, даже когда работала в саду. Она была художницей и путешественницей, успела побывать в Северной Америке, Вест-Индии, в Тринидаде (говорят, ее наброски так вдохновили писателя Чарльза Кингсли, что он тоже отправился в эти дальние края).

Ректоры с самого начала во всем поддерживали друг друга, обе посетили Кембридж, чтобы набраться мудрости у мисс Дэвис и мисс Клаф (которые к тому времени, преодолев

[2] Далее для краткости мы будем называть эту организацию “Ассоциация женского образования” или просто “Ассоциация”.

разногласия, тоже выступали единым фронтом), но не собирались в точности копировать кембриджский опыт.

Оба колледжа расположились на некотором расстоянии от центра Оксфорда – Леди-Маргарет-Холл чуть дальше, на взятых в долгосрочную аренду землях колледжа Сент-Джонс, среди садов, прямо у реки Черуэлл; Сомервиль чуть ближе, на территории Уолтон-Хауса, который тоже принадлежал Сент-Джонсу (позже его удалось выкупить). Денег у первых колледжей было совсем мало, так что обставляли помещения всем миром – друзья и единомышленники присылали мебель, ковры, картины и т. д.

Неясно было, удастся ли набрать студенток. Несмотря на то, что оплата была очень скромной в сравнении с мужскими колледжами, сама идея тратить деньги на образование дочерей была в то время довольно непопулярной. Считалось, что таким образом семья обделяет сыновей, которым предстоит зарабатывать себе на хлеб, что для женщины образование – лишь игрушка, причем вредная, которая, возможно, помешает ей выйти замуж и устроить свою жизнь. Перед образованной женщиной и впрямь не открывалось никаких радужных перспектив, хотя она и могла обеспечить себе заработок преподаванием. Кроме того, затея казалась рискованной и сомнительной – не повредит ли университетская среда девичьей скромности? Мисс Вордсворт, приводя в порядок помещения колледжа, жаловалась, что чувствует себя “как лысый, который на всякий случай носит с собой расческу”.

Тут снова большую роль сыграли мисс Басс, мисс Бил и другие директрисы передовых школ, которые без устали убеждали родителей своих лучших учениц в необходимости дальнейшего образования.

В 1879 году Леди-Маргарет-Холл набрал девять студенток, а Сомервиль – двенадцать. Два маленьких, плохо оснащенных корабля пустились в дерзкое и опасное плаванье.

Прекрасная школярка – мифы и реальность

С самого начала своего существования женские колледжи столкнулись с весьма скептическим, а порой и откровенно враждебным отношением со стороны “широкой общественности”. Многие газеты и журналы публиковали карикатуры и разного рода юмористические скетчи, изображающие ужасы женской учености. К примеру, сатирический журнал “Панч” в 1883 году напечатал изображение “магистерши искусств” со скорпионьим жалом, торчащим из-под академической мантии, а в 1888 году разразился целой серией картинок, на которых девушки-студентки отвлекают от занятий молодых людей. Интересно, что карикатуристы щедро награждали женщин мантиями и учеными званиями задолго до того, как университеты оказали им эту честь. Возможно, вид женщины в мантии казался художникам особенно гротескным.

В 1884 году знаменитые авторы комических опер Гилберт и Салливан написали пародию на уже упоминавшуюся поэму Теннисона под названием “Принцесса Ида” – бойкие арии, высмеивающие студенток, быстро приобрели популярность.

Открылся женский колледж! Какой безумный бред!
Зачем учить прелестниц тому, что им во вред?

Опасения скептиков были чрезвычайно противоречивы. Девушки станут “синими чулками”, утратят все свои женские качества и превратятся в неопрятные пугала. Девушки будут носить легкомысленные наряды и отвлекать студентов. Девушки никогда не выйдут замуж. Девушки станут выходить замуж за тьюторов. Они не смогут учиться, потому что не способны к наукам. Они вытеснят мужчин из всех сфер жизни. Громче всего звучал аргумент о противоестественности “смены ролей” – многие журналы печатали стихотворения и эссе, призывающие женщин оставаться женщинами.



Магистерша искусств.
“Панч”, 1883 г.

Почтенная мисс Вордсворт с ее светским лоском и величественная мисс Шоу-Лефевр, словно сошедшая с картины Гейнсборо, должны были, казалось, одним своим видом усмирить все опасения разом. И мисс Вордсворт, и мисс Шоу-Лефевр вводили своих воспитанниц в оксфордское светское общество – девушки поочередно посещали обеды и чаепития в сопровождении наставниц. Студенткам предписывалось соблюдать опрятность, но не одеваться слишком нарядно. Им надлежало иметь безукоризненные манеры, избегая как чрезмерной застенчивости, так и чрезмерной бойкости. И ни при каких условиях нельзя было привлекать к себе излишнее внимание окружающих. Известен случай, когда мисс Шоу-Лефевр попросила одну

из студенток сменить шляпку. “Но ведь она мне к лицу!” – возразила та. “Даже слишком”, – был ответ.

Мисс Шоу-Лефевр удалось приручить даже такого убежденного врага женского образования, как Джон Рескин. Забыв свою неприязнь к “шляпкам”, он с удовольствием навещал Сомервиль и вел беседы с ректором, радуясь, что почтенный возраст позволяет ему “запросто приходить на чай и смотреть, как девочки играют в мяч”. Рескин преподнес колледжу несколько ценных подарков – собрание собственных сочинений (19 томов в синем сафьяне), картины, геологические образцы и сапфиры, которые позже были вправлены в колье и стали частью парадного облачения ректора.

Условия жизни в женских колледжах были не просто скромными, а прямо-таки спартанскими. Все первые студентки вспоминают сквозняки, отсутствие горячей воды, скудную пищу и строжайшие правила. В Сомервиле на семерых студенток приходилась одна ванная комната, которая одновременно служила спальней служанке (служанок с самого начала по оксфордскому обычаю называли “скаутами”). Девушки не имели права покидать колледж без разрешения, на занятия они ходили группами и непременно в сопровождении “дуэньи”. “Дуэньи” специально нанимались Ассоциацией за небольшую плату и невозмутимо вязали во время лекций. Иногда, впрочем, эту роль приходилось выполнять ректорам. Мисс Вордсворт имела обыкновение прерывать лектора вопросом или замечанием.

Девушкам категорически запрещалось общаться с мужчинами-студентами до и после лекций. Правило это соблюдалось до того свято, что одна из студенток, встречая возле лекционной аудитории друга детства, делала вид, что она с ним не знакома. Из этого правила, впрочем, случались исключения – одной из студенток было разрешено без сопровождения посещать лекции родного брата “ввиду ее несомненного внешнего сходства с лектором”, другая приходила без “дуэньи” на чай к Чарльзу Латвиджу Доджсону (он же знаменитый Льюис Кэрролл), поскольку таково было его категорическое требование.

И все-таки, при всех внешних ограничениях, девушки, приехавшие учиться в Оксфорд и Кембридж, наслаждались небывалой свободой. Прежде всего, у каждой из них появилась *своя комната* (позже Вирджиния Вулф назовет так свое эссе о женщинах и университетах). Конечно, собственная спальня была дома у многих девушек, но женская комната традиционно не считалась местом для уединенных занятий. Женщину в любой момент могли призвать к тем или иным домашним делам, покой библиотеки и кабинета был ведом лишь мужчинам. Здесь же одиночество, необходимое для сосредоточенной учебы, было их священным правом. Никто не считал их эгоистками за то, что они посвящали все свое время учебе, никто не говорил, что девушке вредно сидеть за книгами.



Помолвка студентки и дона.
Карикатура 1880 года.

Кроме того, им предоставили свободу общения – не светского и поверхностного, а интеллектуально насыщенного, с разговорами допоздна, спорами на философские темы, коллективным сочинением стихов и пьес. Здесь собрались девушки из разных слоев общества, которые никогда бы не встретились при других обстоятельствах (в Сомервиле, по очевидным причинам, социальный и национальный состав был особенно пестрым). И наконец, посещая лекции и занятия оксфордских профессоров, они оказались под влиянием лучших умов Англии.

В сущности, в конце XIX века жизнь оксфордских студенток гораздо больше, нежели жизнь студентов, напоминала тот строгий монашеский идеал, который был так дорог сердцу университетских консерваторов. Мужчины, живя в своих старинных колледжах, среди сокровищ архитектуры и живописи, уделяли много внимания комфорту и развлечениям, изысканной еде и отменным винам, в то время как женщины неустанно трудились в своих холодных кельях. Именно такую картину рисуют два забавных скетча, опубликованных в журнале “Мюррэйз” в 1888 году. В одном из них описан типичный день студента, в другом – студентки.

Юноша просыпается поздно, пропускает лекции, проводит весь день на реке и в клубах, кутит с друзьями. Девушка встает ни свет ни заря, занимается целый день, прерываясь лишь для того, чтобы прогуляться или сходить на заседание литературного общества.

Вскоре студенток стали обвинять уже не в легкомыслии, а в занудстве и педантичности. “Большинство студенток – школьные училки в зародыше: они все понимают буквально, пишут подробнейшие конспекты лекций <…> не заботятся о своей внешности и возят сотни книг в плетеных корзинках на раме велосипеда”, – пишет поэт Джон Бетжемен. Правда, добавляет он, ходят слухи о веселых вечеринках с какао, но никто ничего не знает наверняка.



Вечеринка с какао. “Иллюстрейтед Лондон ньюс”, 1920 г.
Рис. Уилтона Уильямса.

Невидимки на марше

План основателей оксфордских женских колледжей удался в полной мере – десятилетиями они ухитрялись оставаться практически невидимыми, все это время продолжая неуклонно продвигаться вперед.

Будущий премьер-министр Гарольд Макмиллан, учившийся в Оксфорде в 1912–1914 годах, вспоминает: “Женщин не было. Это было совершенно мужское, монастырское сообщество. Мы знали, что где-то существуют женские колледжи, но для нас они не существовали”. Еще поразительней пассаж из “Возвращения в Брайдсхед” Ивлина Во: “И вот сюда, в строгий монашеский Оксфорд, на гребную неделю хлынула толпа представительниц женского пола числом в несколько сот человек, они щебетали и семенили по булыжнику мостовых и по ступеням старинных лестниц, осматривали красоты архитектуры и требовали развлечений…”[3] Действие происходит в 1923 году – женщины учатся в “монашеском Оксфорде” более сорока лет.

А тем временем жизнь женских колледжей, невидимая внешнему миру, шла своим чередом. Специальные экзамены для женщин, казавшиеся еще недавно великим достижением, вскоре себя изжили. Эмили Дэвис оказалась права: чтобы женское образование принимали всерьез, женщины должны были начать сдавать те же экзамены, что и мужчины. В Кембридже это произошло в 1881 году, а через два года оксфордская Ассоциация женского образования подала петицию о допуске женщин к экзаменам на степень бакалавра и получила решительный отказ. Звучали обычные доводы: женщины должны быть помощниками мужчин, а не их соперниками; они не выдержат напряжения; античная литература может оказать на них дурное влияние.

[3] Цит. по переводу И. Бернштейн.



Гости. “Иллюстрейтед Лондон ньюс”,
1913 *г. Рис. С. Бегга.*

Однако женщины не опускали рук, вербовали сторонников, и второе голосование увенчалось успехом. Возможно, свою роль сыграло то, что у многих голосовавших были дочери. Это была серьезная победа – студентки Сомервиля долгое время отмечали годовщину голосования как один из главных праздников в году. Их радость разделяли не все. Настоятель Чичестерского собора Джон Бергон, читая проповедь в Нью-колледже, заявил присутствовавшим в часовне женщинам: “Низшими по отношению к нам Бог сотворил вас, и низшими вы останетесь до конца времен”. Паства встретила эти слова дружным смехом.



Своя комната. “Иллюстрейтед Лондон ньюс”,
1920 г. Рис. Уилтона Уильямса.

К концу XIX века в Оксфорде было уже пять женских учебных заведений. В 1886 году Элизабет Вордсворт, ректор Леди-Маргарет-Холла, получила наследство и основала колледж для девушек из бедных семей, назвав его Сент-Хью в честь своего отца. В 1897 году появился колледж Сент-Хильда, детище уже не раз упоминавшейся здесь Доротеи Бил. Кроме того, существовало Объединение приходящих студенток – девушек, которые жили на квартирах или у родственников и при этом посещали занятия. Эта организация, как и все колледжи, находи-

лась под крылом Ассоциации женского образования. Впоследствии она была преобразована в колледж Сент-Энн.

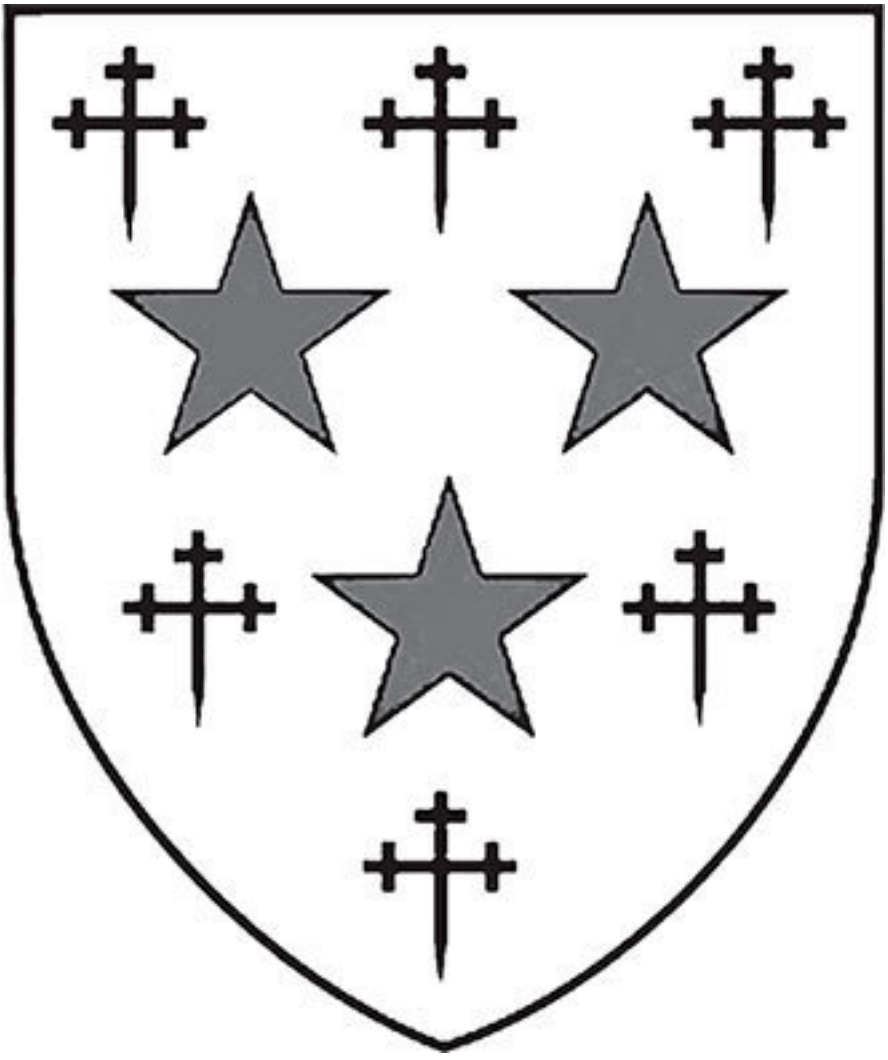
Оксфордские студентки учились, сдавали экзамены на степень, многие получали высшие оценки. Однако официально женщины по-прежнему не имели никакого отношения к Оксфордскому университету – они не являлись его членами, не принимали участия в управлении, не получали ученых степеней. Несмотря на все свои труды и достижения, они все еще сидели на краешке стула.

Сомервиль: от пансиона к колледжу

Сомервиль с самого начала выделялся среди первых женских колледжей – прежде всего установкой на свободу вероисповедания и явным либерализмом. В этом смысле он больше всего напоминал Бэйлиол – не случайно Сэйерс сделала лорда Питера выпускником именно этого “старинного учреждения”.

Колледж был назван в честь уже упоминавшейся ученой дамы Мэри Сомервиль, причем наследники отдали в колледж ее библиотеку и разрешили взять их семейный герб.

Сомервиль не посрамил свою ученую покровительницу – он всегда был первым по академическим достижениям, больше других колледжей стремился к переменам, его питомицы славились свободомыслием, а иногда и дерзостью. Студенткам Сомервиля не запрещалось курить, они первыми стали играть в хоккей в укороченных юбках (да еще красных!), в то время как остальные благопристойно волочили по траве неудобные длинные подолы.



Герб Сомервиля.

В разные годы из Сомервиля вышло немало ярких личностей – премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, премьер-министр Индии Индира Ганди, лауреат Нобелевской премии по химии Дороти Ходжкин, писательница Айрис Мердок и многие, многие другие.

Сомервиль первым из всех женских заведений стал настоящим колледжем. В 1880-х годах речь все-таки шла скорее о пансионах, в которых не было ни научных сотрудников, ни преподавателей. Им неоткуда было взяться – женщин с официальным университетским образованием просто не существовало. Но ситуация стала меняться, когда появились первые выпускницы. Мисс Шоу-Лефевр ушла со своего поста в 1889 году. Она всегда старалась создать в колледже домашнюю, семейную обстановку и сравнивала женский колледж с деревенской усадьбой, куда съехались гостить друзья: каждый может проводить время в одиночестве или присоединяться к коллективным занятиям.

Агнес Кэтрин Мэйтленд, пришедшая на смену Маделен Шоу-Лефевр, принялась создавать учебное учреждение. Она обладала большим управленческим и финансовым опытом и полностью обратила его на благо колледжа. Прежде всего она наняла собственных тьюторов. Помощниц ректора и раньше называли этим университетским словом, но их обязанности были не столько академическими, сколько административными. Теперь же у Сомервиля появились собственные преподаватели. Это неизбежно вело к отделению от Ассоциации женского образования – колледж мог сам теперь руководить занятиями своих студенток. Возник чрезвычайно острый конфликт, в результате которого подала в отставку Берта Джонсон, возглавлявшая Ассоциацию со дня ее основания.

Но мало было собрать под своей крышей колледжа молодых ученых, следовало еще и создать условия для научной работы. Сомервиль первым ввел оплачиваемый годовой отпуск для ученых занятий, первым назначил пенсии своим сотрудникам, первым (в 1902 году) учредил стипендию для исследователей, назвав ее именем Мэри Сомервиль. Одним из условий получения этой стипендии было проживание в колледже в течение трех лет. Это было важно, поскольку дома женщины по-прежнему не имели возможности серьезно работать – считалось, что прежде всего они должны заниматься домашними делами, заботиться о родственниках, помогать с детьми замужним сестрам и т. д.



Хоккейный матч. “Иллюстрейтед Лондон ньюс”, 1920 г.
Рис. Уилтона Уильямса.

Кроме того, мисс Мэйтленд собрала средства на серьезную перестройку колледжа (в романе Сэйерс мы находим отголоски этого процесса). Главным ее достижением стала библиотека – впервые у женского колледжа появилось отдельное библиотечное здание. У Сомервиля к тому времени была довольно ценная коллекция книг, рассеянная по разным помещениям. Благодаря пожертвованиям выпускниц новое здание удалось открыть в 1904 году – на торжественной церемонии присутствовал сам вице-канцлер. Вскоре после этого Сомервиль получил в дар библиотеку известного борца за права женщин Джона Стюарта Милля.

Сомервиль: борьба за степени

В 1906 году мисс Мэйтленд внезапно скончалась, что стало страшным ударом для всего колледжа. Новым ректором назначили мисс Эмили Пенроуз, которой предстояло сыграть решающую роль в борьбе за ученые степени.

Мисс Пенроуз была выпускницей Сомервиля, первым ректором с полноценным университетским образованием. Кроме того, она была первой женщиной, получившей наивысшую оценку по античной литературе – самому престижному оксфордскому предмету. Архивариус и историк Сомервиля Полин Адамс пишет, что вряд ли кто посмел бы заикнуться об интеллектуальной неполноценности женщин в ее присутствии.

Мисс Пенроуз могла бы стать государственным деятелем или полководцем – она обладала удивительной прозорливостью, талантом стратега и неисчерпаемым терпением. В общении она была довольно застенчива и скованна, не умела вести светскую беседу, порой своей величавой сдержанностью и чрезвычайно высоким ростом наводила страх на студенток. Полин Адамс отмечает, однако, что в броне мисс Пенроуз имелись кое-какие трещины – “иногда способность видеть проблему со всех сторон мешала ей принять решение, кроме того, она была подвержена сильным головным болям и безумно боялась кошек”.

Мисс Пенроуз продолжила начинания мисс Мэйтленд: укрепление преподавательского состава и расширение колледжа. При ней появилась большая трапезная, просторная профессорская, новые жилые комнаты. Но самой главной ее реформой стала новая система обучения, которая впоследствии дала Сомервилю неоценимые преимущества.

Дело в том, что учеба женщин не подчинялась никаким строгим правилам. Они не являлись членами университета и не придерживались трехступенчатой системы экзаменов. Мужчины в самом начале обучения сдавали экзамены первой ступени, которые должны были подтвердить их школьные знания, затем в середине обучения – экзамены второй ступени, и наконец – экзамены на степень. Полный курс составлял три или четыре года (по-разному для разных дисциплин), с обязательным проживанием в университете. Для женщин ни одно из этих условий не было обязательным, режим их учебы был гораздо более гибким, промежуточные экзамены они зачастую не сдавали вовсе.



Студентки в библиотеке. “Иллюстрейтед Лондон ньюс”, 1920 г.
Рис. Уилтона Уильямса.

Мисс Пенроуз все это изменила. С начала ее правления студентки Сомервиля стали сдавать все экзамены и соблюдать все сроки. Более того, она перестала принимать студенток, которые не были готовы пройти полный учебный курс. В 1908 году Сомервиль ввел вступительные экзамены, потом стал выдавать собственные дипломы (другим колледжам Ассоциация женского образования выдавала сертификаты). Мисс Пенроуз говорила, что главный аргумент в

пользу присуждения ученых степеней – количество женщин, которые могут претендовать на них по праву. Как и Эмили Дэвис, она считала, что женщины должны стать полноправными членами университета.

Мисс Пенроуз шла к своей цели весьма осторожно и дипломатично – мемуаристы отмечают исключительный такт, прекрасные манеры, отсутствие малейшего напора. В этом она следовала опробованной тактике своих предшественниц. Тем не менее она не готова была поступаться принципами. В 1910 году студентки и выпускницы Сомервиля создали суфражистское общество, поддерживая развернувшуюся в стране борьбу за избирательные права для женщин. Женские колледжи Оксфорда традиционно отмежевывались от суфражисток, считая, что их задачам подобный союз может только навредить. Но мисс Пенроуз неожиданно встала на сторону суфражистского студенческого движения, вызвав тем самым негодование многих коллег и благотворителей (Сомервиль в тот год лишился нескольких крупных пожертвований). Возможно, с характерной для нее проницательностью она понимала: у женщин появились шансы на победу, их время пришло.

Пришло время и для того, чтобы снова поднять вопрос о женских степенях. К этому моменту университеты Англии давно уже присуждали ученые степени своим выпускницам (Университет Лондона – с 1878 года), а в дублинском Тринити-колледже степени могли получать также выпускницы Оксфорда и Кембриджа, прошедшие полный курс и сдавшие экзамены. Это было недешевое удовольствие, и тем не менее сотни женщин прибывали на пароходе в Дублин, чтобы уехать оттуда в мантиях. Их прозвали “пароходными леди”.

Оксфорд и Кембридж, однако, не сдавались. Первый раз Оксфорд отказал женщинам в степенях в 1896 году, галантно предложив им оставаться “почетными гостями”. Верный друг женских колледжей Артур Сиджвик, брат Генри Сиджвика, основавшего Ньюнем, ядовито заметил, что университет выбрал странный способ оказать почет гостям, оставив их без заслуженного вознаграждения. Даже “Панч”, обычно иронически относившийся к ученым дамам, на этот раз был на их стороне. Карикатура, появившаяся в журнале по следам оксфордского голосования, показывала самоуверенного ученого мужа, прогоняющего от дверей богиню мудрости Минерву.



“Женщин не принимаем”. “Панч”, 1897 г.
Рис. Линли Самбурна.



Студенческая гостиная. “Иллюстрейтед Лондон ньюс”, 1920 г.
Рис. Уилтона Уильямса.

Кембридж, ставивший на голосование вопрос о степенях для женщин в 1897 году, был далек не только от галантности, но и от вежливости. Студенты вывесили из окна чучело “синего чулка” на велосипеде с лозунгом “Никаких мантий для Гиртона!”. Когда выяснилось, что члены университета проголосовали против степеней, растерзанное и обезглавленное чучело было вброшено в ворота Ньюнема.

Новая волна обсуждений началась в 1913 году, дебаты затянулись. Казалось, дело сдвинулось с мертвой точки. Но в 1914 году началась война, и всем стало не до голосований. Война изменила положение женщин гораздо радикальнее, чем любой статут.

Война и победа

Как замечает Полин Адамс, война застала врасплох даже мисс Пенроуз. Оксфорд опустел – почти все студенты, аспиранты и молодые преподаватели ушли на фронт. Женщины неожиданно оказались в большинстве. Впрочем, многие студентки тоже пошли служить санитарками, переводчицами и даже водителями. Однако университетские власти настойчиво призывали их остаться в Оксфорде и продолжать образование. Университет впервые заметил своих женщин.

Те, кто остались, тоже брались за разную военную работу – Дороти Сэйерс, например, помогала наладить быт семьям бельгийских беженцев. Некоторые преподавательницы пытались совмещать преподавание и поездки на места военных действий, где они служили в разного рода волонтерских организациях.

В лазарет Радклифа стали прибывать раненые. Поскольку Сомервиль находился по соседству, он временно был занят под госпиталь. Студенткам Сомервиля пришлось переехать в Ориэл – один из старинных колледжей, который стоял практически пустым. У Ориэла был отдельный внутренний двор, девушки могли поселиться там вполне автономно. Арку, соединяющую этот двор с остальным колледжем, заложили кирпичом во имя благопристойности. Ректор Ориэла опасался, чтобы, не дай бог, не появились "какие-нибудь Пирам и Фисба"[4].

Девушкам пребывание в самом центре Оксфорда было внове, и, несмотря на то, что бытовые условия существенно ухудшились, жизнь в старинном колледже будоражила их воображение. Дороти Сэйерс описывает в письме к родителям, как в Ориэл забрел какой-то старый выпускник и, увидев хорошенькую девушку с букетом цветов, вскричал: "Что за ужасное зрелище!" В 1919 году, когда многие мужчины-студенты уже вернулись в колледж после войны, а Сомервиль все еще был занят госпиталем, произошел памятный эпизод, вошедший в сомервильский эпос. Пьяные студенты, придя с пирушки, топором выбили брешь в стене, отделявшей их от студенток Сомервиля. Поднялась паника, разбудили обоих ректоров. Несмотря на то что студенты быстро угомонились и попросили прощения, мисс Пенроуз лично сторожила пробоину до утра. После преподаватели написали юмористическую поэму о событиях той ночи.

Когда англичане говорят "Великая война", они имеют в виду Первую мировую. Потери были страшными – целое поколение молодых британцев осталось на полях сражений. Вера Бриттен, одна из студенток Сомервиля, потеряла жениха, брата и двух ближайших друзей детства. Сама она всю войну служила санитаркой, в том числе на линии фронта. Вернувшись в Оксфорд, она, как и многие другие, не могла отделаться от ощущения игрушечности, несерьезности академической жизни. Только вчера девушки перевязывали раненых, водили тяжелые грузовики, хоронили ровесников, а сегодня от них требуют ходить по улицам в сопровождении "дуэньи"! Да и те, кто не был на фронте, едва ли могли продолжать жить по-старому. В 1918 году к ректору Сомервиля явилась студенческая делегация: девушки просили отменить устаревшие дисциплинарные правила. "Подождите еще немного", – попросила мисс Пенроуз.

Как всегда, она была права. В 1918 году женщины Англии получили избирательное право. В 1920 году Оксфордский университет без сопротивления принял статут о присуждении женщинам ученых степеней. Кембриджу для этого потребовалась еще одна война – они последовали примеру Оксфорда только в 1948 году.

[4] У Овидия есть история о молодых влюбленных, Пираме и Фисбе, которые общались через щель в стене, несмотря на родительский запрет.

Оксфорд проявил такт и благородство в отношении пяти женщин, возглавлявших женские учебные заведения. Не имея на то формального права, все пятеро получили почетную степень магистра искусств.

Студентки могли претендовать на степень бакалавра искусств при условии, что у них сданы все экзамены, включая промежуточные. Тут-то все и оценили дальновидную политику мисс Пенроуз. Студентки и выпускницы Сомервиля оказались в самом выгодном положении – уже четырнадцать лет они учились по мужским правилам.

Не всем так повезло, многим пришлось сдавать недостающие экзамены. Сдавали их не только студентки, но и выпускницы – почтенные матери семейств и директрисы школ потянулись в Оксфорд, чтобы снова сесть на студенческую скамью (иногда бок о бок с собственными дочерьми) и написать экзаменационные работы. Для них эта степень уже не имела практического значения, но она служила символом всего, что было им дорого.

Сохранилась фотография мисс Пенроуз, стоящей рядом с Гилбертом Мюрреем, старым другом Сомервиля. Они идут из Театра Шелдона, где мисс Пенроуз впервые надела мантию магистра искусств. В лице ее читаются усталость, удовлетворение, спокойное достоинство. Великий полководец одержал свою победу.

Дороти Сэйерс и Гарриет Вэйн в Оксфорде 1930-х годов

Во вступлении к роману “Возвращение в Оксфорд” Дороти Сэйерс уверяет читателя, что колледж Шрусбери – плод ее воображения. Но списан он конечно же с ее *alma mater* – Сомервиля. Сомервиль узнается в отдельных персонажах, событиях, архитектурных деталях. Сэйерс даже попросила знакомого архитектора нарисовать ей схему Шрусбери, чтобы ее родной колледж не проявлялся в тексте так явно.

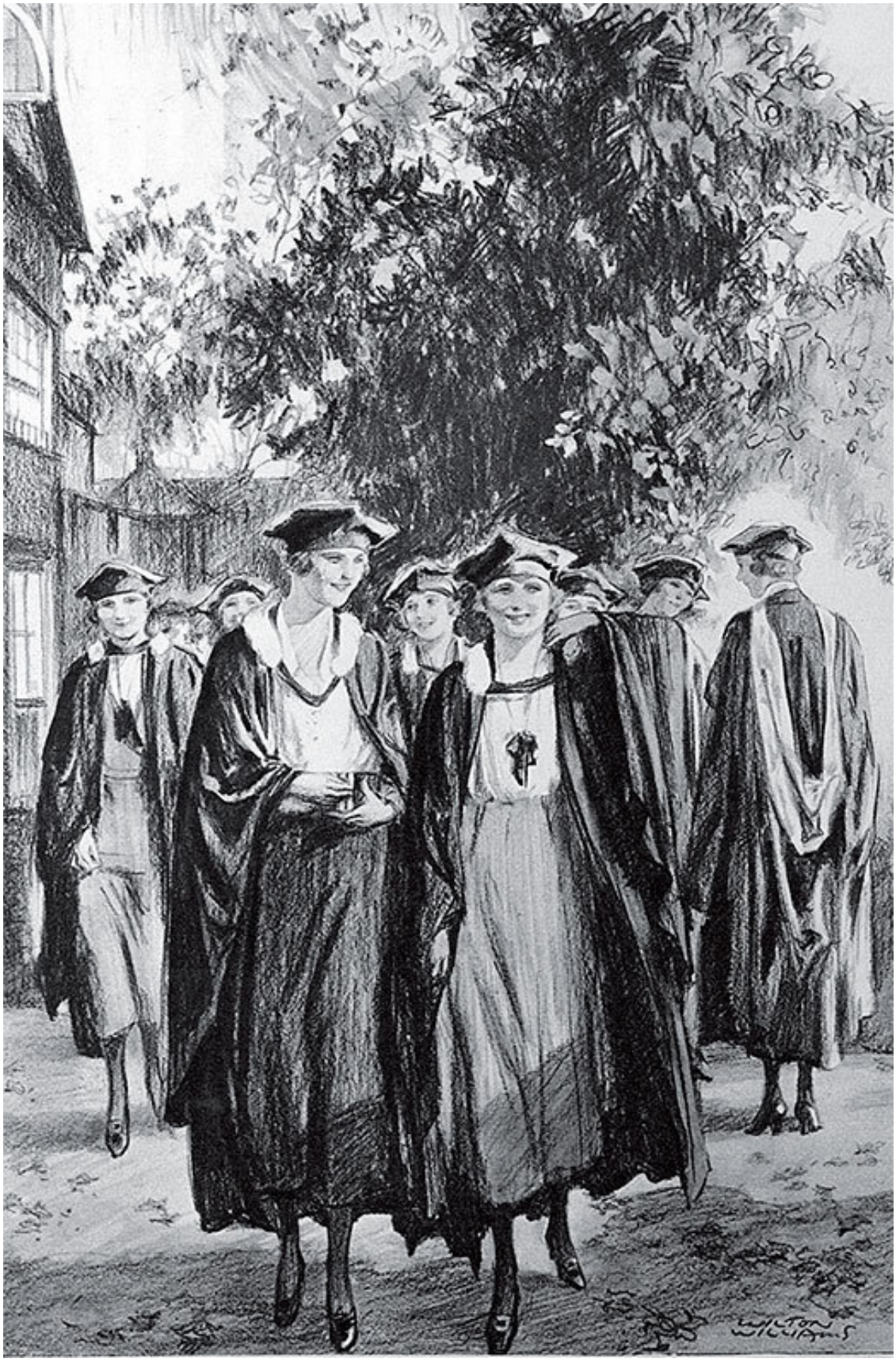
Дороти Сэйерс училась в Сомервиле с 1912 по 1915 год, в эпоху правления мисс Пенроуз. Ее учеба пришлась на самое бурное время – она застала борьбу за степени, войну, временный переезд в Ориэл. В 1915 году Сэйерс получила высшую оценку по современным языкам, а в 1920 году была среди первых студенток, надевших мантии бакалавра искусств.



Мисс Пенроуз и Гилберт Мюррей, 1920 г.
Фото из архива колледжа Сомервиль.

Ее героиня, Гарриет Вэйн, училась на десять лет позже, в более спокойные двадцатые. Правда, после триумфа и эйфории наступила реакция. Студенты стонали, что теперь Кембридж будет смеяться над ними и все приличные люди захотят учиться там. Университетские клубы и союзы один за другим отказывали студенткам в членстве. Археологическое общество объявило, что у женщин “недостаточно души, чтобы по-настоящему ценить древность”. До 1925 года девушки могли посещать мужские колледжи только с письменного разрешения ректора и в сопровождении “дуэньи”. Смешанным компаниям из юношей и девушек запрещалось сидеть в кафе между 14.00 и 17.30 часами. В 1927 году университет принял унизительный статут об ограничении количества студенток и запрете на создание новых женских колледжей.

В 1935 году, когда происходит действие романа, многие тяготы и ограничения остались позади. Тьюторы жалуются Гарриет, что нынешняя молодежь швыряет мантии где попало и загорает на газоне в нижнем белье. Девушки тридцатых действительно вели гораздо более свободную жизнь, чем их предшественницы, – они больше не были заперты в тесном мирке колледжа, свободно перемещались по университету, участвовали в спектаклях и дебатах, бегали от прокторов, перелезали через заборы, крутили романы с молодыми людьми. Их уже не прогоняли из библиотек и лабораторий, а экзамены они зачастую сдавали успешнее, чем мужчины.



Когда же Оксфорд последует примеру Кембриджа?
“Иллюстрейтед Лондон ньюс”, 1920 г. Рис. Уилтона Уильямса.

И все-таки, как только возникает малейший намек на скандал, женский колледж закрывается словно устрица – он по-прежнему не может позволить себе ни малейшей огласки, по-прежнему должен ежедневно доказывать свою благонадежность. Университетские женщины оставались под подозрением.

Некоторые опасения противников женского образования и впрямь оказались небеспочвенными: опыт свободы, интеллектуальных занятий, своей комнаты действительно делал ученых женщин не слишком пригодными к браку. Кроме того, в то время большинство женщин должны были выбирать одно из двух: работу или семью. Мужские колледжи давно освободились от монастырских порядков, женские продолжали их придерживаться – все тьюторы, исследователи и ректоры были незамужними. Конечно, встречались женщины, которым удавалось совмещать любимое дело и счастливую семейную жизнь, но такие случаи были крайне редки.

Одной из ученых женщин, повисших между небом и землей, была сама Дороти Сэйерс. Ей удалось совместить замужество и литературный труд, но равновесие оказалось слишком хрупким, и она пыталась нащупать точку опоры. В начале тридцатых ее детективное творчество стало заходить в тупик – так и не придумав, что делать дальше со своими героями, она решила вместо детектива написать “серьезный” роман, в котором выпускница университета, вышедшая замуж и растящая детей, вдруг понимает, что ее истинное призвание – творческая, интеллектуальная деятельность. Как раз в это время Сэйерс пригласили в Оксфорд произнести речь на торжественной церемонии – ее тьютор, мисс Милдред Поуп, покидала Сомервиль после сорока лет преподавания, чтобы занять пост профессора в Манчестере.

Мисс Поуп была выдающимся специалистом по французской словесности, одним из первых сомервильских тьюторов и всеобщей любимицей. В романе она появляется в образе мисс Лидгейт: “Она была блестящим ученым, но моральные дилеммы словно бы оставались невидимыми для ее прямого невинного взгляда. Сама будучи человеком безукоризненной порядочности, она с удивительной широтой и благородством принимала недостатки других. Как знаток литературы она могла бы назвать все грехи мира, но едва ли была способна распознать их в реальной жизни. Казалось, сам факт ее присутствия обезоруживал и обеззараживал любое зло, совершенное другими”.



Милдред Поуп, прообраз мисс Лидгейт.
Портрет работы Г. Д. Ганна из архива колледжа Сомервиль.

Впоследствии Сэйерс вспоминала, что, готовя речь, задалась вопросом: за что в первую очередь следует благодарить университетское образование? И ответила себе: за привычку к интеллектуальной честности и цельности. И вдруг она поняла, что точка опоры найдена. Оксфорд разрешит все ее затруднения одним махом – выведет из тупика ее героев, позволит всерьез говорить о женском выборе, обеспечит детективным сюжетом: “Сюжет, в котором интеллектуальная честность окажется единственной постоянной величиной в вечно колеблющемся мире, поможет мне сказать то, что я хотела сказать всю жизнь”.

Дороти Сэйерс произнесла блестящую речь во славу любимого тьютора. А вернувшись, села писать роман. Она придумала колледж Шрусбери, с ректором, деканом, казначеем и целым штатом женщин-донов. А за ними стояли тени мисс Басс и мисс Бил, мисс Дэвис и мисс Пенроуз, и сотен других – чудачек, провидиц, истинных леди, “синих чулков”…

И наконец, на узких улочках Оксфорда Гарриет Вэйн и лорд Питер Уимзи смогли встретиться как равная с равным – два магистра искусств в совершенно одинаковых мантиях.

Александра Борисенко

Литература

Pauline Adams. *Somerville for Women: An Oxford College,* 1879–1993. Oxford: Oxford University Press, 1996.

Judy G. Batson. *Her Oxford*. Nashville: Vanderbilt University Press, 2008.

Vera Brittain. *Testament of Youth: An Autobiographical Study of the Years* 1900–1925. New York: The Macmillan Company, 1933.

Vera Farnell. *A Somervillian Looks Back*. Oxford: Privately printed at the University Press, 1948.

Susan J. Leonardi. *Dangerous by Degrees: Women at Oxford and the Somerville College Novelists*. New Brunswick; London: Rutgers University Press, 1989.

Patricia Marks. *Bicycles, Bangs, and Bloomers: The New Woman in the Popular Press*. Lexington: The University Press of Kentucky, 1990.

Jane Robinson. *Bluestockings: The Remarkable Story of the First Women to Fight for an Education*. London, Penguin Books, 2009.

От переводчиков

Вступление, написанное переводчиком, – самый старый жанр переводоведения. Переводчику всегда приходится в чем-то оправдываться, объяснять читателю спорные решения, отчитываться за неизбежные потери. Впрочем, и писателя не минует эта участь – сама Дороти Сэйерс в своем вступлении просит прощения у Оксфордского университета и отдельных колледжей за разного рода писательские вольности.

Нам тоже есть в чем покаяться. Прежде всего, мы изменили название романа, поскольку перевести его во всей многозначности было, увы, невозможно. *Gaudy Night* – это одновременно встреча выпускников, просто "безумная ночь" и цитата из пьесы Шекспира "Антоний и Клеопатра". В романе словосочетание встречается во всех трех вариантах: герои несколько раз говорят "*What a gaudy night!*" – "Что за безумная ночь!" после разного рода ночных приключений, Питер Уимзи цитирует Шекспира: "*Let's have one other gaudy night*" – "Проведем/ Еще раз ночь в бывалом оживленьи" (пер с англ. Б. Пастернака), ну и, разумеется, все начинается с выпускного вечера – *Gaudy*.

В последнем значении слова заключено наше оправдание. Дело в том, что *Gaudy* – не любая встреча выпускников, а только оксфордская. Поэтому слово "Оксфорд" имплицитно присутствует в названии. Мы осознаем, что название "Возвращение в Оксфорд" перекликается с названием другого оксфордского романа – "Возвращения в Брайдсхед" Ивлина Во, но его книга в те годы еще не была написана, так что мы не рискуем навлечь на нашего автора обвинения в плагиате.

Кроме того, мы хотим извиниться за обилие сносок и незнакомых слов (вроде дона, скаута, тьютора и пр.). Дороти Сэйерс приоткрыла своему читателю дверь в очень странный, очень особенный мир. Там, за средневековыми стенами, среди зеленых газонов и старинных библиотек, люди разговаривают на языке, непонятном для непосвященных. Тут и местные оксфордские названия, и университетский жаргон, и бесконечные цитаты из Библии, Шекспира, Шеридана, Бэкона, малых елизаветинцев и так далее. Эти люди и их мир – главное в этой книге, так что стоит попытаться понять их, хотя бы отчасти.

Мы также снабдили перевод предисловием, кратким глоссарием, картами, схемами и иллюстрациями, чтобы читатель смог лучше представить себе окружение героев и особенности жизни женского колледжа в первой половине XX века.

Наконец, мы хотим выразить благодарность тем, кто помогал нам разбираться в оксфордских реалиях и других тонкостях. Бесценную помощь оказали нам преподаватели и сотрудники Оксфордского университета Оливер Реди, Георгий Кантор, Антонина Калинина, Нина Кругликова, а также писательница Сара Фут, программист и знаток водного спорта Александр Неймарк и президент компании "Аминекс" Брайан Холл (который знает все на свете).

Мы выражаем глубокую признательность библиотекарю Сомервиля Энн Мэнуэл и архивариусу Бэйлиола Энн Сандерс за экскурсии по этим колледжам, материалы и пояснения.

Мы многим обязаны также авторам двух подробных комментариев к книге, размещенных в интернете, – Биллу Пешелю и Джерри Фридману[5].

Разумеется, любые неточности, которые могли вкрасться в текст вопреки всем нашим усилиям и помощи друзей, остаются полностью на нашей совести.

Александра Борисенко
Екатерина Кузнецова

[5] Адреса сайтов http://planetpeschel.com/the-wimsey-annotations/gaudynight/ и http://gaudynotes.webstarts.com/main2.html.

Дороти Л. Сэйерс
Возвращение в Оксфорд

Университет есть Рай; Реки Знания там текут, Искусства и Науки оттуда проистекают. Сады совета суть Horti conclusi (как сказано в Песни Песней), сады запертые, и Fontes signati, колодези заключенные; бездонные глубины непостижной мудрости там.
***Джон Донн*[6]**

От автора

Нелепо было бы отрицать, что Оксфордский университет и город Оксфорд (*in aeternum floreant*[7]) существуют на самом деле и что там находятся многие колледжи и здания, упомянутые в этой книге. Но именно поэтому особенно важно подчеркнуть, что ни один из героев, помещенных мной в эти знакомые декорации, не имеет никакого соответствия в реальной жизни. Колледж Шрусбери с его донами, студентами и скаутами – всецело плод моего воображения, как и зловещие события, происходящие в его стенах, которые не основаны ни на каких реальных событиях, происходивших где бы то ни было и когда бы то ни было. Авторы детективов в силу своей неблаговидной профессии обязаны выдумывать драматические события и неприятных людей и, я полагаю, вправе пофантазировать о том, как подобные люди и события могли бы повлиять на жизнь невинного и упорядоченного сообщества. Но эти фантазии никоим образом не означают, что таковое сообщество действительно подвергалось или может подвергнуться нежелательному вторжению.

И все же я чувствую, что необходимо принести извинения – прежде всего Оксфордскому университету за то, что я навязала ему придуманных мною канцлера и вице-канцлера, а также колледж со ста пятьюдесятью студентками, превысив тем самым предел, установленный статутом[8]. Далее с глубоким смирением я прошу прощения у колледжа Бэйлиол – ведь я не только обременила его таким беспокойным выпускником, как лорд Питер Уимзи, но и имела чудовищную наглость воздвигнуть колледж Шрусбери на его обширной и священной крикетной площадке. Я также прошу прощения у Нью-колледжа, колледжа Крайст-Черч и особенно у колледжа Квинс за безумства некоторых молодых джентльменов, у колледжа Брэйзноуз – за излишнюю игривость джентльмена средних лет, а у колледжа Модлин – за неловкое положение, в которое я поставила воображаемого помощника проктора. Что же до городской свалки, то она существует или существовала, и за нее я извиняться не стану.

Директору и сотрудникам моего собственного колледжа Сомервиль я приношу благодарность за щедрую помощь в объяснении прокторских предписаний и принципов университетской дисциплины – они, однако, ни в коей мере не ответственны за особенности устройства и дисциплинарные правила колледжа Шрусбери, многие из которых я выдумала в своих собственных целях.

Читатели, неравнодушные к хронологии, могут вычислить из фактов, известных им о семействе Уимзи, что действие происходит в 1935 году, однако, придя к этому заключению, не стоит горько сетовать на то, что не упомянут юбилей короля, или на то, что я распорядилась по своему усмотрению погодой и фазами луны. Как бы правдоподобен ни был фон, единственная

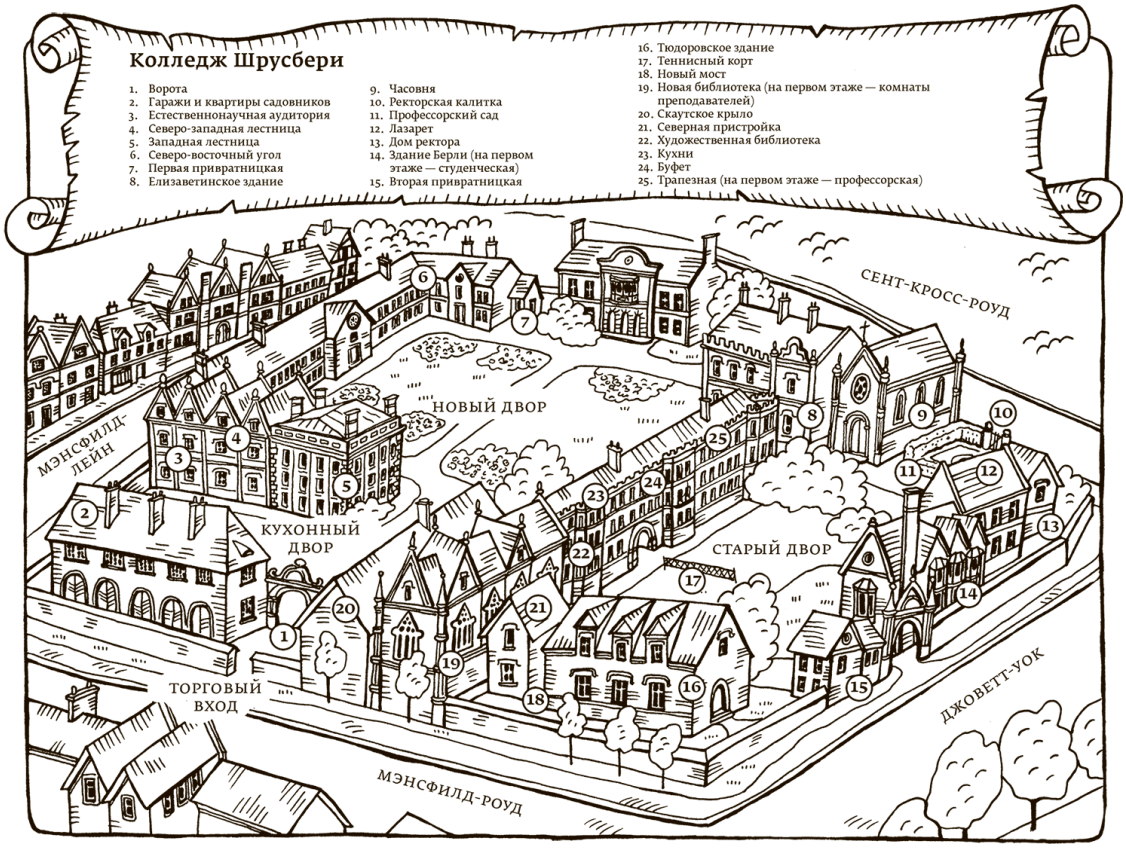
---

[6] Здесь и далее, если не указано иное, эпиграфы приводятся в переводе В. Сонькина.

[7] Да процветают они вечно *(лат.)*.

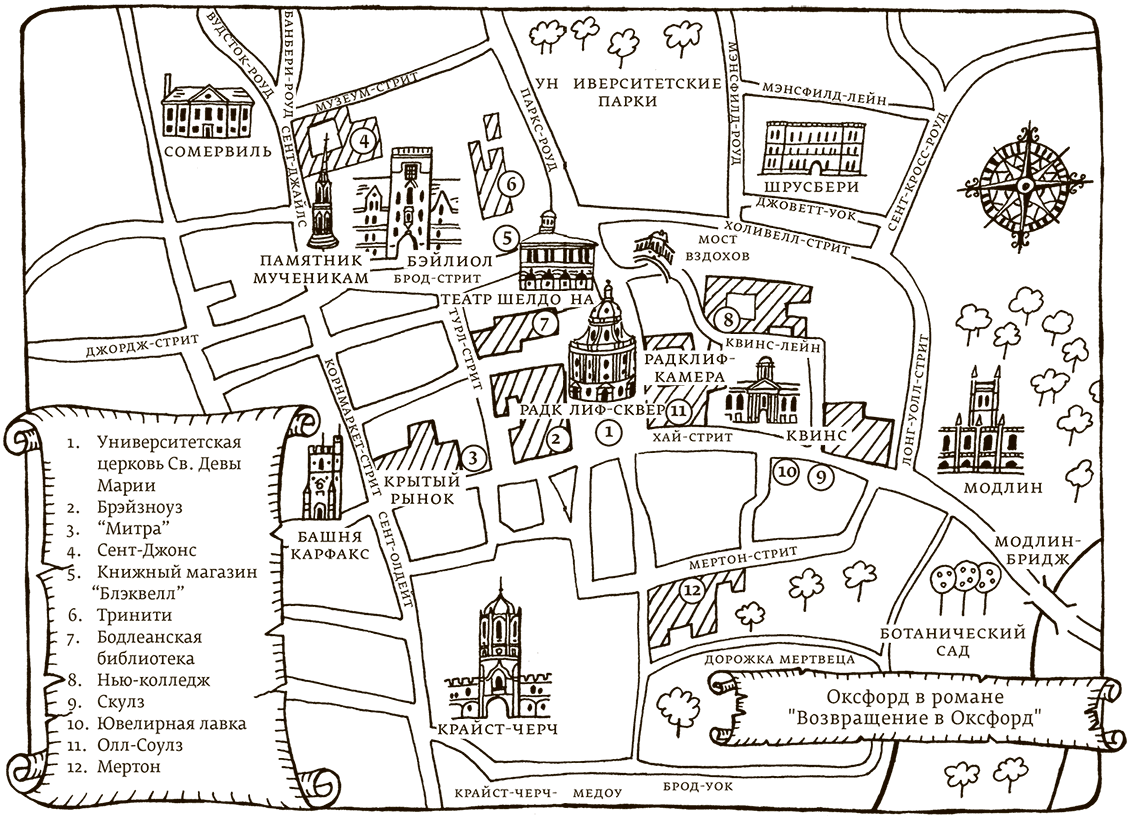
[8] В 1927 году был принят статут, ограничивающий количество студенток в Оксфорде.

родина писателей – Заоблачный город[9], где они только шутят, отравляют ради шутки; ровно ничего предосудительного[10].



[9] Имеется в виду Заоблачный город (Νεφελοκοκκυγία) из комедии Аристофана “Птицы” (в переводе С. Апта он называется Тучекучуевск). Птицы построили этот город между небом и землей, чтобы отнять власть у олимпийских богов.

[10] В. Шекспир, “Гамлет”, акт III, сцена 2. Перевод с англ. М. Лозинского.


1. Университетская церковь Св. Девы Марии
2. Брэйзноуз
3. "Митра"
4. Сент-Джонс
5. Книжный магазин "Блэквелл"
6. Тринити
7. Бодлеанская библиотека
8. Нью-колледж
9. Скулз
10. Ювелирная лавка
11. Олл-Соулз
12. Мертон
Оксфорд в романе "Возвращение в Оксфорд"
СОМЕРВИЛЬ
БУДСТОК-РОУД
БАНБЕРИ-РОУД
СЕНТ-ДЖАЙЛС
МУЗЕУМ-СТРИТ
ПАМЯТНИК МУЧЕНИКАМ
БЭЙЛИОЛ
БРОД-СТРИТ
ТРИНИТИ
ПАРКС-РОУД
УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПАРКИ
МЭНСФИЛД-ЛЕЙН
ШРУСБЕРИ
ДЖОВЕТТ-УОК
СЕНТ-КРОСС-РОУД
ХОЛИВЕЛЛ-СТРИТ
МОСТ ВЗДОХОВ
ТЕАТР ШЕЛДОНА
ДЖОРДЖ-СТРИТ
ТУРЛ-СТРИТ
КОРНМАРКЕТ-СТРИТ
КВИНС-ЛЕЙН
РАДКЛИФ-КАМЕРА
РАДКЛИФ-СКВЕР
ХАЙ-СТРИТ
КВИНС
ЛОНГ-УОЛЛ-СТРИТ
МОДЛИН
КРЫТЫЙ РЫНОК
БАШНЯ КАРФАКС
СЕНТ-ОЛДЕЙТ
МЕРТОН-СТРИТ
МОДЛИН-БРИДЖ
БОТАНИЧЕСКИЙ САД
ДОРОЖКА МЕРТВЕЦА
КРАЙСТ-ЧЕРЧ
КРАЙСТ-ЧЕРЧ-МЕДОУ
БРОД-УОК

Глава I

На дурака расставленная снасть,
Паук, что лижет жвалы, кровь почуя,
Бездонная разинутая пасть,
Во тьму которой кубарем лечу я,
О пагубная, пагубная страсть!
Своим рассудком за тебя плачу я[11].

Сэр Филип Сидни

Гарриет Вэйн сидела за письменным столом и смотрела в окно на Мекленбург-сквер[12]. Поздние тюльпаны выстроились словно на параде, а четверо ранних игроков в теннис энергично выкрикивали счет беспорядочной и не слишком умелой игры. Но Гарриет не видела ни тюльпанов, ни игроков. Перед ней на бюваре лежало письмо, но и оно расплывалось перед глазами, уступая место другой картине. Она видела прямоугольный двор серого здания, выстроенного современным архитектором в стиле, который не был ни старым, ни новым, но примирительно протягивал руки прошлому и будущему. В окружении серых стен зеленел ухоженный газон с цветочными клумбами по углам и белым каменным бордюром. За ровными крышами, крытыми котсуолдским шифером, возвышались кирпичные дымоходы домов постарше, имевших менее официальный вид: внутренний двор все еще хранил уютную память о некогда располагавшихся здесь викторианских жилищах, давших приют первым робким студенткам колледжа Шрусбери. Дальше рядами тянулись деревья вдоль Джоветт-уок, а за ними виднелись старинные фронтоны и башня Нью-колледжа. Галки кружили на фоне хмурого неба.

Память расставила во дворе живые фигурки. Студентки прогуливаются парами. Студентки бегут на лекции, торопливо накинув мантии поверх летних платьев, а ветер треплет академические шапочки, превращая их в нелепое подобие шутовских колпаков. В привратницкой стоят велосипеды, в прикрепленных к раме корзинках – стопки книг, на руль намотаны мантии. Седеющая женщина-дон[13] идет по газону, глядя вперед невидящим взглядом, мысли ее заняты аспектами философии XVI века, рукава полощутся по ветру, а плечи ссутулены под тем особым академическим углом, который позволяет уравновешивать тяжелые складки поплина[14]. Два студента-коммонера[15] в поисках преподавателя – с непокрытой головой, руки в карманах – громко рассуждают о лодках. Ректор и декан[16] (первая – седовласая и величественная, вторая – приземистая, бодрая, похожая на птичку-чечетку) оживленно совещаются о чем-то под аркой, ведущей в Старый двор. Высокие стрелки дельфиниума трепещут на сером фоне – они напоминали бы синее пламя, если бы пламя могло быть таким ярко-синим. Шрусберская кошка, задрав хвост, деловито и независимо шагает по направлению к буфету.

Все это так далеко в прошлом, так законченно и самодостаточно, словно бы мечом отсечено от горьких лет, лежащих в промежутке. Сможет ли она вернуться туда? И что скажут

---

[11] Из сонета “Страсть”.

[12] Новая квартира Гарриет тоже расположена в Блумсбери, но в более фешенебельной его части. На Мекленбург-сквер много исторических зданий, строившихся в конце XVIII – начале XIX века и выходящих фасадами на небольшой парк. На Мекленбург-сквер, 44, с 1918 по 1921 год жила Дороти Сэйерс.

[13] *Дон* — в Оксфорде и Кембридже так называют университетского преподавателя.

[14] Имеется в виду длинная академическая мантия.

[15] *Коммонер* – студент, не выигравший стипендию и вносящий полную плату за обучение. Коммонеры носят короткую мантию.

[16] *Ректор* – глава колледжа, *декан* – администратор, отвечающий за дисциплину.

ей эти женщины – этой Гарриет Вэйн, которая получила Первую степень по английской литературе, уехала в Лондон писать детективы, жила с человеком, за которым не была замужем, попала под суд за убийство этого человека и тем снискала сомнительную славу? Не такой карьеры ожидал от своих выпускниц колледж Шрусбери.

Она никогда туда не возвращалась, сначала потому, что слишком любила этот город и решительно оторваться от него казалось легче, чем длить расставание, и еще потому, что родители умерли, оставив ее без единого пенни, и попытки заработать на жизнь занимали все ее время и мысли. А после неприглядная тень виселицы легла между нею и этим залитым солнцем двором с его серыми стенами и зеленым газоном. Но теперь?..

Она снова взяла в руки письмо. Это была горячая просьба приехать в Шрусбери на встречу выпускников – такая просьба, в какой трудно отказать. Подруга, которую Гарриет не видела со дня окончания колледжа, теперь далекая, замужняя, внезапно заболела и хочет повидать ее, прежде чем уехать за границу на сложную и опасную операцию. Мэри Стоукс – как прелестна, как грациозна была она в роли мисс Пэтти[17], когда они ставили пьесу на втором курсе! Очаровательная девушка с прекрасными манерами, любимица однокурсниц. Так странно, что она захотела дружить с Гарриет Вэйн – неловкой, угловатой, отнюдь не пользовавшейся всеобщей благосклонностью. Мэри вела, Гарриет следовала за ней: когда они плавали на плоскодонке по Черуэллу, прихватив термосы и клубнику; когда лезли на Модлин-тауэр перед восходом в Майское утро и чувствовали, как башня покачивается под ними в такт мерным ударам колокола; когда засиживались допоздна у камина с кофе и имбирной коврижкой – именно Мэри играла первую скрипку в их нескончаемых разговорах о любви и искусстве, о религии и гражданских правах. Все друзья считали, что Мэри рождена для Первой степени, и лишь немногословные, непроницаемые доны не удивились, когда пришли списки с именем Гарриет в Первом классе и Мэри – во Втором. С тех пор много воды утекло – Мэри вышла замуж, и о ней почти ничего не было слышно, если не считать болезненного упорства, с которым она возвращалась в колледж, не упуская ни единой возможности. А Гарриет оборвала все старые связи, нарушила половину заповедей, втоптала в грязь свою репутацию и заработала кучу денег, к ее ногам пал богатый и остроумный лорд Питер Уимзи, и она могла бы выйти за него замуж, если бы пожелала, она была полна силы и горечи и осыпана сомнительными дарами славы. Прометей и Эпиметей поменялись ролями[18], одному достался ящик бед, другому – голая скала и орел, и уже никогда, думала Гарриет, никогда не встретиться им на равных, как прежде.

– Да что ж такое! – сказала Гарриет. – Что за трусость, в самом деле! Поеду – и будь что будет. Никто не сможет сделать мне больнее, чем было. Да и какое это имеет значение?

Она заполнила форму-приглашение, надписала адрес, решительно приклеила марку и побежала бросить письмо в ящик – быстро, чтобы не передумать.

Возвращалась она неторопливо, через парк. Поднялась по каменной лестнице работы Адама[19] к себе в квартиру, безрезультатно перерыла кладовку, вновь вышла на лестничную площадку и отправилась на чердак. Вытащив оттуда старинный сундук, Гарриет отперла его и подняла крышку. В ноздри ударил пыльный, спертый дух. Книги. Надоевшие платья. Старые

---

[17] Героиня пьесы “Кволити-стрит” (1901), действие которой происходит в Англии во время Наполеоновских войн. Автор пьесы, Джеймс Барри, хорошо известен русскому читателю благодаря сказке “Питер Пэн и Венди”.

[18] *Эпиметей* — неразумный брат мудрого Прометея. Чтобы отомстить за то, что Прометей дал людям огонь, Зевс повелел богам создать из земли и оживить прекрасную девушку, Пандору, в которую влюбился Эпиметей. Вопреки предостережениям Прометея Эпиметей женился на Пандоре, и та из любопытства открыла подаренный Зевсом ларец, выпустив наружу все беды человечества. По всей видимости, в студенческие годы всем казалось, что Мэри – Прометей, а Гарриет – Эпиметей, а потом они “поменялись местами”.

[19] Скорее всего, имеется в виду Роберт Адам (1728–1792), который в конце XVIII века строил в Лондоне много домов в неоклассическом стиле. У него были два брата, тоже архитекторы, поэтому часто можно встретить упоминание о стиле “братьев Адамов”.

туфли. Старые рукописи. Выцветший галстук, некогда принадлежавший ее мертвому любовнику, – ужасная находка. Она дошла почти до самого дна и извлекла на свет божий большой темный сверток. Мантия, которую она надевала лишь однажды – на присуждение ученой степени магистра искусств, – совсем не пострадала от долгого затворничества. Твердые складки легко расправились, ни морщинки. Гордо сверкал багряный шелк капюшона. Только академическая шапочка кое-где была побита молью. Когда Гарриет встряхнула ее, бабочка-крапивница, пробужденная от спячки, вылетела на яркий свет окна и тут же попала в паутину.

Гарриет радовалась, что может теперь позволить себе собственный маленький автомобиль. Ее приезд в Оксфорд не будет напоминать прежние прибытия на поезде. Еще на несколько часов можно отодвинуть унылый призрак умершей юности, можно притвориться незнакомкой, просто приезжей – состоятельной женщиной, чего-то добившейся в жизни. Нагретая дорога вилась позади, на фоне зеленых пейзажей вставали города, окружали ее вывесками гостиниц, заправками, магазинами, полицией, детскими колясками, а потом оставались позади и тут же забывались. Июнь умирал среди роз, живые изгороди тускнели, обретая темно-зеленый оттенок, бесстыдство красного кирпича, красовавшегося вдоль дороги, напоминало о том, с какой неумолимостью настоящее застраивает пустые поля прошлого. Гарриет пообедала в городке Хай-Уиком, солидно, с комфортом – заказала полбутылки белого вина, оставила щедрые чаевые. Ей хотелось как можно разительней отличаться от той студентки, что когда-то поглощала сэндвичи и кофе из термоса, присев где-нибудь на скамеечке под деревом. Когда становишься старше, начинаешь ценить условности. Платье, выбранное для приема в саду, было аккуратно сложено в чемодане – оно будет хорошо сочетаться с мантией. Длинное, строгое, из простого черного креп-жоржета, абсолютно безупречное. Под ним лежит платье для торжественного ужина: насыщенный лиловый оттенок, прекрасный покрой без неуместного оголения спины или декольте, которые могли бы оскорбить взгляд покойных ректоров, взирающих с облагороженных временем дубовых панелей в трапезной.

Хедингтон. Уже совсем близко. Несмотря на все усилия, живот свело холодным спазмом. Вот Хедингтонский холм, на который так трудно было въезжать на велосипеде. Сейчас, когда она с достоинством спускалась на четырех пульсирующих цилиндрах, он уже не казался столь крутым, однако каждый лист, каждый камень приветствовал ее с назойливой фамильярностью старого однокашника. Узкая улочка с множеством неряшливых лавок, похожая на главную улицу какой-нибудь деревни. Кое-что здесь подремонтировали, расширили, но Гарриет не видела существенных перемен, за которые можно было бы ухватиться.

Модлин-бридж. Модлин-тауэр. Здесь все совсем по-старому – бессердечное, равнодушное постоянство творенья человеческих рук. Надо собраться с духом. Лонг-Уолл-стрит, Сент-Кросс-роуд. Стальная рука прошлого сжимает горло. Ворота колледжа – вот оно. У входа со стороны Сент-Кросс-роуд – новый привратник, имя Гарриет ничего ему не сказало, он проверил список. Она отдала ему чемодан, поставила машину в гараж на Мэнсфилд-лейн[20], а после, с мантией, перекинутой через руку, пересекла Новый двор, потом Старый и дальше сквозь уродливый кирпичный проем вошла в здание Берли.

На лестнице и в коридоре она не встретила никого из однокурсников. У дверей студенческой гостиной три женщины значительно старше ее приветствовали друг друга с не по летам бурным девичьим восторгом, но она была не знакома ни с кем из них и прошла молча, неузнанная, словно привидение. Войдя в отведенную ей комнату, Гарриет припомнила, что во время учебы здесь жила студентка, которую она особенно недолюбливала, – впоследствии та вышла замуж за миссионера и уехала в Китай. За дверью висела короткая мантия нынешней вла-

[20] В этой книге *Мэнсфилд-лейн* должна идти от Мэнсфилд-роуд до Сент-Кросс-роуд, за колледжем Шрусбери, где-то в районе пересечения нынешних крикетных площадок Бэйлиола и Мертона. *(Прим. автора.)*

делицы. Судя по книжным полкам, она изучала историю; судя по личным вещам, это была первокурсница с пристрастием ко всему современному и очень плохим вкусом. Узкая кровать, на которую Гарриет бросила свои вещи, была покрыта тканью ядовито-зеленого цвета с крайне неприглядным футуристическим узором. Над кроватью висела ужасная картина в неоархаической манере. Хромированная лампа нелепого вида, казалось, презрительно шипела на стол и шкаф, которые были предоставлены колледжем и являли собой образчик стиля Тоттенхем-Корт-роуд[21]. Всю эту дисгармонию венчала и подчеркивала странная алюминиевая статуэтка, стоящая на комоде, – конструкция, похожая на гигантский погнутый штопор. Надпись на подставке гласила: “Устремленность”.

С удивлением и облегчением Гарриет обнаружила, что в шкафу имеются вешалки для платьев. Зеркало, в соответствии с давней шрусберской традицией, представляло собой квадрат фут на фут и висело в самом темном углу. Она распаковала чемодан, сняла жакет и юбку, накинула халат и отправилась на поиски ванной. На переодевание она отвела себе сорок пять минут. Система горячего водоснабжения всегда была одним из главных удобств Шрусбери. Гарриет уже не помнила точно, где на этом этаже ванные, но вероятно, там, за углом налево. Две кухни с надписями на дверях: “Мыть посуду после 11 вечера запрещено”. Три туалета: “Пожалуйста, тушите за собой свет”. А вот и четыре ванных комнаты: “Запрещается принимать ванну после 11 вечера”. Внизу отчаянная приписка: “Если студенты не прекратят нарушать режим, ванные комнаты будут запираться в 10.30. В совместном быту необходимо хоть немного считаться с окружающими”. Подпись: Л. Мартин, декан.

Гарриет выбрала самую большую ванную. Там тоже висели объявления – правила пожарной безопасности и надпись большими буквами: “ЗАПАС ГОРЯЧЕЙ ВОДЫ ОГРАНИЧЕН. ПОЖАЛУЙСТА, БЕРЕГИТЕ ВОДУ”. С забытым чувством подчинения дисциплине Гарриет закрыла сток пробкой и пустила воду. Вода была обжигающе горячей[22], но эмаль в ванне облупилась, да и пробковый коврик видал лучшие дни.

После ванны Гарриет почувствовала себя лучше. На пути в комнату ей опять повезло: не встретился никто из знакомых. Ей вовсе не хотелось стоять в купальном халате и ностальгически болтать о прошлом. Через одну дверь от своей комнаты она увидела табличку “Миссис Г. Этвуд”. К счастью, дверь была закрыта. На следующей двери таблички не было, но как раз когда Гарриет проходила мимо, ручка повернулась изнутри и дверь начала медленно открываться. Гарриет быстро проскочила к себе. Как ни глупо, сердце ее бешено колотилось.

Черное платье сидело как перчатка. У него была маленькая квадратная кокетка и узкие рукава, строгость которых несколько смягчалась кружевными манжетами, доходящими до середины ладони. Оно напоминало средневековое одеяние – лиф туго обтягивал талию, юбка крупными складками ниспадала до пола. Матовая ткань как бы стушевывалась на фоне тускло поблескивавшего академического поплина. Гарриет накинула на плечи тяжелую мантию, так чтобы передние складки легли ровно, торжественно, словно церковное облачение. С капюшоном пришлось повозиться, прежде чем вспомнился правильный изгиб у ворота – чтобы был виден яркий шелк. Она незаметно закрепила капюшон на груди – одно плечо черное, другое – красное. Надевая шапочку, Гарриет вынуждена была пригнуться, чтобы видеть себя в зеркале, – похоже, обитательница комнаты была очень маленького роста. Мягкая шапочка легла плоско, симметрично, угол ровно по центру лба. Зеркало отразило ее бледное лицо с прямыми черными бровями, крупным носом, несколько широковатым по строгим канонам красоты. Глаза, глядевшие на нее из зеркала, казались усталыми, но взгляд их оставался вызывающим и настороженным – слишком много страшного они видели. Рот выдавал щедрость натуры,

---

[21] *Тоттенхем-Корт-роуд* – улица, где находится несколько мебельных магазинов, торгующих недорогой стандартной мебелью.

[22] В женских колледжах горячая вода считалась великой роскошью.

успевшей раскаяться в этой щедрости, твердая складка в углах губ обещала не уступать ни пяди. Сейчас, когда густые волнистые волосы были убраны под академическую шапочку, лицо казалось собранным, словно перед битвой.

Она нахмурилась, глядя на свое отражение, провела руками по складкам мантии и, словно разозлившись на зеркало, резко повернулась к окну, выходящему во внутренний (он же Старый) двор. На самом деле это был скорее даже не двор, а сад, вытянутый в длину и окруженный зданиями колледжа. В одном его конце в тени деревьев прямо на траве были расставлены столы и стулья. В другом виднелась Новая библиотека – оголенные стропила в лесах. Несколько групп женщин пересекали газон. Гарриет с раздражением отметила, что большинство из них неправильно носят академическую шапочку, а одна имела глупость надеть бледно-желтое платье с муслиновыми оборками, которое нелепо торчало из-под мантии. “С другой стороны, – подумала Гарриет, – в ярких цветах есть что-то средневековое. Да и мужчины в этом смысле ничуть не лучше женщин. Я однажды видела, как старый Хаммонд шагал в процессии на День памяти основателей[23]: мантия доктора музыки[24], серый фланелевый костюм, коричневые ботинки, да еще голубой галстук в крапинку, и никто ему слова не сказал”.

Она внезапно рассмеялась и наконец-то почувствовала себя увереннее. “Этого у меня никто не отнимет. Что бы я ни сделала, это останется: стипендиат, магистр искусств, *domina*[25], старший член Университета *(statutum est quod Juniores Senioribus debitam et congruam reverentiam tum in private tum in publico exhibeant*[26]*)*. Это место завоевано, неотъемлемо, почтенно”.

Она твердым шагом вышла из комнаты и постучала в дверь через одну от ее собственной.

Четыре женщины шли по саду – медленно, потому что Мэри не могла идти быстро. Гарриет размышляла на ходу: “Это ошибка… Большая ошибка. Не надо было приезжать. Мэри славная, всегда была славной, и она так рада меня видеть, но нам совсем не о чем говорить. И мне теперь придется навсегда запомнить ее такой – с измученным лицом, со взглядом человека, признавшего свое поражение. И она запомнит меня такой, какой увидела сегодня, – ожесточенной. Она сказала: “Видно, что ты преуспела в жизни”. Я знаю, что это значит”.

Хорошо, что Бетти Армстронг и Дороти Коллинз взяли беседу на себя. Одна из них разводит собак, у другой – книжный магазин в Манчестере. Они явно не теряли связи все эти годы, поскольку обсуждают дела, а не людей, у них много общих интересов. Мэри Стоукс (теперь Мэри Этвуд) будто бы отгорожена от этих женщин болезнью, замужеством и – что толку притворяться – каким-то умственным застоем, который не имеет отношения ни к болезни, ни к замужеству. “Наверное, – подумала Гарриет, – у нее такой сорт ума, рано расцветает и быстро вянет. И вот она, моя старинная подруга, расспрашивает меня с вымученной, предупредительной вежливостью о моих книгах. А я с такой же вымученной, предупредительной вежливостью расспрашиваю ее о детях. Нам не нужно было встречаться. Это ужасно”.

Дороти Коллинз оборвала поток ее мыслей, спросив что-то о контрактах с издателями, и ответа хватило как раз на остаток пути к Старому двору. Энергичная фигура устремилась к ним по дорожке и остановилась с радостным восклицанием: “Да это же мисс Вэйн! Как приятно, мы так давно вас не видели”. Гарриет с благодарностью последовала за деканом – она была искренне привязана к этой женщине, которая писала ей добрые, веселые письма в те дни,

---

[23] День памяти основателей *(Encaenia)* – главный оксфордский праздник, который проходит в июне. В этот день проводится церемония присуждения степеней и все официальные лица Оксфорда идут в Театр Шелдона процессией, в полном академическом облачении.

[24] Мантия доктора музыки шьется из кремового шелка с вышивкой, а рукава и отделка – ярко-малиновые.

[25] Госпожа *(лат.)*. Часто используется как титул уважаемой женщины, настоятельницы монастыря, по аналогии и женщины – члена колледжа.

[26] Младшим предписывается выказывать надлежащее уважение старшим как прилюдно, так и один на один *(лат.)*.

когда веселая доброта была для Гарриет дороже всего на свете. Три однокурсницы дисциплинированно продолжили путь – они уже успели засвидетельствовать свое почтение декану.

– Как чудесно, что вы смогли приехать!

– Правда, смелый поступок? – сказала Гарриет.

– Глупости! – решительно заявила мисс Мартин. Она склонила голову набок и окинула Гарриет проницательным птичьим взглядом. – Даже не думайте! Никто вам слова дурного не скажет – не такие уж мы сушеные мумии. В конце концов, считается только работа, которую делаешь, верно? Кстати, ректор мечтает вас повидать. Она в восторге от “Песков преступления”. Надо бы поймать ее, пока не прибыл вице-канцлер. Как вам показалась Стоукс? То есть Этвуд, никогда не могу запомнить все эти замужние фамилии.

– Просто ужас, – призналась Гарриет. – Я вообще-то приехала сюда, чтобы с ней повидаться. Но, боюсь, это была не лучшая идея.

– А! – сказала мисс Мартин. – Она перестала расти. Я помню, вы дружили, но мне-то всегда казалось, что у нее голова как у птенца: выглядит большой, а толку мало. Но конечно, я надеюсь, что операция пройдет успешно. Такой ветер, не могу управиться со своей шапочкой. А ваша сидит отлично, как вам это удается? И, я вижу, на нас обеих подобающий сабфуск[27]. Видели Триммер в этом ужасном канареечном абажуре?

– А, так это Триммер. Как она поживает?

– Ох, она увлеклась всяким духовным целительством. Сила, свет, любовь и тому подобное. Ага, вот и ректор.

Колледжу Шрусбери везло с ректорами. В первые годы им руководила женщина с положением в обществе; в трудное время борьбы за ученые степени его возглавил гений дипломатии; теперь же, когда колледж стал частью университета, его позиции укрепляла сильная личность. Доктор Маргарет Баринг с достоинством носила свои цвета – серый и алый[28]. Она великолепно задавала тон на всех публичных мероприятиях и умела тактично исцелять уязвленное самолюбие непримиримых и враждебных донов-мужчин. Она любезно приветствовала Гарриет и спросила, что та думает о новом библиотечном крыле, которое вот-вот будет завершено в северной части Старого двора. Гарриет послушно повосторгалась видимой частью здания, сказала, что библиотека, несомненно, украсит колледж, спросила, когда работы будут окончены.

– К Пасхе, надеюсь. Может быть, мы увидим вас на открытии?

Гарриет вежливо ответила, что будет с нетерпением ждать этого дня, и, заметив вдалеке развевающиеся полы мантии вице-канцлера, тактично удалилась, чтобы присоединиться к группе выпускников.

Мантии, мантии, мантии. Иногда трудно узнать человека, которого не видел десять лет. Вон там, в голубом капюшоне с “кроличьей шкуркой”, кажется, Сильвия Дрейк – значит, она получила наконец степень бакалавра литературы. Степень мисс Дрейк была в колледже притчей во языцех, так долго она трудилась над своей диссертацией, бесконечно приходя в отчаяние и переписывая все от начала до конца. Наверное, она не помнит Гарриет, которая училась несколькими курсами младше, но Гарриет помнит ее отлично – она вечно врывалась в студенческую гостиную, щебеча о средневековых Судах любви[29]. Господи! Вон та ужасная женщина – Мюриэл Кэмпшотт, и она направляется прямо к Гарриет с явным намерением возобновить знакомство. Кэмпшотт всегда глупо улыбалась. Она и сейчас глупо улыбается. И одета во что-

[27] От лат. *subfuscus* (темно-коричневый). Строгая темная одежда, которую принято носить под мантией.

[28] Мантия доктора литературы сочетает серый и алый цвета.

[29] *Суды любви (Cours d’Amour)* – во времена рыцарства во Франции и Провансе судилища из знатных дам, к которым обращались трубадуры, чтобы разрешить те или иные споры о теории любви. Неизвестно, проводились ли такие суды на самом деле, но они не раз описывались в художественной литературе.

то ужасающе зеленое. Сейчас скажет: “Как вы придумываете свои сюжеты?” Именно это она и сказала, черт ее побери. А тут еще подошла Вера Моллисон. Она спросила:

– Вы сейчас что-нибудь пишете?

– Да, конечно, – ответила Гарриет. – А вы все еще преподаете?

– Да, все там же, – ответила мисс Молиссон. – Боюсь, мои достижения очень малы в сравнении с вашими.

Поскольку в ответ на это можно было только отмахнуться со скромным смешком, Гарриет так и сделала. В толпе началось движение, все стали стягиваться к Новому двору и выстраиваться вдоль бордюра позади цветочных клумб: здесь должна была состояться торжественная церемония открытия новых часов. Официальный голос просил гостей освободить проход для процессии. Гарриет использовала это как предлог, чтобы отвязаться от Веры Моллисон и пристроиться позади группы женщин, чьи лица были ей незнакомы. На другой стороне двора она видела Мэри Этвуд и других однокурсниц. Они махали ей. Она помахала в ответ. Нет, она не пойдет к ним через газон. Она останется здесь, незаметная песчинка в праздничной толпе.

Часы, словно предчувствуя скорое появление на публике, мелодично зазвонили из-под своей драпировки и пробили три. Шаги зашуршали по гравию. В арке появилась процессия – “змейка” из немолодых людей, идущих парами. Они были одеты с неуместной пышностью, оставшейся от былой, более возвышенной эпохи, и шагали с тем небрежным достоинством, которое так характерно для университетских церемоний в Англии. Они пересекли двор, выстроились на бордюре перед часами, доны-мужчины сняли свои тюдоровские береты и академические шапочки в знак уважения к вице-канцлеру, лица женщин-донов приняли выражение молитвенной серьезности. Вице-канцлер начал свою речь тонким, негромким голосом. Он сказал несколько слов об истории колледжа, галантно упомянул достижения, которые нельзя приписать лишь течению времени, отпустил сухую замысловатую шуточку об относительности и снабдил ее латинской цитатой, отметил щедрость жертвователя и незабываемые заслуги покойного члена совета, в чью память установлены часы. Он объявил, что счастлив снять покров с этих прекрасных часов, которые так удачно дополнят красоту двора – двора, добавил он, который хоть и построен совсем недавно, занимает тем не менее достойное место среди древних благородных зданий, что составляют гордость нашего университета. Именем канцлера и Оксфордского университета… Его рука потянулась к шнуру, на лице декана отразилось волнение, разрешившееся широкой улыбкой, когда драпировка упала без каких-либо досадных накладок и катастроф, несколько активных выпускников зааплодировали первыми. Ректор в короткой изысканной речи поблагодарила вице-канцлера за присутствие на церемонии и добрые слова в адрес колледжа. Золотая стрелка на циферблате сдвинулась, и гармоничный перезвон возвестил четверть часа. По толпе пронесся вздох удовлетворения, процессия пустилась в обратный путь и скрылась в арке, церемония счастливо завершилась.

Гарриет, двинувшись за остальными, к своему ужасу, обнаружила, что Вера Моллисон снова протиснулась к ней и тараторит без умолку: по ее мнению, все авторы детективов должны питать живейший интерес к часам, поскольку многие алиби построены на часах и сигналах времени. В их школе однажды произошел любопытный случай, который, как ей кажется, мог бы стать чудесным сюжетом для детективного рассказа, попади он в руки к настоящему писателю. Она как раз мечтала увидеть Гарриет и рассказать ей все по порядку. Решительно утвердившись на газоне Старого двора в значительном отдалении от столов с закусками, она принялась излагать “любопытный случай”, который требовал пространных предваряющих разъяснений. Увидев женщину-скаута[30], разносившую чай, Гарриет взяла с подноса чашку и тут же пожалела об этом – чашка лишала ее свободы маневра и, казалось, приковывала к мисс Моллисон на веки вечные. И тут она ощутила прилив благодарности – в поле зрения показалась Фиби Такер.

[30] *Скаут* – университетский слуга. Это название перешло и на служанок женских колледжей.

Умница Фиби, ничуть не изменилась. Гарриет торопливо извинилась перед мисс Моллисон, попросила ее закончить рассказ о часах как-нибудь в другой раз, протиснулась через толпу мантий и сказала:

– Привет!

– Привет! – отозвалась Фиби. – О, это ты! Слава богу! Я думала, здесь нет никого из наших, кроме Триммер и этой ужасной Моллисон. Пойди возьми сэндвичей, они недурны, как ни странно. Как ты? Процветаешь?

– Неплохо.

– По крайней мере, ты занята чем-то стоящим.

– Как и ты. Пойдем присядем где-нибудь. Расскажи мне, что ты раскапываешь.

Фиби Такер изучала историю, потом вышла замуж за археолога, и это сочетание оказалось поразительно удачным. Они раскапывали кости, камни и черепки в отдаленных уголках мира, писали трактаты и читали лекции в научных обществах. В свободное время они произвели на свет трех жизнерадостных отпрысков, которых то и дело подбрасывали любящим бабушкам и дедушкам, чтобы снова устремиться к камням и костям.

– Мы только что вернулись с Итаки. Боб страшно заинтересовался вновь открытыми захоронениями, он придумал совершенно революционную теорию о погребальных обрядах. Пишет работу, в которой противоречит всем выводам Ламбарда, а я помогаю – выправляю эпитеты на более сдержанные и вставляю дипломатичные сноски. То есть Ламбард, конечно, старый идиот, но необязательно так прямо и говорить. Ледяная вежливость звучит еще убийственней, правда?

– Безусловно.

Ну вот, хоть кто-то не изменился ни на йоту, несмотря на годы и замужество. В своем нынешнем настроении Гарриет была склонна этому радоваться. После подробных расспросов о захоронениях она спросила про детей.

– О, они становятся все забавнее. Ричард – это старший – стал проявлять интерес к раскопкам. Его бабушка была просто в ужасе, когда на днях обнаружила, что он терпеливо, по правилам раскапывает мусорную кучу садовника и составляет коллекцию костей. Ее поколение так боится грязи и микробов. Они правы, конечно, но детям это, кажется, не вредит. Так что отец выделил ему ящик для хранения находок. Мама возмущается, что мы ему потакаем. Я думаю, в следующий раз надо взять Ричарда с собой, хотя мама, конечно, будет очень волноваться, потому что там антисанитария и от греков можно подцепить черт знает что. Слава богу, все дети получились довольно умные, такая скука быть матерью болванов, а ведь это чистая лотерея. Если бы можно было придумывать их, как героев книжки, это было бы большим облегчением для людей с упорядоченным умом.

От этого беседа естественно перешла к биологии, факторам Менделя[31], “Дивному новому миру”[32] и оборвалась лишь с появлением бывшего тьютора[33] Гарриет, которая отделилась от толпы выпускников. Гарриет и Фиби дружно бросились к ней. Мисс Лидгейт осталась верна себе. Она была блестящим ученым, но моральные дилеммы словно бы оставались невидимыми для ее прямого невинного взгляда. Сама будучи человеком безукоризненной порядочности, она с удивительной широтой и благородством принимала недостатки других. Как знаток литературы она могла бы назвать все грехи мира, но едва ли была способна распознать их в реальной жизни. Казалось, сам факт ее присутствия обезоруживал и обеззараживал любое зло, совер-

[31] *Фактор*, по Менделю, – единица наследственности (сейчас мы называем это словом “ген”).

[32] “*О дивный новый мир*” – антиутопический роман английского писателя Олдоса Хаксли (1932), где люди выращиваются на “человекофабриках”, причем эмбрионы разделяются на пять каст в зависимости от умственных и физических способностей – от “альф”, обладающих максимальным развитием, до наиболее примитивных “эпсилонов”.

[33] *Тьютор* – в Оксфорде так называется преподаватель, ведущий индивидуальные занятия. В чем-то его функции сходны с функциями научного руководителя в наших университетах.

шенное другими. Через ее руки прошло множество учеников, и в каждом из них она находила только хорошее, так что не смогла бы поверить, будто они способны сделать что-то по-настоящему дурное, как Ричард III или Яго. Да, ее ученицы могли быть несчастливы, да, они могли запутаться в сетях непостижимых искушений, от которых, по счастью, была избавлена сама мисс Лидгейт. Если она слышала о краже, о разводе, а то и о чем-нибудь похуже, она озадаченно хмурила брови и думала, до какого же отчаяния нужно было дойти, чтобы совершить такую ужасную вещь. Только однажды Гарриет слышала, как мисс Лидгейт говорила о комто с явным неодобрением – это случилось, когда одна из ее бывших учениц написала популярную книгу о Карлейле[34]. “Ни научного исследования, ни критического осмысления, – был ее вердикт. – Насобирала старых сплетен и даже не удосужилась проверить их правдивость! Неряшливо, безвкусно, рассчитано на дешевый успех. Мне за нее стыдно”. Но даже тогда она добавила: “Наверное, она очень нуждается в деньгах”. Однако своей ученицы Гарриет Вэйн мисс Лидгейт нисколько не стыдилась. Напротив, она тепло приветствовала ее, пригласила зайти в воскресенье утром, с одобрением отозвалась о ее книгах и похвалила за то, что даже в детективах Гарриет придерживается академических стандартов английского языка.

– Вся профессорская читает вас с упоением, – добавила она. – Мисс де Вайн, например, горячая поклонница вашего таланта.

– Мисс де Вайн?

– Ах, ну конечно, вы ее не знаете. Наш новый исследователь-стипендиат. Она прекрасный человек, и я знаю, что она хочет поговорить с вами о ваших книгах. Вы должны с ней познакомиться! Она у нас на три года. В колледже мисс де Вайн будет жить только со следующего семестра, но она уже несколько недель в Оксфорде, работает в Бодлеанке[35]. Она пишет прекрасное исследование о финансовой системе эпохи Тюдоров, получается невероятно увлекательно, даже для тех, кто, как я, вообще ничего не смыслит в деньгах. Мы так рады, что колледж предложил ей стипендию имени Джейн Барраклаф. Она – замечательный ученый, но у нее был трудный период.

– Кажется, я о ней слышала. Она возглавляла какой-то провинциальный колледж?

– Да, она три года была провостом Флэмборо, но эта работа не очень ей подходила, слишком много административных обязанностей, хотя, конечно, она прекрасно разбирается в финансах. Но она была перегружена – ведь еще надо вести собственные исследования, принимать экзамены на докторскую степень, возиться со студентами – университет и колледж вместе ее совершенно вымотали. А она из тех, кто всегда выкладывается целиком. Еще, я думаю, у нее возникли трудности в личном общении. Она заболела, ей пришлось уехать за границу на пару лет. Она только недавно вернулась в Англию. Ну и, конечно, с финансовой точки зрения все очень изменилось, когда она ушла из Флэмборо. Приятно думать, что следующие три года мисс де Вайн сможет писать свою книгу, не беспокоясь об этой стороне дела.

– Я теперь вспомнила, – сказала Гарриет. – Кажется, на прошлое Рождество объявляли конкурс.

– Наверное, вы видели объявление в ежегоднике Шрусбери. Мы, конечно, считаем за честь ее принять. На самом деле ей следовало бы занять профессорский пост, но не думаю, что она вынесет преподавательскую нагрузку. Чем меньше мисс де Вайн будет отвлекаться, тем лучше, ведь она действительно настоящий ученый. А вот и она, вон там… О боже! Кажется, ее поймала мисс Габбинс. Помните мисс Габбинс?

---

[34] Томас *Карлейль* (1795–1881) – викторианский философ, историк, сатирик и писатель, чрезвычайно влиятельная и противоречивая фигура. После смерти Карлейля его семейная жизнь оказалась в центре всеобщего внимания из-за биографии, написанной историком Джеймсом Энтони Фрудом. Карлейль сам передал будущему биографу для посмертной публикации письма и дневники своей покойной жены Джейн Карлейль, собственные мемуары и другие документы, которые отличались невиданной для того времени откровенностью.

[35] Неформальное название Бодлеанской библиотеки.

– Смутно, – отозвалась Фиби. – Кажется, когда мы поступили, она была уже на третьем курсе. Золотое сердце, но страшная зануда, всегда всех усыпляла на общих собраниях.

– Она очень добросовестный человек, – сказала мисс Лидгейт. – Но у нее несчастный дар нагонять на всех смертельную скуку. Очень жаль, она ведь толковая и надежная. С другой стороны, для ее нынешнего поста это не очень важно – служит где-то библиотекарем, мисс Гильярд наверняка помнит, где именно, и, кроме того, исследует семейство Бэконов. Такая трудяга. Но, кажется, она подвергла бедную мисс де Вайн допросу с пристрастием, это не очень хорошо. Пошли на выручку?

Шагая по газону следом за мисс Лидгейт, Гарриет почувствовала прилив ностальгии. Вот бы опять оказаться в спокойном, тихом месте, где ценятся только интеллектуальные достижения, вот бы разматывать, неустанно и незаметно, клубок последовательных рассуждений, вдали от всего, что так отвлекает и развращает, – агентов, контрактов, издателей, рекламщиков, интервьюеров, читательских писем, искателей славы, охотников за автографами, конкурентов, – вот бы оставить все личные связи, личные склоки, личные обиды, вгрызаться во что-то скучное и основательное, крепнуть постепенно, как буковые деревца в Шрусбери, – тогда, может быть, удалось бы забыть ужас и хаос прошлого или, по крайней мере, увидеть события в их истинной перспективе. Потому что ведь на самом деле совсем не важно, что человек любил, и грешил, и страдал, и избежал смерти, – все это не стоит одной сноски в никому не известном научном журнале, устанавливающей приоритет рукописи или восстанавливающей утерянную подписную йоту. Именно из-за этой рукопашной борьбы с намерениями и характерами других людей, которые работают локтями, сражаясь за место под софитами, начинаешь так преувеличивать важность случайных, в сущности, событий своей жизни. Однако она сомневалась, что способна теперь уйти от всего этого. Уже давно она сделала решающий шаг, оставив позади серые стены оксфордского рая. Нельзя войти дважды в одну и ту же реку, даже если эта река – Айсис. Сейчас ее бы раздражала здешняя замкнутая безмятежность – во всяком случае, Гарриет пыталась убедить себя в этом.

Силясь собраться с мыслями, которые разбрелись невесть куда, она обнаружила, что ей собираются представить мисс де Вайн. Гарриет сразу увидела, что перед ней ученый совсем другого склада, чем, например, мисс Лидгейт. Еще более мисс де Вайн отличалась от самой Гарриет и от всего, чем Гарриет могла бы стать в будущем. Перед ней стоял борец, для которого квадратный двор Шрусбери был естественной и уместной ареной, солдат, лишенный личных привязанностей и преданный лишь факту.

Если мисс Лидгейт оставалась блаженно не затронутой внешним миром и принимала его с искренней теплотой милосердия, то эта женщина, гораздо лучше знающая жизнь, могла всему назвать цену и убрать со своего пути все, что ей мешает. Худое оживленное лицо с глубоко посаженными серыми глазами, сияющими за толстыми стеклами очков, выдавало восприимчивость к новым впечатлениям, но за этой впечатлительностью скрывался ум, твердый и неподатливый как гранит. Верно, нелегко ей было возглавлять женский колледж, подумала Гарриет. Кажется, слово “компромисс” отсутствует в ее словаре, а управлять – всегда значит идти на компромисс. Едва ли она потерпит отклонение от цели или нетвердость в суждениях. Если что-либо встанет на пути ее служения истине, она сметет без гнева и без жалости любое препятствие – даже если это будет ее собственная репутация. Эта женщина страшна в своем упорстве, когда идет к цели, – и тем более обманчивой может быть ее терпимость и скромность в тех случаях, когда она не считает себя специалистом в обсуждаемом предмете.

Гарриет услышала, как мисс де Вайн говорит мисс Габбинс:

– Я полностью согласна, что историк должен быть точен в деталях, но пока вы не учли все обстоятельства и всех действующих лиц, вы рассуждаете голословно. Пропорции и отношения между элементами так же важны, как сами элементы, и если в этом ошибиться, можно серьезно исказить картину.

Мисс Габбинс, на лице которой отражалось ослиное упрямство, как раз собиралась возразить, но тут мисс де Вайн увидела тьютора по английской словесности и, извинившись, отошла. Мисс Габбинс пришлось отступить, и Гарриет с сожалением отметила ее неопрятную прическу, неухоженное лицо и большую английскую булавку, которой мантия была приколота к платью.

– Боже правый! – воскликнула мисс де Вайн. – Кто эта утомительная молодая женщина? Кажется, она очень недовольна моей рецензией на книгу мистера Уинтерлейка о графе Эссексе. По ее мнению, я должна была разорвать беднягу на клочки из-за пустячной ошибки – он на несколько месяцев переставил какую-то дату, относящуюся, представьте себе, к ранней истории семейства Бэконов. И ей при этом и дела нет, что это в высшей степени серьезная и новаторская книга, раскрывающая отношения двух чрезвычайно загадочных персонажей.

– Она изучает семейную историю Бэконов, – пояснила мисс Лидгейт. – Потому и приняла это так близко к сердцу.

– Большая ошибка видеть свой предмет, не учитывая его масштаба по сравнению с окружением. Ошибку, конечно, надо поправить, и я поправила ее в личном письме к автору, как и надлежит поступать с мелкими неточностями. Но автор явно нашел ключ к отношениям между этими двумя людьми и тем самым обогатил науку.

– Ну, вы, кажется, заняли твердую позицию, – заметила мисс Лидгейт. Ее крепкие зубы сверкнули в широкой улыбке. – А я вам привела человека, с которым вы рады будете познакомиться. Это мисс Гарриет Вэйн – тоже большой мастер точной детали.

– Мисс Вэйн? – Собеседница обратила к Гарриет свои близорукие сверкающие глаза, и все лицо ее просияло. – Как я рада! Позвольте сказать, что я с огромным удовольствием прочитала вашу последнюю книгу. Думаю, это ваша лучшая вещь – хотя, конечно, я не компетентна судить с научной точки зрения. Я обсуждала ее с профессором Хиггинсом, он тоже ваш поклонник, и он сказал, что там есть намек на интересную возможность, о которой он прежде не думал. Он не уверен, что это сработает, но постарается выяснить… Скажите, на что вы опирались?

– Ну, я обращалась за консультацией к специалисту… – начала Гарриет, ощущая спазм неуверенности и от души проклиная профессора Хиггинса. – Но, конечно…

В этот момент мисс Лидгейт углядела вдалеке очередную бывшую ученицу и убежала. Фиби Такер потерялась еще раньше, когда они шли по газону, так что Гарриет осталась один на один со своей участью. Десять долгих минут мисс де Вайн безжалостно выворачивала наизнанку мозг своей жертвы, вытряхивая оттуда факты – так усердная служанка вытряхивает сор из ковра, выбивает его, проветривает, чистит, а потом снова укладывает на место и разглаживает твердой рукой. К счастью, появление декана повернуло беседу в другое русло.

– Слава богу, вице-канцлер уходит. Теперь можно избавиться от этого старого пыльного бомбазина и показать наконец свои платья! Стоило ли так рваться к степеням ради счастья париться в жаркий день в полном академическом облачении? Все, отбыл! Давайте мне эти отнюдь не праздничные одежды, я отнесу их в профессорскую! На вашей есть бирка, мисс Вэйн? Умница! А то у меня в кабинете уже висят три неопознанные мантии. Они там с конца триместра, понятия не имею чьи! Эти маленькие неряхи, кажется, считают, что мы должны следить за их вещами! Везде разбрасывают свои мантии и потом надевают какие попало. Когда кого-нибудь штрафуют за отсутствие академической одежды, всегда оказывается, что ее стащили. И они вечно грязные, как кухонные тряпки. Студентки вытирают ими пыль и раздувают огонь. Я вот думаю: как наше усердное поколение лезло из кожи вон, чтобы завоевать право на мантии, – а молодежи на них совершенно плевать! Разгуливают одетые как попало, точно сошли с иллюстрации к “Истории Пенденниса”[36], – так несовременно с их стороны! То, что они

[36] “История Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага” – полуавтобиографический роман У. М.

считают последней модой, – всего лишь подражание студентам-мужчинам, которые учились здесь полвека назад.

– Ну, нас, старых выпускниц, тоже едва ли станут описывать в восторженных письмах, – заметила Гарриет. – Посмотрите, например, на Габбинс.

– Ах, дорогая моя! Такая страшная зануда! И вся держится на одних булавках. Хоть бы шею помыла.

– Я думаю, – педантично вставила мисс де Вайн, – что это естественный цвет ее кожи.

– Тогда надо есть морковку для очищения организма! – отрезала мисс Мартин, отбирая у Гарриет ее мантию. – Нет, не беспокойтесь, у меня это и минуты не займет – брошу их в окно профессорской. И не смейте убегать, а то я *ни за что* вас не найду!

– У меня волосы растрепаны? – спросила мисс де Вайн, которая, лишившись мантии и шапочки, оказалась вдруг не чужда человеческой слабости.

– Ну-у, – протянула Гарриет, рассматривая пучок густых серо-стальных волос, из которого торчали бесчисленные погнутые шпильки, напоминающие крокетные[37] воротца. – Они немного распустились.

– Всегда так, – посетовала мисс де Вайн, беспомощно пытаясь вправить шпильки. – Надо постричься, наверное, будет меньше хлопот.

– А мне нравится так. Вам идет большой пучок. Можно я попробую?..

– Буду вам очень признательна, – сказала мисс де Вайн, с облегчением позволив Гарриет заняться непокорными шпильками. – У меня ужасно неловкие пальцы. И вообще у меня где-то есть шляпа, – добавила она, обведя неуверенным взглядом двор колледжа, словно шляпа могла сыскаться на какой-нибудь ветке. – Но надо дождаться декана – она просила. Ох, спасибо, так гораздо лучше. Чувствуешь себя намного уверенней. А вот и мисс Мартин. Мисс Вэйн любезно согласилась убрать волосы Белой Королеве[38]. Но может, мне все же надеть шляпу?

– Не сейчас, – решительно отчеканила мисс Мартин. – Я собираюсь выпить чаю, и вы тоже. Умираю от голода! Я весь день таскалась за профессором Бонифейсом – ему девяносто семь, и он практически выжил из ума – и орала ему в глухое ухо до одурения. Который час? Я как индюшка Марджори Флеминг[39] – мне “много раз плевать” на встречу выпускников. Надо срочно чего-нибудь съесть и выпить. Давайте-ка двинемся к столу, пока мисс Шоу и мисс Стивенс не слопали все мороженое.

Теккерея, который публиковался отдельными главами в журнальном варианте с 1848 по 1850 год и вышел в виде двухтомника в 1849–1850 годах. Действие некоторых глав происходит в “Оксбриджском университете”, и на иллюстрациях, выполненных самим Теккереем, из ображены студенты того времени.

[37] Крокет (или крокей) – игра, в которой мячи нужно специальными деревянными молотками загонять в воротца. В Оксфорде эта игра очень популярна, в нее нередко играют на газонах колледжей. Воротца действительно по форме напоминают шпильки.

[38] У Белой Королевы в сказке Льюиса Кэрролла “Алиса в Зазеркалье” вечно растрепаны волосы, и из них во все стороны торчат шпильки. Алиса помогает ей привести в порядок прическу.

[39] *Марджори Флеминг* (1803–1811) – девочка из Шотландии, которая не дожила до своего девятого дня рождения, но дневники ее позже были напечатаны и обрели большую популярность. Здесь цитируется эпиграмма на смерть трех индюшат, которая заканчивается так: “Но вот индюшка – что за мать!/Ей много раз на них плевать”. Перевод с англ. А. Борисенко.



Глава II

“Это свойственно всем меланхоликам, – говорит Меркуриалис, – если им однажды втемяшилась в голову какая-нибудь причуда, она будет самым упорнейшим образом, неистово и неотвязно занимать их”. Invitis occurrit [Она владеет ими], что бы они ни предпринимали, и они не в силах избавиться от нее; они принуждены размышлять об этом на тысячу ладов против собственной воли, perpetuo molestantur, nec oblivisci possunt, она беспрестанно их тревожит, в обществе других людей или наедине с собой, за едой, занятиями, во всякое время и в любом месте, non desinunt ea, quae minime volunt, cogitare [они не в силах заставить себя выкинуть из головы вещи, о которых им меньше всего хотелось бы размышлять]; особенно если это было что-то оскорбительное, тогда они не в состоянии это забыть[40].
Роберт Бертон

Ну, пока вроде все идет неплохо, думала Гарриет, переодеваясь к ужину. Были, конечно, и неприятные минуты – хотя бы попытка возобновить общение с Мэри Стоукс. Еще она столкнулась с тьютором по истории, мисс Гильярд, которая всегда ее недолюбливала, и та сказала, иронически скривив губы и подбавив яду в голос: “Говорят, мисс Вэйн, что с тех пор, как мы видели вас в последний раз, вы приобрели самый разнообразный опыт”. Но было и немало хорошего, такого, что позволяло надеяться на постоянство в Гераклитовой вселенной. Она чувствовала, что сможет, пожалуй, пережить торжественный ужин, хотя Мэри Стоукс предусмотрительно устроила так, чтобы они сидели рядом, и это не радовало. К счастью, по другую сторону будет сидеть Фиби Такер (в здешней обстановке Гарриет привычно называла их про себя Стоукс и Такер).

Когда процессия медленно поднялась за Высокий стол и была произнесена благодарственная молитва, Гарриет поразило, какой страшный шум стоит в трапезной. Он оглушал, обрушивался на нее всем весом и грохотом ревущего водопада, звенел в ушах, словно молот обезумевшего кузнеца, он разрывал воздух металлическим треском, как пятьдесят тысяч наборных машин разом. Это две сотни женщин одновременно тараторили высокими, резкими голосами. Она совсем позабыла это ощущение, но теперь вспомнила, как в начале каждого триместра ей казалось, что, если гвалт продолжится еще хоть минуту, она точно сойдет с ума. Обычно через неделю ощущение притуплялось. Но сейчас шум атаковал ее отвыкшие нервы с удвоенной яростью. Кто-то кричал ей прямо в ухо, она, кажется, кричала в ответ. Гарриет с беспокойством взглянула на Мэри – как выносит все это больной человек? Та, казалось, ничего не замечала – она была оживленнее, чем днем, и что-то весело вопила в ухо Дороти Коллинз. Гарриет повернулась к Фиби:

– Боже! Я и забыла, что здесь такой галдеж. Если кричать, то охрипнешь как ворона. Лучше буду выть тебе в ухо пароходной сиреной. Ты не против?

– Нисколько. Я прекрасно тебя слышу. И зачем только бог дал женщинам такие визгливые голоса? Не то чтобы меня это очень раздражало. Мне это напоминает ссоры туземцев. Кстати, еда неплохая. Суп гораздо лучше, чем был при нас.

– Специально постарались к празднику. Кроме того, новый казначей, я слышала, неплохо справляется, кажется, она специалист по внутренней экономике. Старая добрая Стрэдлс не снисходила до таких мелочей, как еда.

---

[40] Цитата из философско-физиологического энциклопедического трактата “Анатомия меланхолии” (1621), написанного оксфордским прелатом Робертом Бертоном. Перевод с англ. А. Ингера.

– Да, но мне нравилась Стрэдлс. Она была ко мне очень добра, когда я свалилась больная перед самыми экзаменами на степень. Помнишь?

– А что с ней сталось, когда она ушла?

– О, она теперь финансовый распорядитель в Бронте-колледже. Финансы ведь ее конек, она настоящий гений во всем, что касается цифр.

– А что та женщина – как ее? Пибоди? Фрибоди? Ну, знаешь, которая всегда заявляла, что цель ее жизни – стать казначеем в Шрусбери?

– Ох, господи! Она совсем свихнулась на какой-то новой религии и стала жить в секте, где все ходят в набедренных повязках и наслаждаются свободной любовью, орехами и грейпфрутами. Агапемон[41] и всякое такое. Если ты о Бродриб.

– Точно, Бродриб, я же говорю, похоже на Пибоди! Надо же, была такая практичная, так строго одевалась!

– Видимо, это реакция. Подавленные эмоции, инстинкты и тому подобное. Она ведь при всем при том была ужасно сентиментальна.

– Ну да. Вечно подлизывалась. У нее была *grande passion*[42] к мисс Шоу. Но мы все были тогда страшно скованные.

– Ну, нынешнее поколение от этого не страдает, вот уж кто абсолютно раскован.

– Да ладно тебе. Мы тоже пользовались некоторой свободой. Не так, как было до степеней. Мы не были монашками.

– Ну, мы все-таки родились еще до войны, нас воспитывали в довольно строгих правилах. У нас было чувство ответственности. А Бродриб происходила из какой-то страшно суровой семьи – унитариев, пресвитерианцев, что-то такое. Нынешние – настоящее военное поколение.

– Да. И кроме того, не мне кидать камни в Бродриб.

– Господи, ну это же совсем другое дело! Одно – естественное, а другое… Не знаю, какая-то атрофия серого вещества. Она даже книгу написала!

– О свободной любви?

– Да! Высшая Мудрость высшего Замысла мировой Души. Чудовищный синтаксис.

– Силы небесные. Ужас-то какой. Интересно, почему всякие причудливые религии так плохо влияют на грамматику?

– Потому что это загнивание интеллекта. Я уж не знаю, одно ли вызывает другое или все это следствия какой-то общей причины. Вот и Триммер лечит внушением, и Хендерсон подалась в нудистки…

– Не может быть!

– Вон она сидит – поэтому такая смуглая.

– И платье на ней кошмарного покроя. Видимо, у них правило: если нельзя прийти голой, оденься как можно хуже.

– Я иногда думаю, что немного здоровой, жизнерадостной порочности пошло бы на пользу большинству из нас.

В этот момент мисс Моллисон, сидевшая на той же стороне стола за три места от них, перегнулась через соседей и что-то прокричала.

– Что?! – прокричала в ответ Фиби.

Мисс Моллисон перегнулась еще дальше, так придавив Дороти Коллинз, Бетти Армстронг и Мэри Стоукс, что те чуть не задохнулись.

– Надеюсь, от рассказов мисс Вэйн кровь не стынет в жилах?

---

[41] *Агапемон* (*греч.* обитель любви) – коммуна, образованная в 1849 году в английском городе Спакстон, в которой, как считалось, практиковали свободную любовь. Со временем так стали называть любое объединение, исповедующее принципы свободной любви.

[42] Великая страсть *(фр.)*.

– Нет, – ответила Гарриет. – Напротив, у меня кровь стынет в жилах от рассказов миссис Бэнкрофт.

– Почему?

– Она рассказывает мне про однокурсниц.

– О! – с беспокойством отозвалась мисс Моллисон.

Появление баранины с зеленым горошком заставило ее отклониться назад, так что соседки снова смогли вздохнуть. Но, к ужасу Гарриет, вопрос и ответ привлекли внимание темноволосой, решительной женщины в больших очках и с незыблемой прической, которая сидела прямо напротив. Она подалась вперед и заговорила с пронзительно американским акцентом:

– Вы меня не помните, мисс Вэйн? Я провела в колледже только один триместр, но я бы вас узнала где угодно. Я всегда рекомендую ваши книги моим американским друзьям, которые интересуются британскими детективами, – я говорю им, что вы изумительно пишете.

– Вы очень любезны, – затравленно пробормотала Гарриет.

– И у нас есть замеча-а-тельный общий друг, – продолжала дама в очках.

О боже, подумала Гарриет. Какое еще чучело сейчас извлекут из небытия? И кто эта устрашающая особа?

– В самом деле? – переспросила она, пытаясь выиграть время и яростно роясь в памяти в попытке вспомнить собеседницу. – И кто же это, мисс…

– Шустер-Слэтт, – подсказал голос Фиби в самое ухо.

– …Шустер-Слэтт?

(Ну конечно! Прибыла в летний триместр, когда Гарриет училась на первом курсе. Должна была изучать юриспруденцию. Покинула колледж в конце триместра, потому что правила Шрусбери слишком ограничивали ее свободу. Присоединилась к Обществу приходящих студентов и милосердно избавила всех от своего присутствия.)

– Какая память – вспомнили мое имя! Вы удивитесь, но благодаря своей работе я часто общаюсь с вашей британской аристократией.

“Черт!” – подумала Гарриет. Пронзительный голос мисс Шустер-Слэтт перекрывал даже шум трапезной.

– Ваш чудный лорд Питер был очень любезен со мной и страшно заинтересовался, когда узнал, что мы с вами вместе учились в колледже. Такой обходительный мужчина.

– У него прекрасные манеры, – ответила Гарриет, но намек получился слишком тонким.

Мисс Шустер-Слэтт продолжала:

– Он с таким энтузиазмом отнесся к моей работе…

Интересно, что у нее за работа, подумала Гарриет.

– И конечно, я хотела, чтобы он рассказал мне о своих увлекательных расследованиях, но он такой скромный, из него слова не вытянешь… Скажите, мисс Вэйн, он носит это милое стеклышко в глазу, потому что плохо видит, или это старая английская традиция?

– У меня никогда не хватало нахальства спросить, – ответила Гарриет.

– Ах эта ваша британская сдержанность! – воскликнула мисс Шустер-Слэтт.

И тут же вступила Мэри Стоукс:

– О, Гарриет, расскажи нам о лорде Питере! Он, должно быть, очарователен, если хоть немного похож на свои фотографии! Ты ведь его хорошо знаешь?

– Я работала с ним над одним делом.

– Это, наверное, было восхитительно. Расскажи, какой он.

– Учитывая, что он вытащил меня из тюрьмы, – сказала Гарриет с сердитым отчаянием, – и, возможно, спас от виселицы, я, разумеется, нахожу его приятным во всех отношениях.

– О! – вспыхнула Мэри Стоукс, отшатываясь от яростного взгляда Гарриет, будто от удара. – Прости, я не думала…

– Ну вот, – перебила мисс Шустер-Слэтт, – боюсь, я была страшно бестактна. Мама всегда мне говорила: “Сэди, ты такая бестактная! В жизни не видела такой бестактной девочки”. Но я увлекающаяся натура, меня заносит. Не успеваю остановиться и подумать. И в работе то же самое. Не считаюсь ни со своими чувствами, ни с чужими. Просто иду и спрашиваю – и обычно получаю ответ.

После чего мисс Шустер-Слэтт, с бóльшим тактом, чем можно было бы ожидать, триумфально увела беседу в сторону собственной работы, которая оказалась каким-то образом связана со стерилизацией неприспособленных и поощрением браков между представителями интеллигенции.

Гарриет тем временем огорченно спрашивала себя, какой бес в нее вселился – зачем было демонстрировать все худшие свои черты при одном упоминании имени Уимзи? Он не сделал ей ничего дурного, только лишь спас от постыдной смерти и предложил непоколебимую личную преданность, не требуя и не ожидая благодарности ни за одно, ни за другое. Не очень-то красиво, что в ответ она только и способна, что огрызаться. Все дело в том, думала Гарриет, что у меня комплекс неполноценности, и, к сожалению, то, что я это осознаю, ничуть не помогает. Он мог бы так понравиться мне, если бы мы встретились на равных…

Ректор постучала по столу. В трапезной воцарилась благословенная тишина. Мисс Шоу встала, чтобы произнести тост во славу университета.

Она говорила проникновенно, разворачивая великий свиток истории, превознося гуманитарные науки, возвещая *Pax Academica*[43] миру, охваченному смутой. “Оксфорд не раз называли родиной проигранных битв: если любовь к знанию ради знания – битва, проигранная в остальном мире, то пусть хотя бы здесь эта любовь найдет себе верный приют”.

Это великолепно, но это не война[44], подумала Гарриет. И вдруг, позволив воображению то вплетаться в слова оратора, то уходить в сторону, она увидела это именно как священную войну, и сразу же все разнородное, абсурдное в своей пестроте собрание болтающих женщин вдруг предстало в единстве со всеми мужчинами и женщинами, для которых интеллектуальная цельность значит больше, чем материальное благополучие, – защитники цитадели человеческой души, чьи разногласия забыты перед лицом общего врага. Быть верным своему призванию, какие бы безум ства ты ни совершал в личной жизни, – это и есть путь к душевному покою. Свободного гражданина этого великого города нельзя пленить, нельзя унизить – здесь у всех равные права.

Именитый профессор, вставший, чтобы ответить на тост, говорил о том, что есть различия в дарованиях, но дух тот же[45]. Однажды взятая нота звенела на устах каждого оратора и в ушах каждого слушателя. И отчет о прошедшем учебном годе, представленный ректором, не прозвучал диссонансом – все эти назначения, степени, стипендии были домашними, бытовыми деталями, без которых сообщество не смогло бы существовать. В блеске торжественной встречи выпускников каждый осознавал, что он – славного града житель[46]. Может быть, старого и старомодного, с неудобными зданиями и узкими улицами, где пешеходы глупо бранятся о праве прохода[47], но стоит этот град на священных холмах[48], и шпили его упираются в небо.

Гарриет уходила из трапезной в приподнятом настроении, к тому же выяснилось, что она приглашена на кофе к декану.

---

[43] Академический мир *(лат.)*.

[44] Эти слова приписывают генералу Боске. Считается, что во время Крымской войны, наблюдая знаменитую атаку легкой кавалерии, воспетую позднее Теннисоном, он сказал: *“C’est magnifique, mais ce n’est pas la guerre”*.

[45] Первое послание к Коринфянам, 12:4. Перевод епископа Кассиана.

[46] Деяния св. Апостолов 21:39: “Рече же Павел: аз человек убо есмь иудеанин тарсянин, славнаго града в Киликии житель”.

[47] *Право прохода* регулировало очередность прохода людей, скота и транспорта на узких улицах и дорогах.

[48] Цитируется вариация Псалма 87:1 из Книги общей молитвы.

Она приняла приглашение, предварительно убедившись, что Мэри Стоукс не претендует на ее общество – врач велел ей рано ложиться. Гарриет отправилась в Новый двор и постучала в дверь мисс Мартин. В гостиной она обнаружила Бетти Армстронг, Фиби Такер, мисс де Вайн, мисс Стивенс (казначея), еще одного члена колледжа по имени мисс Бартон и нескольких выпускников, которые окончили колледж раньше ее. Декан, разливая кофе, весело помахала ей рукой:

– Проходите! Здесь настоящий кофе. А с кофе в трапезной ничего нельзя сделать, Стив?

– Разве только создать специальный фонд, – сказала мисс Стивенс. – Вы, верно, не пытались посчитать, сколько стоит напоить двести человек первоклассным кофе.

– Да, понимаю, – отозвалась мисс Мартин. – Так утомительна эта жалкая бедность. Я, пожалуй, скажу про это Флакетт. Помните Флакетт – богатую девушку со странностями? Была на вашем курсе, мисс Фортескью. Она только что ходила за мной по пятам – хотела передать в дар колледжу аквариум с тропическими рыбками. Говорила, что они оживят естественнонаучную аудиторию.

– Если бы рыбки оживили еще и лекторов, – ответила мисс Фортескью, – это было бы совсем неплохо. Лекции мисс Гильярд по конституционному развитию были в наши дни просто пыткой.

– О боже! Это конституционное развитие! Ох, ведь оно и до сих пор читается – каждый год она начинает примерно с тридцатью слушателями, а к концу остаются только два-три прилежных темнокожих студента[49], которые записывают в тетрадочку каждую ее фразу. Те же лекции, слово в слово, – никаким рыбкам не под силу их оживить. Ну вот, а я ей говорю: “Это очень мило с вашей стороны, мисс Флакетт, но не думаю, что рыбки тут приживутся. Им ведь нужна специальная система обогрева, верно? И это лишняя работа садовникам”. У нее был такой разочарованный вид, что я отправила ее к казначею.

– Ну что ж, – сказала мисс Стивенс, – я поговорю с Флакетт и предложу ей создать кофейный фонд.

– Это было бы куда полезнее рыбок, – согласилась декан. – Боюсь, порой мы воспитываем в своих стенах странных личностей. Хотя вы знаете, Флакетт – уникальный специалист по жизненному циклу печеночного сосальщика[50]. Кто-нибудь хочет бенедиктину[51] к кофе? Давайте-ка, мисс Вэйн. Алкоголь развязывает язык, а мы хотим узнать побольше о вашем новом детективе.

Гарриет кратко описала сюжет, над которым работала.

– Простите за прямоту, мисс Вэйн, – сказала мисс Бартон, подаваясь вперед, – но странно, что после всего, что вы пережили, вас тянет писать книги подобного рода.

На лице декана отразилась тревога.

– Ну, во-первых, – возразила Гарриет, – у писателя нет особого выбора, пока он не заработает много денег. Если вы сделали себе имя на книгах определенного рода, а потом переключились на другой жанр, то продажи, скорее всего, упадут, такова суровая правда жизни. – Она помолчала. – Я знаю, что вы думаете – что человек с утонченными чувствами предпочел бы зарабатывать мытьем полов. Но полы я бы мыла плохо, а детективы пишу довольно хорошо. И я не считаю, что утонченные чувства должны мешать мне делать мою работу.

– Совершенно верно, – сказала мисс де Вайн.

---

[49] По всей видимости, имеются в виду студенты из колоний, вероятнее всего, индийцы. В тридцатые годы студентам-мужчинам уже разрешалось посещать лекции в женских колледжах.

[50] *Печеночный сосальщик*, или фасциола обыкновенная (лат. *Fasciola hepatica*), – вид плоских червей-паразитов.

[51] *Бенедиктин* – крепкий французский ликер.

– Но вы не можете не признать, – настаивала мисс Бартон, – что ужасные преступления и страдания невинных подозреваемых следует принимать всерьез, а не превращать в интеллектуальную игру.

– Я принимаю их всерьез в реальной жизни. Как все. Но не будете же вы утверждать, что человек, переживший любовную драму, не имеет права написать легкомысленную комедию нравов?

– Но разве это то же самое? – нахмурилась мисс Бартон. – У любви есть более легкомысленная сторона, у убийства же ее нет.

– Возможно, если вы имеете в виду комическую сторону. Но есть интеллектуальная сторона расследования.

– Вы расследовали преступление в реальной жизни, верно? И что вы чувствовали?

– Это было интересно.

– И вас не смущает, учитывая ваш опыт, что вы послали человека под суд и на виселицу?

– По-моему, нечестно задавать такой вопрос мисс Вэйн, – вмешалась мисс Мартин. И добавила извиняющимся тоном, обращаясь к Гарриет: – Мисс Бартон интересуют социологические аспекты преступления, она считает, что пенитенциарная система нуждается в реформе.

– Считаю, – сказала мисс Бартон. – Наше отношение ко всему этому кажется мне совершенно дикарским и отвратительным. Я видела много убийц, когда посещала тюрьмы, и большинство из них безобидные недалекие люди, несчастные создания, иногда даже с психическими отклонениями.

– Думаю, вы отнеслись бы к вопросу иначе, если бы встретились с жертвами, – ответила Гарриет. – Зачастую это люди еще более недалекие и безобидные, чем убийцы. Но они обычно остаются в тени. Даже присяжные не обязаны осматривать тело, если только сами не хотят. Но я видела труп в Уилверкомбе, я *нашла* его, и это было чудовищное зрелище – вы представить себе не можете насколько.

– Не сомневаюсь, – сказала мисс Мартин. – Мне более чем хватило описания в газете.

– И кроме того, – продолжала Гарриет, обращаясь к мисс Бартон, – вы ведь не видите убийцу при исполнении. Вы видите его, когда он пойман, посажен в клетку и очень несчастен. Но тот убийца в Уилверкомбе был хитрым, алчным мерзавцем, готовым убивать снова и снова, если его не остановят.

– Это безусловный аргумент за то, чтобы их ловить, – сказала Фиби, – что бы с ними потом ни делали.

– И все-таки не слишком ли это хладнокровно – ловить убийц в качестве интеллектуального упражнения? – спросила мисс Стивенс. – С полицией понятно, это их работа.

– По закону, – ответила Гарриет, – это обязанность каждого гражданина. Но большинство людей об этом не знает.

– А этот Уимзи, – не унималась мисс Бартон, – который, кажется, сделал себе из этого хобби, он смотрит на поимку преступников как на обязанность или как на интеллектуальное упражнение?

– Не знаю, – сказала Гарриет. – Но мне повезло, что он выбрал такое хобби. В моем случае полиция ошиблась – я не виню их, но так уж вышло. Поэтому я рада, что был кто-то еще.

– Вот это благородные слова, – объявила мисс Мартин. – Если бы меня обвинили в том, чего я не совершала, я бы на стенку лезла.

– Но взвешивать доказательства – моя работа, – напомнила Гарриет. – И я не могла не видеть, что у полицейских весьма сильная позиция. Это ведь формула, вроде $a + b$, просто в этом случае был еще неизвестный фактор.

– Как эта штука, которая все время возникает в новой физике, – сказала мисс Мартин. – Постоянная Планка, или как ее там.

– Несомненно, чем бы дело ни кончилось и кто бы в нем ни участвовал, – внесла свою лепту мисс де Вайн, – главное – собрать все факты.

– Да, в том-то и дело, – согласилась Гарриет. – Факт заключается в том, что я *не совершала* убийства, а мои чувства не имеют значения. Если бы я убила его, то, вероятно, чувствовала бы себя совершенно правой и возмущалась бы тем, что со мной дурно обращаются. А так я считала и считаю, что обречь кого бы то ни было на мучительную смерть от яда – совершенно непростительный поступок. Но то, что в этом обвинили именно меня, – просто несчастный случай, как если бы я упала с крыши.

– Я должна извиниться, что подняла эту тему, – сказала мисс Бартон. – Спасибо, что так откровенно мне отвечали.

– Сейчас я уже могу это обсуждать. Сначала не могла. Но это ужасное убийство в Уилверкомбе заставило меня посмотреть на все по-новому, с другой стороны.

– Скажите, – спросила декан, – а что из себя представляет лорд Питер?

– Вы имеете в виду, каков он на вид? Или каково с ним работать?

– Ну, все примерно знают, каков он на вид. Пэр с Мэйфэра. А каков он в беседе?

– Довольно занятный. Я бы сказала, берет большую часть беседы на себя.

– И вы остаетесь в тени его веселья и остроумия?

– Я как-то встретила его на выставке собак, – неожиданно сообщила мисс Армстронг. – Он великолепно изображал высокородного осла на прогулке.

– Значит, он либо смертельно скучал, либо что-то расследовал, – смеясь, пояснила Гарриет. – Я знаю этот его легковесный тон, чаще всего это камуфляж, хоть и неизвестно, что под ним скры вается.

– Ну, что-то точно есть, – сказала мисс Бартон, – потому что он явно очень умен. Но обладает ли он помимо интеллекта еще и чувствами?

– Я не стала бы, – Гарриет задумчиво рассматривала пустую чашку, – обвинять его в душевной черствости. Например, он был очень расстроен, когда отправил в тюрьму преступника, который был ему симпатичен. Но на самом деле он очень сдержан, несмотря на всю свою обманчивую манеру.

– Может быть, он просто застенчив, – доброжелательно предположила Фиби Такер. – Разговорчивые люди часто застенчивы. Мне их жаль.

– Застенчив? Нет, едва ли, – возразила Гарриет. – Может быть, это нервы – что за дивное слово, столько всего может значить. Но вряд ли он нуждается в жалости.

– И за что бы его жалеть? – добавила мисс Бартон. – Не думаю, что в нашем достойном жалости мире следует тратить это чувство на молодого человека, у которого есть все, чего он только может пожелать.

– Он примечательная личность, если так, – сказала мисс де Вайн серьезным тоном, однако в глазах ее мелькнула лукавая искра.

– И не такой уж он молодой, – заметила Гарриет. – Ему сорок пять.

(Именно столько было мисс Бартон.)

– Какую надо иметь самонадеянность, чтобы жалеть людей! – воскликнула мисс Мартин.

– Вот-вот, – подхватила Гарриет, – никому не нравится, когда его жалеют. Большинству нравится жалеть себя, но это совсем другое дело.

– Сказано едко, но до боли правдиво, – сказала мисс де Вайн.

– Но я все-таки хочу знать, – упорствовала мисс Бартон, не давая себя отвлечь, – есть ли у этого светского дилетанта какое-нибудь занятие помимо всех этих хобби вроде расследований, коллекционирования книг – и, кажется, он еще в крикет играет в свободное время?

Гарриет, которая уже некоторое время дивилась тому, как отлично ей удается держать себя в руках, ощутила неодолимое раздражение.

– Не знаю, – сказала она. – А какая разница? Почему он должен делать что-то еще? Ловить преступников – нелегкая и небезопасная работа. Она занимает много времени и сил, и его самого запросто могут ранить или убить. Да, возможно, он делает это для забавы, но делает как следует. Наверняка многие, как и я, имеют основания быть ему благодарными. Разве этого мало?

– Я совершенно согласна, – сказала мисс Мартин. – Мне кажется, все должны быть благодарны людям, которые делают за нас грязную работу и не ждут награды, каковы бы ни были их резоны.

Мисс Фортескью горячо ее поддержала.

– У меня в загородном коттедже в прошлое воскресенье засорилась сточная труба, – сказала она, – и один отзывчивый сосед пришел и прочистил ее. В процессе он ужасно выпачкался, и я все время извинялась, а он сказал, что не стоит его благодарить, потому что он любопытен от природы и любит трубы. Может, это и неправда, но даже если правда, мне-то уж точно не на что жаловаться.

– Кстати, о трубах… – оживилась казначей…

Разговор принял менее личный и более легкий характер (потому что невозможно представить себе людей, которые не способны оживленно беседовать о сточных трубах), и вскоре мисс Бартон ушла спать. Декан вздохнула с облегчением.

– Надеюсь, вы не обиделись. Мисс Бартон ужасно прямолинейна, и она твердо решила высказать свое мнение. Она прекрасный человек, но с чувством юмора у нее не очень. По ее мнению, все должно делаться только с самыми возвышенными намерениями.

Гарриет извинилась за резкость.

– По-моему, вы прекрасно держались. И ваш лорд Питер кажется очень интересным человеком. Но это не повод заставлять вас обсуждать его, беднягу.

– Если хотите знать мое мнение, так в университете все слишком подробно обсуждается, – заметила казначей. – Мы спорим и о том и о сем, и зачем и почему, вместо того чтобы просто взять и сделать.

– Но разве не надо сначала понять, что мы хотим сделать? – возразила мисс Мартин.

Услышав начало доброй академической перебранки, Гарриет улыбнулась Бетти Армстронг. И десяти минут не прошло, как кто-то помянул “шкалу ценностей”. Через час они все еще спорили. Наконец из уст казначея прозвучала цитата: “Бог создал целые числа, остальное – дело рук человека”[52].

– Ах, боже мой! – воскликнула мисс Мартин. – Давайте только обойдемся без математиков. И физиков. С ними мне не справиться.

– А кто только что поминал постоянную Планка?

– Я! И горько о том жалею. Отвратительная штука.

Запальчивость декана от души рассмешила всю компанию. Пробило полночь, все стали расходиться.

Мисс де Вайн обратилась к Гарриет:

– Я пока еще живу не в колледже. Можно мне вас проводить?

Гарриет согласилась, гадая, о чем с ней хочет поговорить мисс де Вайн. Они вместе вышли из Нового двора. Взошла луна, раскрасив все вокруг холодными мазками черного и серебряного – эти суровые тона контрастировали с теплыми желтыми огоньками окон, за которыми все еще болтали и смеялись вновь встретившиеся старые друзья.

– Как будто снова учеба, – сказала Гарриет.

---

[52] Фраза немецкого математика Леопольда Кронекера (1823–1891), считавшего, что математика должна сводиться к арифметике целых чисел.

– Да. – Мисс де Вайн странно улыбнулась. – Если бы вы послушали под этими окнами, то убедились бы, что весь шум от женщин средних лет. Старые уже легли, спрашивая себя, неужели они так же плохо сохранились, как их сверстницы. Они сегодня переволновались, и у них болят ноги. Молодые трезво беседуют о жизни и повседневных обязанностях. Но те, кому сорок, притворяются, будто они снова студентки, и им это нелегко дается. Мисс Вэйн, я восхищалась сегодня тем, как вы говорили. Беспристрастность суждений – редкая добродетель, и очень немногим людям она нравится, и в себе, и в других. Если вы нравитесь кому-то, несмотря на это качество, а уж тем более из-за него, такая симпатия дорогого стоит, потому что она искренняя и потому что с этим человеком вы тоже можете быть искренней.

– Наверное, так и есть, – кивнула Гарриет, – но почему вы мне это говорите?

– Поверьте, не для того, чтобы вас обидеть. Но я думаю, многих настораживает, что вы чувствуете то, что чувствуете, а не то, что должны бы чувствовать, по их мнению. Было бы непростительной ошибкой обращать внимание на этих людей.

– Да, – согласилась Гарриет, – но я принадлежу к их числу. Я сама себя настораживаю. И сама никогда не знаю, что я чувствую.

– Это не важно, главное – не пытаться заставить себя чувствовать то, что положено.

Они вошли в Старый двор, и древние буки, самая почтенная из всех институций Шрусбери, укрыли их колеблющимися, изменчивыми тенями, чей узор был обманчивей темноты.

– Но ведь приходится делать выбор, – сказала Гарриет. – И когда мечешься между двумя желаниями – как узнать, какое из них по-настоящему важно?

– Мы можем узнать это только тогда, когда оно берет над нами верх, – ответила мисс де Вайн.

Узорная тень соскользнула на них, словно серебряная цепь. Одна за одной все башни Оксфорда пробили четверть первого – нескладным каскадом дружеского разногласия. У входа в здание Берли мисс де Вайн пожелала Гарриет спокойной ночи и широким шагом, чуть сутулясь, зашагала прочь и исчезла под аркой трапезной.

Странная женщина, подумала Гарриет, и удивительно проницательная. Трагедия жизни Гарриет произошла от желания “чувствовать что положено” к человеку, чьи чувства к ней тоже не выдержали испытания на искренность. И вся последующая неуверенность в своих целях проистекала из твердого намерения никогда больше не спутать стремление к чувству с самим чувством. “Мы можем узнать, что желание по-настоящему важно, только когда оно возьмет над нами верх”. Есть ли хоть что-то неизменное в этом тумане неопределенностей? Да, пожалуй: работа – и это несмотря на, казалось бы, серьезные причины оставить эту работу и взяться за что-то другое. Сегодня она доказывала другим разумность своего выбора, но никогда не чувствовала потребности доказывать это самой себе. Она писала то, что считала необходимым писать, и, хотя недавно ей стало казаться, что она может делать это лучше, у нее не было никаких сомнений, что именно это и есть ее призвание. Работа незаметно взяла над ней верх – значит, она по-настоящему важна.

Гарриет еще некоторое время расхаживала туда-сюда по двору, слишком возбужденная, чтобы идти спать. Взгляд ее внезапно упал на клочок бумаги, небрежно брошенный на аккуратный газон. Она машинально подняла бумажку, как ей показалось, чистую, а войдя в Берли, попыталась рассмотреть ее поближе. Это была обычная писчая бумага, и на ней – грубо накорябанный карандашом, словно бы детский, рисунок. Это был неприятный рисунок, совсем не то, что ожидаешь найти на университетском газоне. По-садистски похабный. Он изображал обнаженную, утрированно женственную фигуру, подвергающую варварски унизительному наказанию фигурку неопределенного пола в мантии и академической шапочке. Это был нездоровый рисунок, грязный, издевательский, безумный.

Какое-то время Гарриет с отвращением смотрела на него, в голове ее роились вопросы. Затем она отнесла бумажку наверх в ближайший туалет, бросила в унитаз и спустила воду. Надлежащая участь для подобного изображения, тут и делу конец, но лучше бы вообще не видеть эту пакостную картинку.

Глава III

Лучше поступает тот, кто, раз уж не возможно не допустить любви, удержи вает ее в подобающем ей месте и полностью отделяет от своих серьезных дел и действий в жизни; ибо если она од нажды вмешается в дела, то взбаламучивает судьбы людей так сильно, что люди никак не могут оставаться верны ми своим собственным целям[53].
Фрэнсис Бэкон

В профессорской всегда считалось, что воскресенье – лучшая часть встречи выпускников. Официальный ужин и речи остались позади, выпускницы, живущие в Оксфорде, и чрезвычайно занятые гости, которые никак не могли остаться дольше чем на один вечер, покинули колледж. Люди разбрелись, можно спокойно поболтать на досуге с друзьями, не опасаясь, что какая-нибудь очередная зануда возьмет тебя за пуговицу и заведет бесконечный разговор.

Гарриет нанесла официальный визит ректору, посетив прием, на котором подавали херес и печенье, после чего направилась в Новый двор навестить мисс Лидгейт. Комната тьютора по английской словесности была завалена гранками будущей книги о просодических элементах английского стиха от "Беовульфа" до Бриджеса[54]. Поскольку мисс Лидгейт пыталась довести до совершенства принципиально новую просодическую теорию (а застывшее совершенство в научной работе недостижимо), то ей потребовалась новая сложная система условных знаков, которая включала в себя двенадцать разных шрифтов. И так как почерк мисс Лидгейт был неразборчив, а опыт общения с типографией – минимален, на данный момент было напечатано пять вариантов гранок на разных стадиях завершенности и две тетради сфальцованных полос. Приложение все еще оставалось в машинописном виде, а важнейшее предисловие, призванное дать ключ ко всей теме, только предстояло написать. Едва какой-либо раздел переходил в состояние последней вычитки, мисс Лидгейт вдруг понимала, что большой кусок рассуждений необходимо перенести из одной главы в другую. Каждое такое изменение, разумеется, требовало дорогостоящей контрольной корректуры и удаления соответствующих абзацев в пяти версиях набора[55], поэтому, когда нужно было вписать какую-либо поправку, ученики и коллеги обнаруживали мисс Лидгейт в своего рода бумажном коконе, беспомощно перерывающей кипы гранок в поисках перьевой ручки.

– Боюсь, я ужасно плохо разбираюсь в практической стороне книгоиздания, – пожаловалась мисс Лидгейт, потирая висок, в ответ на вежливые расспросы Гарриет про ее *magnum opus*[56]. – Это все страшно запутано, а я совсем не умею разговаривать с наборщиками. Хорошо, что у нас будет мисс де Вайн! Вот у кого упорядоченный ум. Ее рукописи – урок нам всем, а ведь работа у нее куда более замысловатая, чем у меня, – все эти тонкости елизаветинских платежных документов и тому подобное, она умеет все так аккуратно рассортировать и выстроить в ясное, четкое повествование. Еще она понимает, как правильно делать сноски, чтобы их можно было всунуть в текст. Мне всегда казалось, что это страшно трудно, и хотя мисс Хар-

---

[53] Из трактата "Опыты и наставления нравственные и политические" (1625). Перевод с англ. Е. Лагутина.

[54] *"Беовульф"* – древнейшая эпическая поэма германской Европы, дошедшая до наших дней. Написана в начале VIII века аллитерационным стихом. Роберт Сеймур *Бриджес* (1844–1930) – британский поэт, с 1913 по 1930 год – поэт-лауреат, теоретик, сам писавший труды по просодии стиха. Таким образом, труд мисс Лидгейт охватывает практически всю историю английской поэзии на момент написания этой книги.

[55] Здесь отражены разные стадии типографского процесса: сначала делаются гранки, т. е. длинные колонки набранного текста, не разбитые на страницы, в которые вносятся исправления до верстки. Затем тетради сфальцованных полос – уже с версткой, форматированием, разбивкой на страницы. Уже по ним делается контрольная корректура – последняя проверка полосы перед тиражированием.

[56] Монументальный труд *(лат.)*.

пер любезно печатает все мои материалы, но и она, скажем прямо, знает об англосаксах куда больше, чем о наборщиках. Вы ведь помните мисс Харпер? Она поступила на два года раньше вас, Вторая степень по английской литературе, живет на Вудсток-роуд.

Гарриет сказала, что сноски – это ужасно утомительно, и спросила, можно ли посмотреть какую-нибудь часть книги.

– Если вам правда интересно, – ответила мисс Лидгейт, – но я не хочу вам докучать. – Она достала несколько тетрадей оттисков из набитого бумагами ящика. – Не уколитесь, тут приколото несколько рукописных страниц, и еще тут вставки и надписи на полях, но я вдруг придумала, как значительно улучшить мою систему условных обозначений, так что приходится все менять. Думаю, – добавила она нервно, – что наборщики будут сердиться.

Гарриет мысленно согласилась с этим прогнозом, но сказала в утешение, что в издательстве “Оксфорд юниверсити пресс”[57] наверняка привыкли расшифровывать рукописи ученых.

– Иногда я сомневаюсь, что я ученый, – вздохнула мисс Лидгейт. – Пока я обдумываю проблему, все получается четко и ясно, но как только начинаю излагать свои выводы на бумаге, сразу запутываюсь. Как вы управляетесь с сюжетами? Все эти расписания поездов, от которых зависит алиби, – это ведь страшно трудно держать в голове.

– Я сама всегда запутываюсь, – призналась Гарриет. – Мне никогда не удавалось придумать сюжет без, по крайней мере, шести вопиющих ошибок. К счастью, девять читателей из десяти тоже запутываются, так что это не важно. А десятый пишет мне письмо, и я обещаю исправить неточность в следующем издании, но никогда этого не делаю. В конце концов, я пишу книги для развлечения, это совсем не то, что научная работа.

– Тем не менее у вас всегда был ум ученого, – сказала мисс Лидгейт. – И ведь образование, которое вы получили, помогает вам, правда? Я думала, вас ждет академическая карьера.

– Вы разочарованы, что я не стала ученым?

– Вот уж нет, я только рада, что наши студентки выходят в свет и делают такие разные и интересные вещи, если только они делают их хорошо. И, должна сказать, большинство отлично справляется, каждая в своей сфере.

– А каковы нынешние?

– Ну, – сказала мисс Лидгейт, – у нас есть просто прекрасные студентки, и они поразительно много занимаются, учитывая, сколько всего они еще успевают вне учебы, только иногда я беспокоюсь, что они переутомляются и слишком мало спят. Тут ведь еще и молодые люди, и автомобили, и вечеринки, их жизнь настолько полнее, чем у довоенного поколения, пожалуй, даже полнее, чем в ваши дни. Боюсь, нашего старого ректора хватил бы удар, если бы она увидала сегодняшний колледж. Я сама порой вздрагиваю, и даже декан – вот уж у кого широкие взгляды! – и та считает, что трусы и бюстгальтер не самый подходящий туалет, чтобы загорать на газоне. И дело даже не в мужчинах-студентах, они-то ко всему привыкли, но ведь главы мужских колледжей приходят с визитом к ректору, и хорошо бы они могли пройти по двору Шрусбери, не краснея. Мисс Мартин пришлось настоять на купальниках, пусть с открытой спиной, но это специальная одежда для загорания, а не нижнее белье!

Гарриет согласилась, что это было разумно.

– Рада, что вы так считаете! – воскликнула мисс Лидгейт. – Нам, старшему поколению, очень трудно удерживать равновесие между традицией и прогрессом – если, конечно, это прогресс. Сегодня никто не считается с авторитетом, и в целом, я думаю, это к лучшему, но очень трудно управлять каким бы то ни было учреждением в таких условиях. Наверняка вы хотите

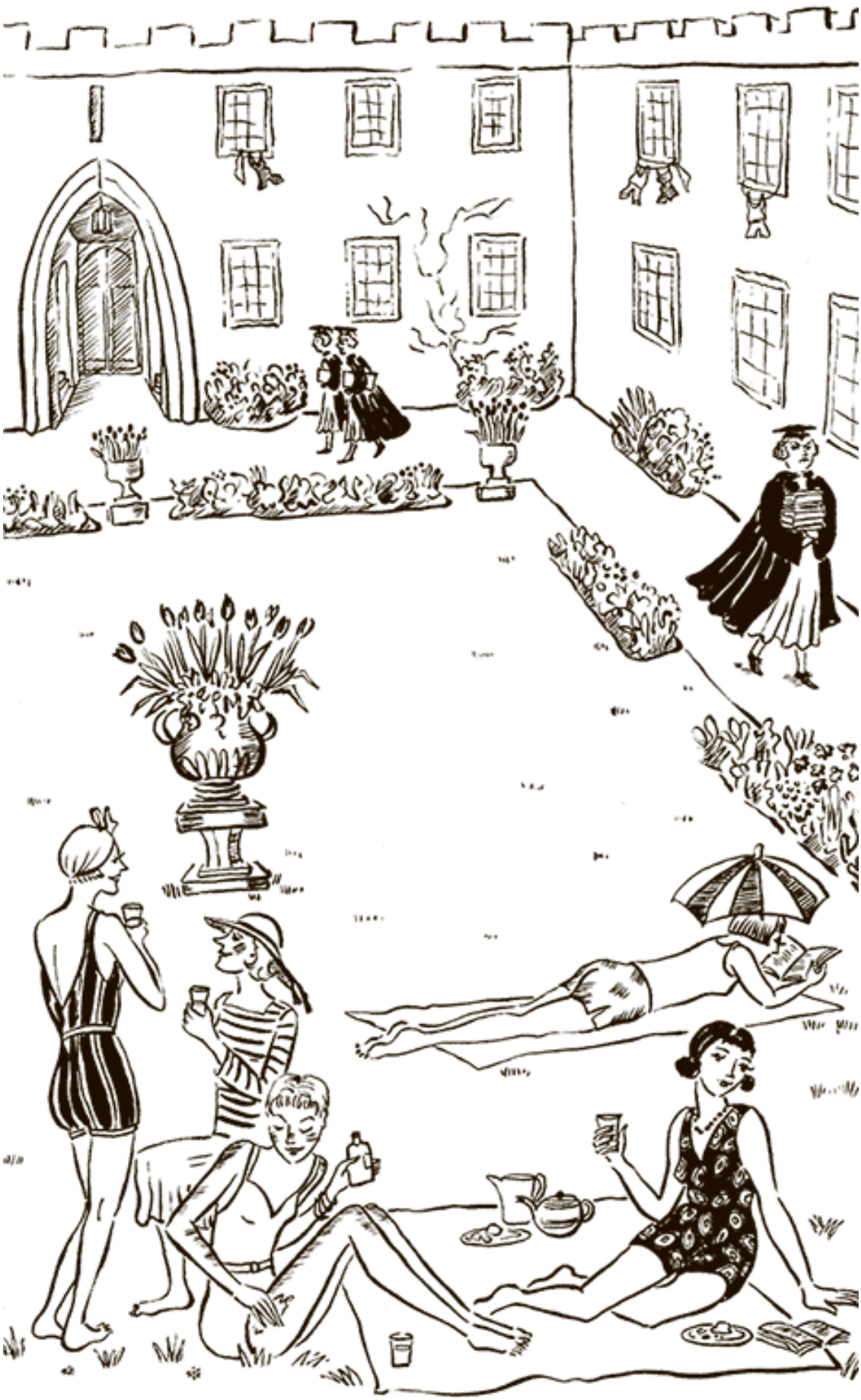
---

[57] *“Оксфорд юниверсити пресс”* – издательство Оксфордского университета, одно из старейших и крупнейших в мире университетских издательств, основанное в 1478 году. Издает главным образом научную литературу, словари, справочники и т. п.

кофе. Нет, правда, я сама всегда пью кофе в это время! Кажется, там на кухне мой скаут. Энни! Принесите, пожалуйста, вторую чашку для мисс Вэйн.

Гарриет к этому моменту съела и выпила вполне достаточно, но вежливо приняла угощение, принесенное на подносе горничной в красивой униформе. Когда дверь за ней закрылась, Гарриет заметила, как улучшилось обслуживание в Шрусбери по сравнению с прежними годами, и снова услышала похвалу в адрес казначея.

– Хотя, боюсь, мы можем лишиться Энни, которая обслуживает нашу лестницу, – добавила мисс Лидгейт. – Мисс Гильярд считает, что она слишком независима. И немного рассеянна, пожалуй, что есть, то есть. Но ведь она, бедняжка, вдова с двумя детьми и по-хорошему вообще не должна была идти в услужение. Ее муж занимал какую-то приличную должность, но этот несчастный человек сошел с ума или что-то в этом роде и застрелился или как-то еще свел счеты с жизнью, оставив ее совсем без средств, так что она рада любой работе. За ее дочками присматривает миссис Джукс – помните Джуксов, в ваше время они занимали Сент-Кросс-лодж? Сейчас они живут на Сент-Олдейт, и Энни может навещать детей по выходным. И для нее хорошо, и миссис Джукс приработок.



– А Джукс вышел на пенсию? Он же не очень старый?

– Бедный Джукс! – На добром лице мисс Лидгейт отразилось огорчение. – С ним произошла печальная история, и нам пришлось с ним расстаться. К сожалению, оказалось, что он не вполне честен. Но мы наняли его в качестве приходящего садовника, – добавила она, повеселев. – Теперь у него меньше соблазнов в смысле посылок и тому подобного. Он всегда так усердно работал, но играл на скачках и конечно же попал в затруднение. Так неприятно для его жены.

– Она добрая женщина, – согласилась Гарриет.

– Она ужасно расстроилась из-за всего этого. И Джукс тоже, надо отдать ему должное. Очень грустная сцена вышла у них с казначеем, когда она сказала, что ему придется уйти. Он совершенно потерял самообладание.

– Да-а, – протянула Гарриет. Джукс всегда был несдержан на язык.

– О, я уверена, он искренне жалел о содеянном. Он объяснил, как все вышло, как одно вело к другому. Мы все ужасно огорчились. Кроме, может быть, декана – она всегда недолюбливала Джукса. Ну, в общем, мы собрали немного денег, чтобы дать взаймы его жене для оплаты долгов, и они честно нам все возвратили, выплачивали по несколько шиллингов в неделю. Я уверена, что теперь, когда он снова встал на путь истинный, то уже с него не сойдет. Но конечно, нельзя было его оставить. Невозможно чувствовать себя спокойно, если не можешь полностью доверять привратнику. Нынешний, Паджетт, очень надежный и к тому же занятная личность. Попросите декана процитировать вам его чудные присказки.

– Он выглядит как аллегория неподкупности, – сказала Гарриет. – Но вряд ли студенты ему за это благодарны. Джукс ведь брал взятки, если, например, поздно приходишь.

– Мы этого опасались, – ответила мисс Лидгейт. – Конечно, это слишком ответственный пост для человека с не очень сильным характером. Так что все к лучшему.

– И Агнес тоже нет, я вижу.

– Да, в ваше время она была главным скаутом. Работа стала ей тяжела, и она ушла на покой. К счастью, мы смогли выделить ей небольшую пенсию. Как вы знаете, наши ресурсы приходится распределять очень осторожно, чтобы хватило хоть на что-то. И еще мы придумали нанять ее на мелкие работы – она чинит одежду студенткам и отвечает за постельное белье колледжа. Удачно получилось, особенно потому что калека сестра, которая с ней живет, может делать часть работы, и это пополняет их бюджет. Агнес говорит, что сестре так гораздо легче, она не чувствует себя обузой.

Гарриет не впервые поразилась неустанной совестливости управляющих колледжа. Ничьи интересы не были забыты, и бескрайняя добрая воля компенсировала вечную скудость средств.

Еще немного поговорив о прежних донах и студентах, они перешли к Новой библиотеке. Собрание книг давно уже переросло свой старый приют в Тюдоровском здании и наконец сможет занять надлежащее место.

– И когда это случится, – сказала мисс Лидгейт, – можно будет считать, что ансамбль колледжа обрел завершенность. Тем из нас, кто помнит, как преподаватели с десятком студенток ютились в одном старом домишке, это кажется просто чудом. А на лекции нас возили в сопровождении старших, на повозке, запряженной ослом! Должна сказать, мы все поплакали, когда старую добрую развалюху сносили, чтобы освободить место для библиотеки. С ней было столько связано!

– Еще бы! – сочувственно отозвалась Гарриет. Она не сомневалась, что в прошлом не нашлось бы и мгновения, о котором эта опытная и в то же время невинная душа не вспоминала бы с безмятежным удовольствием. Приход еще одной выпускницы прервал их разговор с мисс Лидгейт. Охваченная смутной завистью, Гарриет вышла из комнаты и тут же наткнулась

на настойчивую мисс Моллисон – пришлось выслушивать все мельчайшие детали инцидента с часами. Она не без удовольствия уведомила собеседницу, что мистер Мейсон[58] уже додумался до этой идеи. Неутомимая мисс Моллисон продолжала увлеченно терзать свою жертву расспросами про лорда Питера Уимзи, про его манеры, нрав, внешность, и когда ее сменила мисс Шустер-Слэтт, раздражение Гарриет только усилилось. На сей раз ей пришлось выслушать длинный монолог о стерилизации неприспособленных, естественным следствием которой (по всей видимости) была кампания по принуждению к браку приспособленных. Гарриет согласилась, что интеллектуалки должны выходить замуж за себе подобных и рожать от них детей, однако добавила, что английские мужья тоже имеют право голоса в этом вопросе, а они обычно нисколько не стремятся жениться на интеллектуалке.

Мисс Шустер-Слэтт заявила, что английские мужья необыкновенно милы и что она как раз готовит опросник, который необходимо распространить среди молодых людей Соединенного Королевства, чтобы выяснить их матримониальные предпочтения.

– Но англичане не заполняют опросников, – сказала Гарриет.

– Не заполняют опросников?! – вскричала потрясенная мисс Шустер-Слэтт.

– Нет, – заверила Гарриет. – Как нация мы не верим в опросники.

– Это ужасно, – сказала мисс Шустер-Слэтт. – Но я надеюсь, по крайней мере, вы вступите в наш британский филиал Лиги за матримониальный союз приспособленных. Наш президент, миссис Дж. Поппельхинкен, – замечательная женщина. Вы будете от нее в восторге. Она прибудет в Европу в следующем году. А пока я приехала сюда, чтобы заниматься агитацией и изучать вопрос с точки зрения английского образа мыслей.

– Боюсь, вам предстоит трудная работа. Интересно, – добавила Гарриет (которой хотелось поквитаться с мисс Шустер-Слэтт за вчерашнее), – так ли бескорыстны ваши мотивы? Может быть, вы собираетесь изучать очарование английских мужей самым практическим образом?

– А теперь вы надо мной смеетесь, – ответила мисс Шустер-Слэтт с невозмутимым дружелюбием. – Нет, я всего лишь рабочая пчела, а весь мед достается королевам.

– Как все кругом меня изобличает[59], – пробормотала себе под нос Гарриет.

Можно было бы ожидать, что в Оксфорде удастся отдохнуть от Питера Уимзи и вопросов брака. И хотя сама она обладала пусть сомнительной, но славой, ее раздражал тот факт, что лорд Питер – гораздо более яркая знаменитость и из них двоих люди явно больше интересуются им. Но если уж говорить о браке, то здесь самое место, чтобы трезво оценить этот институт. Что хуже, быть Мэри Этвуд (урожденной Стоукс) или мисс Шустер-Слэтт? Что лучше, быть Фиби Бэнкрофт (урожденной Такер) или мисс Лидгейт? И были бы все эти люди такими, как сейчас, если бы вышли замуж или, наоборот, остались одинокими?

Она забрела в студенческую гостиную, где не было никого, кроме бесцветной, плохо одетой женщины, читающей иллюстрированную газету. При появлении Гарриет она подняла глаза и неуверенно сказала:

– Добрый день! Мисс Вэйн, верно?

Гарриет лихорадочно рылась в памяти. Эта женщина была явно намного старше ее, ближе к пятидесяти, чем к сорока. Кто, черт возьми…

– Вряд ли вы меня помните, – сказала та. – Кэтрин Фримантл.

(Господи, Кэтрин Фримантл! Но она ведь старше всего на два года. Блестящая, умная, живая, лучшая студентка своего выпуска. Господи боже мой, что же с ней случилось?)

– Конечно же я вас помню, – ответила Гарриет, – но я ужасно плохо запоминаю имена. Чем вы занимаетесь?

---

[58] А. Э. В. *Мейсон* (1865–1948) – популярный британский писатель, писавший в числе прочего детективные истории и триллеры и славившийся умением закручивать особенно хитроумные сюжеты.

[59] В. Шекспир. “Гамлет”. Акт IV, сцена 4. Перевод с англ. М. Лозинского.

Как выяснилось, Кэтрин Фримантл вышла замуж за фермера, и все пошло вкривь и вкось. Падение цен, болезни, церковная десятина и налоги, молочный комитет, рыночный комитет, работа до седьмого пота, чтобы только выжить и поднять детей. Гарриет достаточно читала и слышала про спад в сельском хозяйстве, чтобы понимать, насколько это обычная история. Ей было стыдно за то, что она так благополучна, стыдно за свой цветущий вид. Она чувствовала, что скорее согласилась бы снова оказаться под угрозой виселицы, чем в том аду, где живет Кэтрин. Это была своего рода сага, но сага, полная абсурда. Гарриет довольно резко прервала жалобы на жестокосердие церковных уполномоченных:

– Но, мисс Фримантл, то есть миссис… миссис Бендик, это же просто нелепо, что вы всем этим занимаетесь. Выращиваете фрукты, встаете ни свет ни заря кормить птицу, не разгибаете спины, как рабыня. Вы могли бы гораздо больше зарабатывать, если бы писали что-нибудь или нашли еще какую-то умственную работу, а физическим трудом занимался бы кто-нибудь другой.

– Это правда, но вначале я считала иначе. Я приехала с возвышенными идеями о благородстве физического труда. И кроме того, моему мужу не понравилось бы, если бы я не разделяла его интересов. Конечно, мы тогда не думали, что все так повернется.

Какая глупость – так разбазарить свои способности, подумала Гарриет. Весь этот блестящий, вышколенный интеллект запряжен в воз, который могла бы тащить любая деревенская девка, причем с куда большим успехом. Но вероятно, есть что-то, ради чего стоило на это пойти. Она задала вопрос без обиняков.

– Стоило ли оно того? – переспросила миссис Бендик. – Ну да, конечно. Работа не напрасна – служишь земле.

И она дала Гарриет понять, что эта суровая и нелегкая служба гораздо благороднее, чем плетение словес на бумаге.

– Это я готова признать, – сказала Гарриет. – Плужной лемех как предмет благороднее бритвы. Но если ты прирожденный цирюльник, то лучше все-таки *быть* цирюльником, хорошим цирюльником и, если захочется, использовать прибыль, чтобы усовершенствовать лемех. Это *твоя* работа – не важно, благородная или не очень.

– Ну, теперь это и есть моя работа, – сказала миссис Бендик. – Нельзя ничего вернуть. Когда бросаешь занятия, ум ржавеет. Если без конца мыть полы, готовить на всю семью, копать картошку, кормить скотину, то твое лезвие тупится. Не надо думать, что я не завидую той легкой жизни, которую ведете все вы, – я завидую. Я приехала сюда из сентиментальных побуждений, и лучше б я этого не делала. Я старше вас на два года, а выгляжу старше на двадцать. Никто из вас не разделяет моих интересов, а мне ваши занятия кажутся пустой игрой. Вы все ничего не знаете о настоящей жизни. Живете как во сне. – Она помолчала, а потом добавила другим, смягчившимся голосом: – Но этот сон по-своему прекрасен. Так странно думать, что и я когда-то занималась наукой. Не знаю, может, вы и правы. Наука и литература переживут цивилизацию, которая их поро дила.

Гарриет процитировала:

Слово бессмертное
Жить будет вечно.
Канут в безмолвие
Взгляд и улыбка,
Но не умолкнут
Лютня и скрипка[60].

[60] Строки из стихотворения “Илиада” Гумберта Вульфа (1885–1940), британского поэта итальянского происхождения, который был чрезвычайно популярен в 1920-е годы.

Она задумчиво смотрела в окно на залитый солнцем двор.

– Любопытно, я думала в точности о том же самом, хотя и по другому поводу. Послушайте, я вами страшно восхищаюсь, но, по-моему, вы неправы. Я уверена, что каждый должен делать свою работу, какой бы незначительной она ни была, а не пытаться заставить себя делать чужую, даже самую благородную.

Произнося это, она вспомнила свой разговор с мисс де Вайн – вот и еще один аспект проблемы.

– Все это очень хорошо, – ответила миссис Бендик, – но иногда выходишь замуж за чужую работу.

И правда, но Гарриет предлагали выйти замуж за работу настолько близкую ее собственной, что разница уже не имела значения. А заодно и за богатство, которое делало любую работу необязательной. И снова она почувствовала, что ей несправедливо дается то, к чему многие гораздо более достойные люди стремятся напрасно.

– Наверное, замужество и само по себе важная работа? – спросила она.

– Да. Мое замужество сложилось вполне удачно, но иногда я думаю, что, может быть, мой муж был бы счастливее с другой женой. Он никогда этого не говорит, но я чувствую… Он знает, что я скучаю по… некоторым вещам, и иногда ему это неприятно. Не представляю, почему я вам это все рассказываю, – никогда ни с кем об этом не говорила, а мы ведь почти и не знакомы.

– И я даже не проявила участия. Наоборот, была груба и невежлива.

– Пожалуй, – согласилась миссис Бендик. – Но у вас очень красивый голос.

– Ох ты господи.

– Наша ферма стоит на границе с Уэльсом, и везде звучит этот безобразный местный выговор. Знаете, по чему я больше всего скучаю? По культурной речи. По тому самому оксфордскому произношению, которое все вечно высмеивают. Забавно, правда?

– Мне кажется, шум в обеденном зале заставляет вспомнить клетку с павлинами.

– Да, но, выйдя из зала, можно услышать правильную речь. Не все так говорят, конечно, но некоторые. Вы, например, говорите правильно, да еще красивым голосом. Помните Баховский хор?[61]

– А как же. А как у вас с музыкой на валлийской границе? Валлийцы хорошо поют.

– У меня не остается времени на музыку. Но я стараюсь учить детей.

Гарриет воспользовалась моментом, чтобы пуститься в надлежащие расспросы о детях. Позже она оставила миссис Бендик с тяжелым чувством, будто увидела чистокровного рысака, запряженного в телегу с углем.

Воскресный ланч в трапезной был обычным, не праздничным. Многие не пришли, отвлекшись на дела в городе. Остальные являлись когда хотели, сами брали еду с буфетных стоек и поглощали ее, собираясь в щебечущие группки там, где отыщется место. Гарриет, взяв тарелку с ветчиной, оглянулась в поисках компании и обрадовалась, увидев Фиби Такер, которой дежурная женщина-скаут подавала тарелку с холодным ростбифом. Они уселись на дальнем конце длинного стола, стоявшего параллельно Высокому и перпендикулярно остальным. Отсюда им было видно все помещение, включая Высокий стол и буфетные стойки с едой. Переводя взгляд с одной сотрапезницы на другую, Гарриет спрашивала себя: которая? Которая из этих обычных, жизнерадостных женщин обронила вчера на газон тот рисунок? Потому что ведь этого никогда не узнать, а значит, смутное подозрение касается каждого. Покоя вековеч-

[61] Оксфордский любительский хор, в студенческие годы в нем пела и сама Сэйерс.

ного оплот – это прекрасно[62], но кто знает, что может затаиться под заросшими мхом камнями. Ректор, сидя в резном кресле, наклонила свою величавую голову и улыбнулась какой-то шутке декана. Мисс Лидгейт с гостеприимным рвением порхала вокруг очень старой выпускницы, которая с годами почти ослепла. Помогла подняться на три ступеньки помоста, принесла ей тарелку с едой, положила салат. Мисс Стивенс (казначей) и мисс Шоу (тьютор по современным языкам) собрали вокруг себя трех выпускниц солидных лет и достижений – издалека их беседа казалась оживленной и не лишенной юмора. Мисс Пайк, тьютор по классической филологии, была увлечена разговором с высокой крупной женщиной, которую узнала Фиби Такер – она шепнула Гарриет, что это выдающийся археолог, и в мгновение внезапно установившейся относительной тишины неожиданно прозвенел высокий голос мисс Пайк:

– Похоже, что курган в Алосе – единичный феномен. Вот погребальные камеры в Теотокосе…

Потом волны шума снова сомкнулись над их дискуссией. Две другие преподавательницы, которых Гарриет не узнала (они начали работать после ее выпуска), обсуждали, как казалось по их жестам, дамские шляпы. Мисс Гильярд, чей ядовитый сарказм не способствовал единению с коллегами, медленно пережевывала пищу, вперившись взглядом в принесенный с собой трактат. Мисс де Вайн пришла с опозданием, села возле мисс Гильярд и принялась поглощать ветчину, рассеянно уставившись в пространство.

В зале сидели выпускницы разных лет – всех типов, возрастов, по-разному одетые. Может, вот эта странная женщина с покатыми плечами, в желтом балахоне и сандалиях, с волосами, заплетенными в две косы и свернутыми в “бублики” над ушами? Или приземистая кудрявая дама в твиде, жилете мужского покроя и с лицом, напоминающим багажник кэба? Или затянутая в корсет крашеная блондинка лет шестидесяти, в шляпке, куда более подходящей восемнадцатилетней дебютантке в Аскоте?[63] Или одна из бесчисленных женщин, на чьих нарочито оптимистичных лицах как будто стоит печать “школьная учительница”? Или некрасивая особа неопределенного возраста за соседним столом, похожая на председательницу какого-нибудь комитета? Или вон то невероятное создание, одетое во что-то неуместно розовое (она выглядит так, будто ее засунули на зиму в ящик, а потом вынули, отряхнули и вновь пустили в обращение)? Или интересная, хорошо сохранившаяся деловая женщина лет пятидесяти с безупречным маникюром, которая вступает в разговор со всеми подряд и сообщает, что она только что открыла новый парикмахерский салон “в двух шагах от Бонд-стрит?”[64] Или худая, изможденная, трагическая фигура в черном марокене[65], похожая на тетушку Гамлета, а на самом деле – тетушка Беатрис, которая ведет колонку о домашнем хозяйстве в “Дэйли меркюри”? Или костлявая карга с лошадиным лицом, посвятившая себя общинному движению?[66] Или та неутомимо жизнерадостная пышка, которая была чрезвычайно ценным секретарем какого-то генерального секретаря и сама командовала секретарями? Лица мелькали и исчезали как во сне, оживленные и совершенно непроницаемые.

За дальним столом в углу трапезной, словно в ссылке, сидели с полдюжины нынешних студенток, оставшихся в Оксфорде в ожидании устного экзамена – *viva voce*. Они бол-

---

[62] Цитата из поэмы А. Теннисона “Дворец искусств”. Среди комнат дворца, которые герой создал для своей души, встречается:Английский дом, где сумрак сто и двестиИ триста лет на сад заросший льетСвященный сон, а дом стоит на месте,Покоя вековечного оплот.

[63] *Аскот* – ипподром близ Виндзора, где в июне традиционно (с 1711 г.) проводятся четырехдневные скачки. Это важное светское событие, где собирается весь цвет английской аристократии. Все приходят нарядно одетые, женщины обычно надевают умопомрачительные шляпы.

[64] *Бонд-стрит* – улица, где находятся дорогие магазины.

[65] *Марокен* – сорт плотной ткани из искусственного шелка.

[66] *Общинное движение (Settlement movement)* – движение, зародившееся в Англии в конце XIX века и испытавшее новый расцвет в 1920-е годы. Члены этого движения, обычно образованные обеспеченные люди, селились в бедных районах, чтобы совершенствовать социальную среду – распространять культуру, грамотность, гигиену и пр.

тали между собой, демонстративно игнорируя вторжение в их колледж всех этих старых кляч, какими они и сами станут через десять, двадцать, тридцать лет. У них был типичный для конца триместра помятый вид. Бедняжки, подумала Гарриет. Среди них была странная, застенчивая на вид рыжеволосая девушка с тусклыми глазами и суетливыми пальцами, а рядом с ней сидела красавица брюнетка – из-за ее лица могли бы вспыхнуть войны, если бы в нем была хоть искра жизни. И еще нескладная, нелепая молодая особа с очень неумелым макияжем – у нее был жалкий вид, как будто она вечно пыталась завоевывать сердца, но неизменно терпела поражение. Самой интересной из них была девушка, лицо которой напоминало живое пламя, а одежда выглядела нарочито нелепой, – однажды весь мир окажется у ее ног, что бы из этого ни вышло. Остальные были хоть и разными, но непримечательными. Впрочем, как раз непримечательные люди, подумала Гарриет, самые непредсказуемые. О них вообще не думаешь до поры до времени, а потом – раз! – что-то совершенно неожиданно взрывается, как подводная мина, а ты стоишь оглушенный среди плавающих осколков.

Трапезная продолжала бурлить, скауты бесстрастно смотрели из-за стоек. “А что они о нас думают, один бог знает”, – подумала Гарриет.

– Изобретаешь особенно изощренное убийство? – раздался голос Фиби у нее над ухом. – Или составляешь несокрушимое алиби? Я уже третий раз прошу тебя передать соус.

– Прости, – сказала Гарриет, передавая соусник. – Я думаю о непроницаемости человеческих лиц.

Она заколебалась и уже готова была рассказать Фиби о неприятном рисунке, но та задала какой-то вопрос, и момент был упущен. И все-таки случай с рисунком вывел ее из равновесия. Позже, проходя через трапезную, она остановилась у портрета Мэри, графини Шрусберской, в чью честь был назван колледж. Портрет был отлично выполненной копией того, что висит в колледже Сент-Джон в Кембридже. Необычное лицо с выразительными чертами, капризным ртом и уклончивым, скрытным выражением глаз всегда волновало ее – даже в студенческие годы, в том возрасте, когда портреты давно умерших знаменитостей, развешанные по стенам, вызывают лишь иронию, а не почтительные раздумья. Она не знала, никогда не пыталась выяснить, почему колледж Шрусбери выбрал себе столь зловещую патронессу. Дочь знаменитой Бесс из Хардвика[67] была великой интеллектуалкой и мятежницей. Неуправляемая в отношениях с мужчинами, не устрашенная Тауэром, хранившая презрительное молчание перед лицом Тайного совета; упрямый бунтарь, надежный друг и безжалостный враг. Леди, чья любовь к крепкому словцу поражала даже в тот грубый век. Она казалась абсолютным воплощением всех тех ужасающих качеств, которые, согласно распространенному мнению, развивает в женщине ученость. Ее мужу, “великому и славному графу Шрус берскому”, домашний мир достался дорогой ценой, поскольку, как заметил Фрэнсис Бэкон, “миледи, графиня Шрусберская, величием превосходила супруга”. Можно ли придумать замечание более уничижительное? Перспективы матримониальной кампании мисс Шустер-Слэтт казались довольно печальными: судя по всему, великая женщина должна либо умереть незамужней, либо найти себе мужа, превосходящего ее величием. А это существенно ограничивает выбор великим женщинам, поскольку, хотя мир, безусловно, порождает великих мужчин, обыкновенных и посредственных встречается все же гораздо больше. С другой стороны, великий мужчина может жениться на ком захочет, не ограничивая свой выбор великими женщинами, – напротив, считается желательным и подобающим, чтобы он выбрал женщину без малейшей претензии на незаурядность.

---

[67] *Бесс из Хардвика* – прозвище Элизабет Тальбот, графини Шрусберской (1521–1608), которая четыре раза выходила замуж, поднимаясь все выше по социальной лестнице и обретая все большее богатство и влияние. Последним ее мужем был Джордж Тальбот, шестой граф Шрусберский. Она выдала двух своих дочерей от предыдущих браков за его сыновей – таким образом ее дочь Мэри также стала графиней Шрусберской. Мэри унаследовала сильный характер матери, перешла в католичество, дважды была заточена в Тауэр – за участие в католическом заговоре и за то, что отказалась давать показания против своей племянницы. Принимала участие в расследовании загадочного убийства Томаса Овербери (см. сноску на стр. 249).

“Хотя, конечно, – напомнила себе Гарриет, – женщина может достичь величия или, по крайней мере, почета, просто будучи прекрасной женой и матерью, как мать Гракхов[68], в то время как мужчин, прославившихся лишь тем, что они прекрасные мужья и отцы, можно пересчитать по пальцам одной руки. Карл I был злосчастным королем, но примерным семьянином. Однако вряд ли его можно назвать лучшим в мире отцом, и дети не оправдали его ожиданий. Да, быть хорошим отцом либо страшно трудная, либо весьма неблагодарная профессия. За спиной любого великого мужчины стоит великая жена или великая мать – по крайней мере, так говорят. Интересно, за спиной скольких великих женщин отыщутся великие отцы или мужья? Хорошая тема для исследования. Элизабет Баррет?[69] Что ж, у нее был великий муж, но он был велик сам по себе, а не прославился как “мистер Баррет”… Сестры Бронте? Это вряд ли. Королева Елизавета? Ее отец был примечательной личностью, но преданная любовь к дочерям едва ли была определяющей чертой его характера[70]. И она упорно не желала обзаводиться мужем. Королева Виктория? Можно попытаться увидеть великого мужа в бедном Альберте, но герцог Кентский совсем не годится в примерные отцы”[71].

Кто-то прошел по трапезной позади нее, это оказалась мисс Гильярд. Из чистого озорства Гарриет решила вызвать на спор эту несговорчивую даму и изложила ей свою идею исторического исследования.

– Вы забываете о физических достижениях, – сказала мисс Гильярд. – Многие певицы, танцовщицы, пловчихи и чемпионки по теннису всем обязаны своим преданным отцам.

– Но их отцы не знамениты.

– Не знамениты. Мужчины, которые держатся в тени, непопулярны у обоих полов. Я думаю, даже ваши литературные способности не заставят людей оценить их добродетели. Особенно если вы будете выбирать для исследования женщин, выдающихся именно своим интеллектом. Боюсь, это будет очень короткий трактат.

– За неимением материала?

– Именно. Знаете ли вы хоть одного мужчину, который бы искренне восхищался женщиной за ее ум?

– Ну, – сказала Гарриет, – во всяком случае, не много.

– Может быть, вам кажется, что вы знаете *одного* такого мужчину, – заметила мисс Гильярд с горечью. – Всем нам в тот или иной период жизни так кажется. Но и этот один, возможно, не так прост.

– Очень может быть, – ответила Гарриет. – Кажется, вы не очень высокого мнения о мужчинах, то есть о мужском характере как таковом.

– Да, – согласилась мисс Гильярд, – не очень. Но у них определенно есть талант навязывать свою точку зрения всему обществу. Женщины чувствительны к мужскому неодобрению. Мужчины равнодушны к женскому. Они презирают тех, кто их критикует.

– А вы лично презираете мужскую критику?

---

[68] *Мать Гракхов* – благородная римлянка Корнелия, жена Семпрония Гракха, родившая ему двенадцать детей и воспитавшая их одна после его смерти, отказавшись выйти замуж за царя Птолемея Египетского. Однажды, когда ее спросили, где ее украшения, она отвечала, указывая на сыновей: “Вот мое украшение”. Помимо всего этого она была весьма образованной женщиной.

[69] *Элизабет Баррет* (1806–1861) – одна из наиболее выдающихся поэтесс Викторианской эпохи. Она вышла замуж за еще более известного поэта Роберта Браунинга.

[70] Отцом королевы Елизаветы был король Генрих VIII (1491–1547), который порвал с католической церковью, поскольку папа римский не давал ему разрешения на развод. Генрих VIII был женат шесть раз. Елизавета – дочь его второй жены, Анны Болейн, которая впала в немилость оттого, что никак не могла родить мальчика, в то время как король хотел получить наследника. В 1536 году она была казнена по довольно сомнительным обвинениям, освободив тем самым место для следующей жены.

[71] *Герцог Кентский*, отец королевы Виктории, умер меньше чем через год после ее рождения, в 1820 году.

– От всей души, – ответила мисс Гильярд. – Но она наносит вред. Посмотрите на университет. Мужчины были так добры, проявляли такое сочувствие к женским колледжам. Но на важные университетские посты женщин не назначают. Это уже ни к чему. Женщины могут работать – в некотором смысле, наша работа вне критики, а мужчины благодушно взирают на то, как мы возимся в своей песочнице.

– Как и подобает примерным отцам, – пробормотала Гарриет.

– Вот именно! – Мисс Гильярд зашлась неприятным смехом.

Здесь что-то личное, подумала Гарриет. Какая-то история. До чего же трудно не ожесточиться из-за личного опыта. Она отправилась в студенческую гостиную и внимательно посмотрела на себя в зеркало. В глазах тьютора по истории мелькнуло нечто, чего она не хотела бы обнаружить в собственном взгляде.

Воскресная вечерняя молитва. Колледж не требовал определенного вероисповедания, но какая-то форма христианской службы считалась необходимой для жизни сообщества. Часовня с витражными окнами, простыми дубовыми панелями и безыскусным алтарем казалась средним арифметическим всех сект и вероучений. Идя в часовню, Гарриет вспомнила, что не видела своей мантии со вчерашнего дня, когда декан отнесла ее в профессорскую. Не желая вторгаться без приглашения в святая святых, она отправилась на поиски мисс Мартин, которая, как выяснилось, забрала обе мантии к себе в комнату. Когда Гарриет надевала мантию, рукав с громким стуком задел ближайший стол.

– Господи, что это? – воскликнула мисс Мартин.

– Мой портсигар, – сказала Гарриет. – Я думала, что потеряла его. Теперь вспоминаю: у меня не было карманов, и я сунула его в рукав. В конце концов, должна же быть польза от этих рукавов.

– Ох, мои под конец триместра превращаются в склад грязных платков. Когда в комоде не остается ни одного чистого, скаут выворачивает рукава моей мантии. Самая обширная коллекция насчитывала двадцать две штуки – правда, у меня тогда неделю был жуткий насморк. Ужасно антисанитарная одежда. А вот ваша шапочка. Капюшон оставьте здесь – потом за ним вернетесь. Что вы сегодня делали? Я вас почти не видела.

И снова Гарриет совсем уже было собралась рассказать о неприятном рисунке – и снова сдержалась. Зачем делать из мухи слона? Зачем думать о такой ерунде? Она пересказала свою беседу с мисс Гильярд.

– О, это ее конек! – воскликнула мисс Мартин. – Ее сервиз, как сказала бы миссис Гэмп[72]. Конечно, мужчины не любят, когда их щелкают по носу, но кто же это любит? По-моему, с их стороны очень благородно было пустить нас в свой драгоценный университет. Столетиями они были здесь хозяевами и повелителями, им нужно время, чтобы свыкнуться с переменами. Да что там, мужчине нужны долгие месяцы, чтобы смириться с новой шляпкой жены! И как раз когда она собирается отдать ее старьевщику, он говорит: “Какая на тебе милая шляпка, где ты ее купила?” А она отвечает: “Дорогой Генри, я купила ее в прошлом году, и ты сказал, что я в ней выгляжу как обезьяна шарманщика”. Мой зять каждый раз так делает, и сестра просто сходит с ума от злости.

Они поднялись по ступенькам часовни.

В конце концов все получилось неплохо. Совсем не так, как она ожидала. Конечно, грустно сознавать, что она выросла из дружбы с Мэри Стоукс, и немного утомительно, что сама

---

[72] *Миссис Гэмп* – знаменитый персонаж романа Ч. Диккенса “Жизнь и приключения Мартина Чезлвита”, малограмотная акушерка и сиделка, любительница выпить и поразглагольствовать. Она немилосердно коверкает слова и, в частности, вместо “Вот мой девиз” говорит “Вот мой сервиз” (цит. по переводу Н. Дарузес).

Мэри этого не понимает. Гарриет давно заметила, что не может лучше относиться к людям только потому, что он заболели или умерли, – или потому, что когда-то они очень ей нравились. Некоторые счастливцы проходят по жизни, так и не сделав подобного открытия, это обычно называется “душевность”. Но все же есть старые друзья, которых приятно было повидать, – декан, например, или Фиби Такер. И все удивительно хорошо к ней отнеслись. Конечно, некоторые любопытствовали и задавали глупые вопросы про “этого Уимзи”, но явно не со зла. За исключением мисс Гильярд, но в ней всегда было что-то немного извращенное, неуютное.

Пока машина ехала по Чилтерн-Хиллс, Гарриет, улыбаясь, вспоминала свой прощальный разговор с деканом и казначеем.

– Напишите нам поскорее новую книгу! И помните, что, если в Шрусбери произойдет преступление, мы позовем вас его расследовать.

– Хорошо, – сказала Гарриет, – телеграфируйте, когда найдете в кладовой изуродованный труп. И пусть мисс Бартон хорошенечко полюбуется останками, чтобы она меньше протестовала, когда преступница понесет наказание.

А что, если они правда найдут труп в кладовой? То-то удивятся. Колледж гордился тем, что в нем никогда не случалось ничего дурного. Самое страшное, что может здесь произойти, – это если какая-то студентка “собьется с пути”. Вся профессорская впала в транс от того, что привратник присвоил парочку посылок. Благослови их бог, как они освежающе невинны, как успокоительно знать, что они бродят под древними буками и размышляют об ὄν καὶ μὴ ὄν[73] и о финансах времен королевы Елизаветы.

“Я сломала лед, – думала Гарриет, – и вода оказалась не такой уж холодной. Буду возвращаться иногда. Буду возвращаться”.

Для ланча она выбрала приятный паб и с аппетитом поела. Потом вспомнила, что портсигар так и лежит в рукаве мантии. Мантия была здесь же – Гарриет принесла ее с собой, перекинув через руку, оставалось только взять из рукава портсигар. Оттуда выпал листок – обычный листок писчей бумаги, сложенный вчетверо. Нахмурившись от неприятного воспоминания, она развернула его.

На нем были наклеены буквы, явно вырезанные из заголовков газет:

МЕРЗКАЯ УБИЙЦА. КАК ТЫ СМЕЕШЬ СЮДА ЯВЛЯТЬСЯ?

Вот черт! И ты, Оксфорд?

Несколько мгновений она сидела неподвижно. Потом зажгла спичку и поднесла ее к листку. Он тут же занялся огнем, и ей пришлось бросить его на тарелку. Но даже тогда серые буквы проступали на потрескивающем черном фоне, пока Гарриет ложкой не растерла их в пыль.

[73] Сущий и не сущий, существующий и не существующий одновременно *(греч.)*. Аристотель вводит эту формулу в трактате “Метафизика”. Она также упоминается в пьесе Кристофера Марло “Трагическая история доктора Фауста”.


DIRTY
FACE

Глава IV

И знай, что ты меня не в силах очернить
(Свою изменчивость желая объяснить),
Как сам себя готов казнить я без пощады.
Ты хочешь так? Изволь. Чужими станут взгляды;
Знакомство кончится; моя забудет речь
О милом имени – чтоб было невозможно
Мне выдать прежнюю любовь неосторожно,
И тем от клеветы его не уберечь[74].

Вильям Шекспир

В жизни каждого бывают события, которые благодаря странному совпадению времени и состояния души позже обретают символическое значение. Поездка на встречу выпускников в Шрусбери была из их числа. Вопреки мелким неурядицам и несуразностям она имела для Гарриет отчетливый смысл и пробудила в душе давнее желание – долго оно таилось за зарослями иллюзий, но теперь вновь предстало взору, открытое всем ветрам, как башня на холме. Две фразы звенели у нее в ушах. Одна – слова декана: “В конце концов, считается только работа, которую делаешь, верно?”, другая – плач по безвозвратно ушедшему: “Когда-то я тоже занималась наукой”.

“Время пришло, – изрекла Медная Голова, – время было, время ушло”[75]. Филипп Бойз погиб, кошмарные призраки той мерзкой полуночи понемногу рассеивались. Ведомая слепым инстинктом, Гарриет ринулась в работу – и отвоевала себе островок хрупкой безопасности. Быть может, еще не поздно обрести ясность взгляда и ума? Но что тогда делать с теми путами, которые, не слабея с годами, намертво привязали ее к безрадостному прошлому? И что делать с Питером Уимзи?

В последние три года отношения их были довольно странными. После того жуткого убийства, которое они вместе расследовали в Уилверкомбе, Гарриет ощутила, что ситуация становится непереносимой, – и потому поспешила осуществить давно взлелеянный план, благо теперь репутация ее упрочилась и доход позволял. Взяв подругу в компаньонки и секретарши, она отправилась в путешествие по Европе, останавливаясь то здесь, то там – где просто понравится или приглянутся декорации для новой истории. В финансовом отношении путешествие себя оправдало. Гарриет собрала материал для двух больших романов (действие одного должно было происходить в Мадриде, другого – в Каркассоне), написала серию детективных рассказов о гитлеровском Берлине и ряд путевых заметок – словом, поездка окупилась с лихвой. Перед отъездом она попросила Уимзи ей не писать. Он принял этот запрет с неожиданной кротостью.

– Понимаю. Конечно. *Vade in pace*[76]. Если что, вы найдете старую фирму по прежнему адресу.

---

[74] Сонет 89. Перевод с англ. Т. Щепкиной-Куперник.

[75] В английской литературной традиции говорящая Медная Голова – изобретение Роджера Бэкона, монаха, философа и естествоиспытателя, который трудился в Оксфорде в XIII веке и вошел в легенды как знаменитый маг и чернокнижник. Согласно анонимным повестям и пьесе Роберта Грина (1589), в тот момент, когда Голова заговорит, можно было осуществить любые планы. Однако момент этот Бэкон попросту проспал: слуга, которому было поручено не смыкать глаз, решил, что “время пришло” – недостаточно развернутая реплика, чтобы будить хозяина. В итоге со словами “время ушло” Голова разлетелась вдребезги.

[76] Идите с миром *(лат.)*.

Время от времени она натыкалась на его имя в английских газетах – других вестей о нем не было. Поэтому в начале июня, когда она возвратилась домой, ей казалось, что после столь долгой разлуки их отношения сами собой завершатся прохладным дружеским прощанием. Наверное, Питер уже успокоился и с облегчением вернулся к обычной жизни – как и она. В Лондоне Гарриет нашла себе новую квартиру на Мекленбург-сквер и засела за роман о Каркассоне.

Пустячный случай вскоре после возвращения дал ей возможность проверить себя. Вместе с одной остроумной молодой писательницей и ее мужем-адвокатом она поехала в Аскот – развлечься и изучить местный колорит для нового рассказа: по сюжету жертва должна была упасть замертво прямо в Королевской ложе, в то время как взгляды всех зрителей были прикованы к финишу. Рассматривая – снаружи, разумеется – эту святыню, Гарриет вдруг заметила, что местный колорит включает знакомые плечи, облаченные в до боли безукоризненный костюм, и столь же знакомый попугайский профиль, четко очерченный под щегольски сдвинутым к затылку светло-серым цилиндром. Волны летних шляп пенились вокруг цилиндра, а он выделялся на их фоне, как довольно причудливая, но дорогая орхидея в букете роз. Прислушавшись к разговорам, Гарриет поняла, что летние шляпы ставят на аутсайдеров и что цилиндр явно потешается над их наставлениями. В любом случае от недостатка женского внимания он не страдал.

“Ну и отлично, – подумала Гарриет, – значит, волноваться не о чем”.

Она вернулась домой, радуясь своей холодности и самообладанию. Три дня спустя, когда она читала в утренней газете, что на литературном обеде была замечена “мисс Гарриет Вэйн, известная писательница”, внезапно зазвонил телефон. Знакомый голос звучал на удивление глухо и неуверенно:

– Мисс Гарриет Вэйн? Это вы, Гарриет? Я слышал, вы вернулись? Можно как-нибудь пригласить вас на ужин?

Ответить можно было по-разному, например, официально и холодно: “Простите, а *кто* это?” Но вопрос застал ее врасплох, а природная честность заставила промямлить:

– О, Питер… Спасибо. Я даже не знаю…

– Что? – Голос на том конце зазвучал насмешливо. – У вас все вечера расписаны до свистка пресловутого рака?

– Разумеется, нет, – ответила Гарриет, не желая показаться надутой и самовлюбленной знаменитостью.

– Тогда выбирайте вечер.

– Сегодня я свободна, – сказала Гарриет, надеясь, что такая поспешность вынудит его отменить приглашение.

– Отлично, – сказал он. – Я тоже. Так вкусим же сладости свободы. Кстати, у вас поменялся номер телефона.

– Да… я переехала.

– Может быть, мне заехать за вами? Или встретимся в семь у “Феррары”?

– У “Феррары”?

– Да. В семь, если для вас это не рано. Потом пойдем в театр, надеюсь, вы не против. Значит, до вечера. Спасибо.

Он повесил трубку прежде, чем она успела возразить. Сама бы она ни за что не выбрала “Феррару”. Слишком модное место, слишком на виду. Туда ходили все, кому это было по карману, и все равно благодаря заоблачным ценам ресторан всегда оставался полупустым. А это значит, что там не скрыться от любопытных глаз. И если цель ваша – положить конец отношениям, то идти за этим в “Феррару” – не лучшая идея.

Как ни странно, они с Питером впервые ужинали в Вест-Энде. Примерно год после суда Гарриет не желала выходить в свет, даже если бы могла позволить себе вечернее платье. В те

дни он водил ее в самые немноголюдные и изысканные рестораны в Сохо, а зачастую и вовсе брал машину и отправлялся со своей мрачной и мятежной спутницей в какой-нибудь придорожный трактир, где была проверенная кухня. У Гарриет не хватало запала отказываться, и, вероятно, эти прогулки не давали ей окончательно впасть в тоску, хотя часто непробиваемая веселость лорда Питера бывала награждена словами, полными горечи и безнадежности. Вспоминая то время, Гарриет в равной мере поражалась терпению Питера и досадовала на его настойчивость.

Он встретил ее у дверей “Феррары” привычно мелькнувшей кривой улыбкой и бойкими речами, но был церемонно вежлив, чего Гарриет за ним не помнила. С явным интересом, даже с азартом выслушал он рассказ о заграничном турне, а она – вполне предсказуемо – обнаружила, что на карте Европы он ориентируется как в своем поместье. Попутно он рассказал пару забавных случаев, приключившихся в поездках с ним самим, добавил несколько замечаний о ситуации в современной Германии, обнаружив глубокое знание предмета. Ее удивило, что он в курсе всех нюансов международной политики, – она и не думала, что его всерьез интересует общественная жизнь. Неожиданно для себя она вступила с ним в яростный спор об Оттавской конференции[77], от которой лорд Питер почему-то не ждал ничего хорошего, – а к тому времени, как подали кофе, ей настолько не терпелось опровергнуть его возмутительные взгляды на разоружение[78], что она совсем забыла, с какой целью пришла в ресторан (и была ли у нее какая-то цель). В театре она изо всех сил напоминала себе, что пора уже сказать что-то решительное, но отстраненно-дружеский тон беседы не располагал к тому, чтобы сменить тему.

После спектакля он посадил ее в такси, спросил, какой адрес назвать шоферу, церемонно осведомился, можно ли ее проводить, и уселся на соседнее сиденье. Тут-то и надо было действовать, но, как назло, он благодушно лопотал что-то о георгианской архитектуре Лондона. И только когда они уже ехали по Гилфорд-стрит, наконец повисло молчание – но первым нарушил его Питер (Гарриет слишком долго готовилась к броску):

– Насколько я понимаю, Гарриет, ничего нового вы мне не ответите?

– Нет, Питер. Простите, но мне нечего больше сказать.

– Понял. Не беспокойтесь. Я постараюсь не слишком вам надоедать. Но если изредка мы сможем видеться – вот как сегодня, – я буду очень вам благодарен.

– Думаю, это будет нечестно по отношению к вам.

– Если других доводов у вас нет, то позвольте мне самому решать, что будет честно. – Тут он не упустил случая подтрунить над собой. – Старые привычки так просто не изжить. Я не обещаю, что полностью изменюсь. С вашего позволения, я, как и прежде, буду просить вашей руки – нечасто, строго в определенные дни: в ваш день рождения, в День Гая Фокса и в годовщину коронации. Но можете относиться к этому как к формальности. Попросту не обращайте внимания.

– Питер, ну зачем валять дурака?

– Ах да. И еще, конечно, в День дурака.

– Я надеялась, вы давно про это забыли.

– У меня совершенно неуправляемая память. То сотворит недолжное, то не сотворит должного. Но полной забастовки ни разу не устроила.

Такси уже подъезжало, шофер напряженно оглядывался по сторонам. Уимзи помог Гарриет выйти из машины и с серьезным видом подождал, пока она отыщет ключ. Затем сам открыл ей дверь, попрощался и уехал.

---

[77] *Оттавская конференция* 1932 года – внутренняя конференция, участниками которой были Британская империя и ее доминионы. Посвящена была в первую очередь экономическим вопросам.

[78] Проблема разоружения активно обсуждалась на международном уровне как раз на момент действия романа, на Женевской конференции 1933–1935 годов.

Поднимаясь по каменной лестнице, Гарриет сознавала: все осталось по-прежнему, побег не удался. Она вновь билась в старой сети, в той же мучительной неразрешенности. В Уимзи она заметила какую-то перемену, но, разумеется, легче от этого с ним не стало.

Лорд Питер сдержал обещание и почти ее не беспокоил. Надолго покидал Лондон, вел какие-то расследования – некоторые из них попадали в газеты, другие же так и оставались покрыты мраком. Потом на целых полгода уехал за границу, не предоставив иного объяснения, кроме как "по делам". Однажды летом он ввязался в какое-то расследование, в ходе которого ему пришлось устроиться в рекламное агентство. Работа в конторе показалась ему занятной, но вскоре дело пришло к странному и мучительному завершению[79]. Однажды он заставил себя прийти в ресторан на заранее назначенный ужин, но ни есть, ни говорить был не в силах. В конце концов он признался, что у него сильный жар и раскалывается голова, и позволил Гарриет проводить его до дома. Она всерьез встревожилась и не успокоилась, пока не привела Питера в квартиру и не сдала с рук на руки верному Бантеру. Дворецкий заверил, что болезнь эта – всего лишь реакция на переутомление: такое часто случается по завершении сложного дела, но быстро проходит. Через два дня больной сам ей позвонил, извинился и условился о новой встрече, на которую явился в весьма приподнятом расположении духа.

Кроме этого случая, Гарриет ни разу не переступала его порога. Он тоже ни разу не нарушил уединения ее квартиры на Мекленбург-сквер. Раза два или три она из вежливости пригласила его зайти, но он упорно находил отговорки – хотел, судя по всему, чтобы ее новое жилище было свободно от неловких воспоминаний. Совершенно очевидно, это не был дешевый способ набить себе цену – скорее уж попытка загладить какую-то вину. Он продолжал просить ее руки с периодичностью раз в три месяца, но всегда делал это так, что вспылить в ответ было бы очень невежливо. Как-то раз первого апреля из Парижа пришла телеграмма, состоявшая из одной-единственной латинской фразы. Начиналась она безрадостно: *"Num…?"*[80] Как известно, частица *num* "предполагает отрицательный ответ". Гарриет прочесала грамматический справочник на предмет форм вежливого отказа и ответила еще лаконичней: *"Benigne"*[81].

Мысленно возвращаясь к своей поездке в Оксфорд, Гарриет осознала, что эта поездка выбила ее из колеи. Она уже смирилась было с неизбежным присутствием Уимзи в ее жизни – как смирилась бы с присутствием динамита на военном заводе. Но в Оксфорде она обнаружила, что само имя его до сих пор взрывоопасно – что стоит посторонним сказать о нем слово, не важно, в порицание или в похвалу, в ней тут же вскипает ярость. Все это рождало страх: а ну как динамит есть динамит, каким бы безобидным он ни казался в силу привычки?

В гостиной на каминной полке лежала записка, испещренная мелким неразборчивым почерком Питера. Записка извещала, что по просьбе старшего инспектора Паркера Уимзи покидает Лондон и едет на север страны расследовать какое-то убийство. Поэтому он с сожалением сообщает, что не сможет встретиться с Гарриет на этой неделе. Не соблаговолит ли она оказать ему любезность и найти применение билетам, которые иначе пропадут?

Гарриет поджала губы, обдумывая последнюю дипломатически-осторожную фразу. После того скандального случая, еще в первый год их знакомства, когда он посмел послать ей подарок на Рождество, а она в порыве оскорбленного самолюбия вернула этот подарок с язвительной отповедью, Питер тщательно следил за тем, чтобы не дарить ей ничего материального. Исчезни он с лица земли – ничто среди ее вещей не напомнило бы о нем. Теперь же она в задумчивости разглядывала билеты. Можно отдать их кому-нибудь или пойти самой

---

[79] Об этом рассказано в романе "Убийству нужна реклама" (1933).

[80] Одна из латинских вопросительных частиц, отчасти близка по значению русским "разве", "неужели".

[81] Что-то вроде "покорно благодарю" *(лат.).* И в самом деле форма вежливого отказа.

и пригласить подругу. Но ей не очень-то хотелось сидеть весь спектакль рядом с призраком Банко[82], оспаривающим соседнее место. В итоге она вложила билеты в конверт, чтобы послать той семейной паре, которая возила ее в Аскот, затем порвала и выбросила записку. С призраком Банко было покончено. Гарриет вздохнула свободнее и перешла к следующей заботе.

Нужно было подготовить к переизданию три старых романа. Перечитывать собственные сочинения – занятие не самое вдохновляющее, и к концу чтения Гарриет была изнурена и недовольна собой. Нет, написано-то хорошо, а если рассматривать эти книги как интеллектуальное упражнение – и вовсе отлично. Но чего-то в них не хватало: теперь, при повторном чтении, складывалось впечатление, будто бы автор намеренно отгораживается от собственных чувств и взглядов. Неприятно было перечитывать сцену, где два ее героя спорили, остроумно и поверхностно, о семейной жизни. Сцена вышла бы куда лучше, если бы она не боялась выдать себя. Но ей мешало чувство, что она и так слишком увязла в гуще событий, слишком вовлечена в происходящее, никак не справится с назойливой, бесцеремонной реальностью. Если бы только она сумела отстраниться от себя самой, к ней бы вернулись и уверенность и самообладание. Все-таки, при всех оговорках, блаженны ученые: это у них “око просто”[83], они видят лишь свой предмет, не отвлекаясь на сучки и бревна в своем глазу, на свою частную жизнь.

– Частную, как же! – пробормотала Гарриет, раздраженно заворачивая гранки в оберточную бумагу. – Разве скроешься от посторонних глаз?

Ты не одна и в час, когда одна.
О, как мне стать отдельным от тебя![84]

Она была несказанно рада, что избавилась от билетов.

Так что когда Уимзи вернулся наконец из своей северной экспедиции, Гарриет была настроена воинственно. На этот раз он пригласил ее отужинать в клубе “Эгоист” – необычный для него выбор. Встретиться условились воскресным вечером, в их распоряжении был отдельный зал. Гарриет рассказала о своей поездке в Оксфорд, не преминув огласить список выпускниц, чьи выдающиеся способности совершенно увяли в замужестве. Он миролюбиво с ней согласился – да, такое и в самом деле бывает – и упомянул какого-то талантливого художника, переродившегося под влиянием честолюбивой жены и начавшего бездумно штамповать академические портреты.

– Иногда, конечно, – бесстрастно продолжал Уимзи, – дело в ревности или эгоизме. Но чаще всего это просто глупость. Они ничего такого не хотят. Удивительно, сколь мало людей вообще хотят от своих действий чего-то определенного.

– А по-моему, супруги и не могут вести себя иначе, чего бы они там ни хотели. Проблема в самом влиянии чужой личности. В этом все зло.

– Да. Благие намерения – не гарантия безопасности. Впрочем, гарантий ведь вообще нет. Вы, конечно, можете заявить, что не намерены иметь никакого отношения к чужой душе. Но вы уже имеете к ней отношение – просто потому, что существуете. А не существовать довольно трудно с чисто практической точки зрения. Иными словами, все мы уже есть – вопрос, что с этим делать.

– Ну, пожалуй, некоторые люди сами считают личные отношения главным делом жизни. Что ж, их право. Но как быть с остальными?

---

[82] В трагедии Шекспира призрак Банко явился своему убийце Макбету и уселся на его трон.

[83] Мф. 6: 22.

[84] Майкл Дрейтон (1563–1631), “К Идее”. Сонет IX.

– Ужасно неудобно, правда? – подхватил он с оживлением, которое разозлило Гарриет. – Как вы думаете, может, им вообще исключить любые человеческие отношения? Это довольно затруднительно. Как нарочно, на пути встанет какой-нибудь мясник, или булочник, или квартирная хозяйка, или кто там еще. Или, может быть, пускай люди с мозгами сидят себе сиднем, а люди с сердцем о них заботятся?

– Так часто бывает.

– И впрямь. – Он снова подозвал официанта. Гарриет уже в пятый раз уронила салфетку. – Почему, кстати, из гениев получаются ужасные мужья, и так далее? И что прикажете делать тем несчастным, кого угораздило родиться с умом и сердцем?

– Простите, что все роняю – шелк такой скользкий. Да, вы правы, это большая проблема. Если честно, я думаю, в таком случае придется выбирать.

– И никаких компромиссов?

– Не думаю, что тут возможен компромисс.

– О времена! Англичанка поносит священный компромисс!

– Ну, я не совсем англичанка. Во мне есть примесь шотландской и ирландской крови.

– Это и значит, что вы подлинная англичанка. Какому еще народу придет в голову хвалиться своей смешанной кровью? Я и сам англичанин до мозга костей, но именно потому, что на одну шестнадцатую француз, не считая обычных примесей. Так что компромисс у меня в крови. Ну так вот. Меня-то вы куда отнесете – к тем, которые с сердцем или которые с умом?

– В уме вам не откажешь, – сказала Гарриет.

– А кто возражается, Бетси?[85] Да и в сердце вы мне отказать не можете – разве что в своем.

– У вас, как у остроумцев елизаветинской поры, по два смысла на одно слово.

– Слово было ваше. И себе вам тоже придется кое в чем отказать. Амплуа Цезаревой жертвы требует жертв.

– Какой жертвы?

– Ну как же: скотины без сердца[86]. Вы, кажется, снова уронили салфетку?

– Нет, на этот раз сумку. Она у вас под левой ногой.

– О… – Питер огляделся, но официанта и след простыл. – Что ж, – продолжал он, не двигаясь с места, – конечно, люди с сердцем должны заботиться о людях с умом, но, видите ли…

– Не беспокойтесь, пожалуйста, – сказала Гарриет, – потом подниму.

– Просто у меня сломаны два ребра. Я не уверен, что если полезу под кресло, то потом вылезу обратно.

– О господи! Я-то думала, почему вы держитесь как-то натянуто. Что же вы сразу не сказали? Сидели тут как мученик и вводили меня в заблуждение.

– Все я делаю не так, – горестно проговорил он.

– И как это вас угораздило?

– Просто упал со стены – самым прозаическим образом. Я немного спешил – с той стороны стоял довольно непривлекательный тип с ружьем. И ладно бы стена, но под ней была садовая тачка. И ладно бы сломанные ребра, но там еще и пластырь. Приклеился намертво, зараза, и зверски чешется.

– Какой кошмар. Очень вам сочувствую. А что же тип с ружьем?

– А, этот… Боюсь, повседневные заботы его больше не тревожат.

---

[85] Здесь мы снова встречаемся с миссис Гэмп – сиделкой из романа Чарльза Диккенса “Мартин Чезлвит”. “А кто возражается, Бетси?” – говорит она подруге, по обыкновению коверкая слова.

[86] В. Шекспир. “Юлий Цезарь”. Акт II, сцена 2:СлугаСоветуют, чтоб ты не выходил.Из жертвы внутренности вынимая,Они в животном сердца не нашли.ЦезарьТак посрамить желают боги трусость:Скотиною без сердца Цезарь был бы,Когда б из страха дома он остался.Перевод с англ. М. Зенкевича.

– А сложись иначе, это вас бы они не тревожили?

– Возможно. А я бы больше не тревожил вас. Будь у меня ум в ладу с сердцем, я бы, наверное, обрадовался такой перспективе. Но в тот момент ум мой был сосредоточен на работе, так что я предпочел спастись бегством – и обеспечил себе возможность окончить дело.

– Ох, Питер. Я рада, что все обошлось.

– Правда? Вот видите, даже самый мощный ум не вполне бессердечен. Так, дайте подумать. Просить вашей руки сегодня не положено, и вряд ли несколько ярдов пластыря дают мне право на поблажку. Но если вы не против, кофе мы выпьем в гостиной – этот стул не мягче садовой тачки и почему-то впивается в тех же самых местах.

Он осторожно встал. Пришел официант, поднял сумку, а заодно несколько писем, которые Гарриет забрала у почтальона, выходя из дому, и, не распечатывая, сунула во внешний карман сумки. Уимзи провел ее в гостиную, усадил в кресло, затем, скорчив гримасу, тяжело опустился на низкий диван.

– Что, тяжко?

– Когда уже доковылял, то ничего. Простите, что всегда являюсь на наши встречи в таком немощном состоянии. Это я, конечно, нарочно – чтобы привлечь ваше внимание и вызвать сочувствие, но боюсь, мои маневры слишком очевидны. Что вы будете с кофе – бренди или ликер? Будьте добры, Джеймс, два бренди.

– Хорошо, милорд. Это лежало под вашим столиком, мадам.

– В коллекцию оброненных вещей? – поинтересовался Уимзи, но увидел, что Гарриет, пробежав глазами открытку, вспыхнула и нахмурилась. – Что такое?

– Ничего, – ответила Гарриет, засовывая коряво исписанную карточку в сумку.

Он взглянул на нее:

– И часто вы получаете такие письма?

– Какие “такие”?

– Подметные.

– Теперь не очень. Одно мне подкинули в Оксфорде. Но было время, когда они приходили с каждой почтой. Не волнуйтесь, я привыкла. Досадно только, что не додумалась просмотреть почту перед уходом. И ужасно, что выронила эту открытку у вас в клубе – слуги могли прочесть.

– Эх вы, горе луковое. Можно мне взглянуть?

– Не надо, Питер, пожалуйста.

– Дайте сюда.

Не поднимая глаз, она протянула ему записку.

> А твой титулованный ухажер любит суп с мышьяком? За какие услуги он тебя отмазал?

– Дрянь какая, – сказал он с горечью. – Значит, вот во что я вас втравил – мог бы и сам догадаться. Да, боюсь, что мог бы. Но вы ничего не рассказывали, а я пошел на поводу у собственного эгоизма.

– Вы тут ни при чем. Это неизбежные последствия. Ничего не поделаешь.

– Я мог бы подумать головой и не подставлять вас под удар. Видит бог, вы усердно старались от меня избавиться. Сказать по правде, вы испробовали все способы – кроме этого.

– Я знала, что вам это будет неприятно. Я не хотела вас задеть.

– Не хотели меня *задеть?*

Она вдруг осознала, что эти слова кажутся ему бредом.

– Правда не хотела, Питер. Да, знаю, я говорила вам много гадостей. Но всему есть предел. – Внезапно на нее накатила ярость. – Боже, неужто вы и правда обо мне такого мнения? Неужто вы думаете, что я способна на любую подлость?

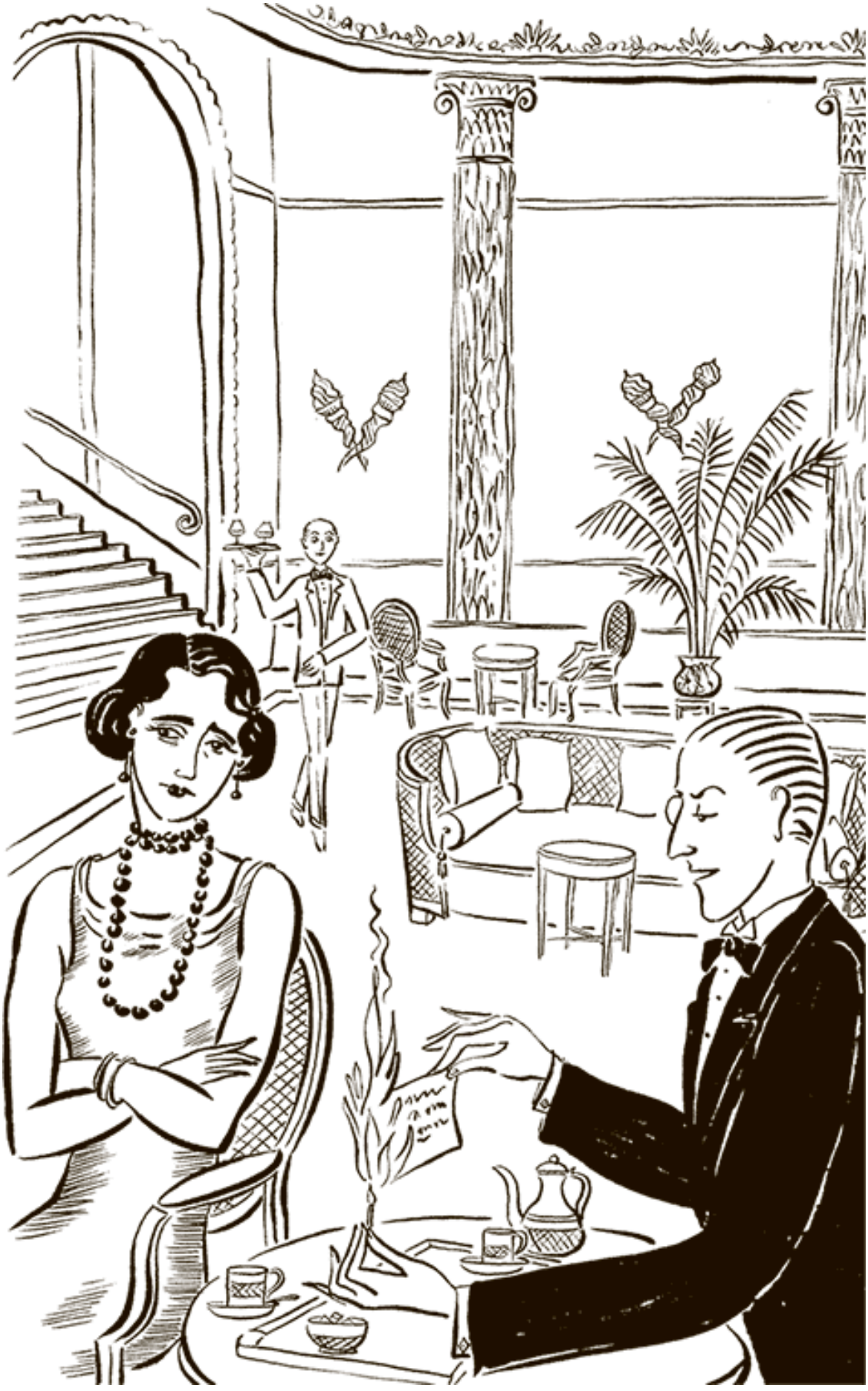
– Но вы были вправе сказать мне, что мое присутствие усложняет вам жизнь.

– Да? И что, я должна была упрекать вас, что вы портите мне репутацию – хотя портить там было уже нечего? Или указала бы вам, что вы, спасибо вам большое, спасли меня от виселицы, но, увы, не от позорного столба? Мое имя изваляно в грязи, но извольте обращаться с ним как с белой лилией? До такого лицемерия я пока не дошла.

– Понимаю. И все же я осложняю вашу жизнь. А вы великодушно об этом молчали.

– Зачем вы заставили показать вам открытку?

– Затем, – отвечал он, доставая спички и поджигая уголок открытки, – затем, что если от урода с ружьем я всегда готов убежать, то прочим неприятностям предпочитаю смотреть в лицо. – Он кинул горящую записку на поднос, потом сгреб пепел в кучку, а Гарриет сидела и вспоминала о той записке, которую нашла в рукаве мантии. – Вам не за что себя корить. Вы ничего мне не говорили, я сам все понял. Признаю свое поражение и готов с вами проститься. Так?



Официант принес бренди. Гарриет сидела, не отрывая взгляда от своих рук, плотно сцепленных в замок. Несколько минут Питер молча смотрел на нее, потом мягко сказал:

– Не стоит огорчаться. У вас кофе стынет. В конце концов, я теперь тоже могу сказать: “Не тобою побеждена я. Это рок”[87]. Самолюбие мое не пострадало, а это уже что-то.

– Послушайте, Питер. Боюсь, я сегодня непоследовательна. Я шла сюда с твердым намерением все это прекратить. Но только я могу сама за себя постоять. Я… я… – голос ее дрожал, – да будь я проклята, слышите, если позволю какому-то уроду или какой-то анонимке с вами разделаться!

Он выпрямился – так резко, что радостный возглас тут же перешел в болезненный стон.

– Черт бы побрал этот пластырь! Гарриет, вы геройский герой. Дайте мне вашу руку – и будем биться до конца! Эй, что это вы… В этом клубе не плачут. Здесь это не принято, если вы будете так себя вести, мне придется иметь дело с комитетом. Тогда они, наверное, вообще не будут пускать сюда женщин.

– Простите меня, Питер.

– И пожалуйста, *не надо* класть сахар в мой кофе.

Позже вечером, после того как Гарриет вызволила стонущего и сквернословящего Уимзи из недр дивана и отправила домой отдыхать – сколько позволят сердечные муки и проклятый пластырь, – она думала о том, что если кого здесь и победил рок, то точно не Питера. Он прекрасно знал старый бойцовский прием – используй силу противника против него самого. И все же она была уверена: если бы, когда он спросил “Так?” – она доброжелательно, но твердо ответила: “Мне жаль это говорить, но так и правда будет лучше”, – дело было бы кончено.

– Хорошо бы он уже занял твердую позицию, – пожаловалась Гарриет той самой подруге, что ездила с ней в Европу.

– Он и занял, – ответила здравомыслящая подруга. – Он-то знает, чего хочет. Это ты не знаешь – вот в чем все дело. Конечно, завершать отношения – грязная работа, но с чего ты взяла, что он должен делать ее за тебя, тем паче когда сам он вовсе не хочет разрыва? Что же до анонимок, просто не обращай внимания.

Подруге легко было говорить – жизнь, хоть и полная трудов и забот, не слишком ее потрепала.

– Питер считает, мне надо нанять секретаршу, чтоб выпалывала анонимки.

– Что ж, – заметила подруга, – весьма дельный совет. Но ты, разумеется, ему не последуешь – это же он посоветовал.

– За кого ты меня принимаешь? – сказала Гарриет и наняла секретаршу.

Несколько месяцев все было спокойно. Она старалась больше не ввязываться в дискуссии об уме и сердце. В подобных спорах вечно рискуешь затронуть личные вопросы, а на этом поле Питер, с его живостью ума и самообладанием, легко обыгрывал ее, сам оставаясь неуязвимым. Пробить его броню она не могла, разве что с помощью совсем уж грубых приемов, но Гарриет начинала бояться своих вспышек ярости.

О Шрусбери ничего не было слышно. Только однажды в Михайловом триместре в одной бестолковой лондонской газете мелькнула заметка “Студенточки лишились нарядов”, оповестившая общественность, что некто развел во дворе Шрусбери костер и сжег на нем мантии и что “хозяйка” колледжа приняла дисциплинарные меры. Новости про женщин всегда имели успех. Гарриет написала в газету язвительное письмо, указав редактору, что “студенточек” при-

[87] Вальтер Скотт. “Песнь последнего менестреля”.Взглянув на горы за рекоюИ вспомнив то, что Дух предрек,Она сказала: “Не тобоюПобеждена я. Это – рок”.Перевод с англ. Вс. Рождественского.

нято именовать “студентками” или вообще “студентами”, а доктор Баринг занимает пост ректора. Результатом стало только то, что в газете опубликовали другую заметку, озаглавив ее “Прекрасные школярки” и упомянув “прелестных барышень-ученых”[88].

Она не упустила случая гневно сообщить Уимзи – первому подвернувшемуся под руку представителю мужской половины человечества, – что подобного рода пошлости то и дело слышишь, когда среднестатистический мужчина берется рассуждать об интеллектуальных интересах женщин. Уимзи ответил, что от дурных манер его всегда тошнит – но чем лучше, например, журналистский обычай называть иностранных монархов просто по имени, без титула?

Однако недели за три до конца Пасхального триместра колледж вновь потребовал внимания Гарриет – на этот раз дело коснулось ее лично и потому встревожило сильнее.

Февраль, плача и неистовствуя, переходил в март, а Гарриет получила письмо от декана.

Моя дорогая мисс Вэйн!

Хотела Вас спросить, удастся ли Вам выбраться в Оксфорд в следующий четверг на церемонию открытия нового библиотечного крыла, на которой будет присутствовать канцлер? Как Вы знаете, дата официальной церемонии назначена уже давно – а в самих зданиях, мы надеялись, можно будет жить уже к началу этого триместра. Но, к сожалению, из-за споров с конторой подрядчика и болезни архитектора мы сильно запаздываем, едва успеваем закончить работы к открытию. Честно признаться, помещения первого этажа до сих пор не отделаны. Но, разумеется, мы не могли просить лорда Оукаппла перенести визит, он же так занят – ну что ж, в конце концов, важнее ведь библиотека, а не преподавательские комнаты, хотя бедняжкам и некуда приткнуться.

Мы – и я, и доктор Баринг – очень бы хотели, чтобы Вы приехали (хотя, конечно, у Вас так много других дел). Нам бы очень помог Ваш совет, поскольку в колледже творятся весьма неприятные вещи. Конечно, мы понимаем, что автор детективов – не полицейский, но я знаю, что вы принимали участие и в настоящем расследовании, и уверена, что Вы гораздо лучше нашего сумеете выследить злоумышленника.

Только не подумайте, что нас режут в собственных постелях! Но, пожалуй, в чем-то наш случай будет даже посложнее простого честного убийства! Видите ли, нас изводит некий полтергейст и анонимщик в одном лице – можете представить, насколько это омерзительно. Похоже, первые подметные письма стали приходить некоторое время назад, но поначалу никто не обращал на них особого внимания. Я думаю, каждый хоть раз сталкивался с подобными посланиями, и хотя даже не все из них пришли по почте, понятно, что человеку со стороны не составило бы труда подбросить их в привратницкую, а то и в сам колледж. Другое дело – наглая порча имущества: последний случай был настолько вопиющим, что с этим пора уже что-то сделать. Бедная мисс Лидгейт – ее монументальный труд, “Просодия английского стиха” – вы помните, как она работала над рукописью, – искалечили и изуродовали самым гнусным образом, некоторые важные страницы и вовсе уничтожили, так что теперь их придется писать заново. Бедняжка чуть не плакала – и что самое страшное, похоже, к этому причастен кто-то из колледжа. Мы думаем, что кто-то из студенток

[88] “Прелестные барышни-ученые” упоминаются в прологе поэмы Альфреда Теннисона “Принцесса”. Героиня поэмы говорит, что хотела бы построить колледж для женщин, а герой над ней подшучивает.

затаил зло на профессорскую – только это уже не безобидная выходка, а чудовищная низость.

Полицию мы вызвать не можем – если бы Вы видели эти письма, то поняли бы, что огласка тут недопустима, а Вы сами знаете, как быстро передаются сплетни. Думаю, Вы видели ту отвратительную статейку про сожженные во дворе мантии. Это было в ноябре, и мы так и не нашли виновника. Разумеется, вначале мы решили, что имеем дело с глупым розыгрышем, но теперь предполагаем, что все это звенья одной цепи.

Так что если бы Вы нашли время приехать, нам бы очень пригодился Ваш опыт и мы были бы Вам бесконечно признательны. Должен же тут быть хоть какой-то выход – больше это безобразие продолжаться НЕ МОЖЕТ. Но как выследишь кого бы то ни было в колледже, где 150 человек студентов, а двери открыты и днем и ночью?

Боюсь, письмо получилось сумбурным, но я очень взволнована: открытие близится, экзаменационные листы, вступительные и студенческие, сыплются и сыплются, "как листва осенняя, устлавшая пластами лесные Валамброзские ручьи"[89]*. Очень надеюсь увидеть Вас в четверг.*

Искренне Ваша
Летиция Мартин

Вот ведь досада! Ничто не могло бы так повредить женщинам в университете – в любом университете, не только в Оксфорде. Конечно, в любое сообщество могут проникнуть нежелательные лица, но если в колледже пышным цветом цветут такого рода психологические выверты, родители попросту побоятся отпускать туда невинных дочек. Пусть даже не дойдет до настоящей беды (хотя никогда не знаешь, до чего доведет людей травля), все равно грязное белье будет выставлено на всеобщее обозрение – и ничего хорошего это колледжу не сулит. Поскольку, как всегда, хоть девять десятых всей грязи окажутся клеветой, оставшаяся десятая поднимется со дна колодца истины – ее-то все и запомнят.

Кто знал это лучше ее самой? Гарриет криво улыбнулась, перечитывая письмо. "Нам бы очень пригодился Ваш опыт" – да уж, опыта у нее хоть отбавляй. Разумеется, декан ничего не имела в виду и не подумала, что от этих слов кляча станет брыкаться[90]. Самой мисс Мартин в голову бы не пришло, что человеку, обвиненному в убийстве, а потом оправданному, могут писать оскорбительные письма, и, само собой, она не сообразила, что просить совета в подобном деле у печально известной мисс Вэйн – все равно что говорить о веревке в доме повешенного. Пример той наивной бестактности, к какой склонны женщины, ушедшие из мира и посвятившие себя науке. Декан пришла бы в ужас, поняв, что по-хорошему Гарри-ет ни в коем случае не следует призывать на помощь в таком деле, ведь даже в Оксфорде, даже в Шрусбери…

Да, даже в Шрусбери – во время встречи выпускников. Вот оно что. Ту записку она нашла в рукаве мантии, когда была в Шрусбери *на встрече выпускников.* А еще та картинка, что валялась во дворе. Была ли картинка, или записка, или обе они очередным доказательством того, что мир враждебен к Гарриет? Или же они как-то связаны с последовательными нападками на колледж? Странно было бы, если бы за такой короткий срок в одном колледже объявилось целых два злонамеренных сумасшедших. Но если сумасшедший всего один, это значит очень

---

[89] Мисс Мартин цитирует строки из первой книги "Потерянного рая"Мильтона, описывающие путь низверженного Сатаны:Но, боль превозмогая, он достигПучины серной, с края возопивК бойцам, валяющимся, как листваОсенняя, устлавшая пластамиЛесные Валамброзские ручьи,Текущие под сенью темных кронДубравы Этрурийской…Перевод с англ. А. Штейнберга.

[90] Слова Гамлета во второй сцене третьего акта: "Пусть кляча брыкается, если у нее ссадина; у нас загривок не натерт". Перевод М. Лозинского.

неприятную вещь – и тогда Гарриет просто обязана вмешаться, по крайней мере, рассказать то, что знает. В жизни бывают случаи, когда личные чувства и мотивы надо отбросить ради общих интересов – и это именно такой случай.

Гарриет нехотя подошла к телефону и заказала звонок в Оксфорд. Ожидая соединения, она обдумывала дело в свете открывшихся новых фактов. Декан не сообщила никаких подробностей относительно подметных писем – сказала только, что в них чувствуется озлобленность против профессорской и что их автор явно имеет отношение к колледжу. Казалось бы, естественно приписать жестокие выходки студенткам, но декан не знала того, что знала Гарриет. Истерзанное, больное воображение само себя растравливало: "переспелая девственность", "противоестественный образ жизни", "полоумные старые девы", "неудовлетворенные желания и подавленные импульсы", "нездоровая атмосфера" – на ум приходили все новые обороты, которые, конечно, подхватит молва. Неужели именно это и скрывается в башне на холме? Неужели башня эта похожа на башню леди Аталии из "Озорного ветра"[91], на обитель разрушенных надежд, извращений и безумия? Если "будет око твое просто", значит, "тело твое светло будет"[92] – но разве это "око просто" вообще существует в природе? "Но что прикажете делать тем несчастным, кого угораздило родиться с умом и сердцем?" У них око заведомо не "просто". И самим им непросто – но проще ли всем остальным? (С филологической точки зрения это был сомнительный каламбур, но мысль верная.) Что ж, если таков расклад, то что все же выбирать: ум или сердце? Может быть, приходится идти на компромисс – просто чтобы не сойти с ума? Но, согласившись на компромисс, человек обрекает себя на изнурительную внутреннюю войну, на "одежду, обагренную кровью"[93], – и, с тоской подумала Гарриет, на неизбежные последствия войны: инфляцию, спад производства и разброд в правящих кругах.

Тут на другом конце сняли трубку и раздался взволнованный голос декана. Гарриет, не забыв протараторить, что не умеет расследовать непридуманные преступления, выразила понимание и сочувствие и спросила об одной принципиально важной, на ее взгляд, детали:

– Каким почерком написаны эти письма?

– В том-то и трудность. По большей части они склеены из газетных вырезок. Так что почерка не опознать.

Все ясно. Это не два разных злоумышленника, а один и тот же. Что ж, идем дальше.

– Там просто непристойности, или оскорбления, или угрозы?

– И то, и другое, и третье. Всякие ругательства, каких бедная мисс Лидгейт просто не знает: для нее предел грубости – драма времен Реставрации. И поток угроз – кому грозят позором, кому виселицей.

Да, и в самом деле башня леди Аталии.

– Кому-нибудь, кроме преподавателей, они приходят?

– Трудно сказать, нам же про это не сообщают. Но кажется, нескольким студенткам прислали.

– И их то присылают по почте, то подбрасывают в привратницкую?

– Да, в последнее время стали писать на стенах и по ночам подсовывают под двери. Похоже, это кто-то из колледжа.

– Когда пришло первое письмо?

– Насколько я знаю, впервые письмо прислали мисс де Вайн в Михайловом триместре. Поскольку это был ее первый триместр в колледже, мы решили, что у кого-то с ней личные счеты. Но вскоре анонимки подкинули и другим людям, и стало понятно, что дело не в том.

---

[91] *"Озорной ветер"* (1929) – роман Ричарда Оука, в свое время скандально известный и вскоре забытый.

[92] Мф. 6:22.

[93] Ис. 9:5: "Ибо всякая обувь воина во время брани и одежда, обагренная кровью, будут отданы на сожжение, в пищу огню".

Такого у нас еще никогда не случалось. Сейчас мы думаем, что надо присмотреться к первому курсу.

Как раз первокурсницы – вне подозрений, не то что все прочие, подумала Гарриет. Вслух же заметила:

– Не стоит торопиться с выводами. Люди могут долгое время вести себя вполне обычно, пока чего-нибудь не случится. В том-то и трудность, что во всех других отношениях подобные злоумышленники выглядят нормальными людьми. Это может быть кто угодно.

– Вы правы. Боюсь, это может быть даже кто-то из нас. Вот что ужасно. Да, конечно, что говорить – немолодые девственницы и так далее. Но страшно представить, что, может, в эту самую минуту ты сидишь рядом с человеком, у которого в мыслях вот такое. Как вы думаете, а сама она, бедолага, знает, что делает? Мне уже снятся кошмары – а вдруг это я сама хожу во сне и пишу людям гадости? Боже, я так боюсь за церемонию открытия! Придет к нам бедный лорд Оукаппл, а эта гадюка станет брызгать ядом ему на ботинки. А вдруг и ему подкинут анонимку?

– Думаю, – сказала Гарриет, – я и в самом деле к вам приеду. По правде говоря, я не лучший помощник в таком деле, но приеду все равно. При встрече я вам все объясню.

– Это будет очень любезно с вашей стороны. Уверена, вы найдете какое-нибудь решение. Я так понимаю, вы захотите посмотреть улики. Да? Хорошо. Каждую бумажку будем беречь у сердца. Наверное, стоит брать их пинцетом, чтобы не оставлять отпечатков пальцев?

Гарриет усомнилась, что отпечатки пальцев здесь помогут, но посоветовала все же принять меры предосторожности, просто из принципа. Затем попрощалась под несмолкающие благодарности на том конце провода и так и застыла с трубкой в руках. Есть ли ей с кем посоветоваться? Есть, но ей вовсе не хотелось обсуждать с ним подметные письма, тем паче – то, что творится за стенами университетских башен. Она решительно повесила трубку и отодвинула телефонный аппарат.

Но на следующее утро она проснулась в другом настроении. Иногда личные чувства и мотивы надо отбросить ради общего блага. Так она сказала – значит, отбросит. Уимзи может быть полезен колледжу – и она попросит его о помощи. Приятно ей или нет, хочется или нет ей услышать “я же вам говорил” – она спрячет свою гордость в карман и обратится к нему за советом. Она приняла ванну и оделась, окрыленная сознанием своей бескорыстной преданности благому делу. Затем прошла в гостиную и с удовольствием позавтракала, все еще лучась самодовольством. Она уже доедала тосты с джемом, когда пришла секретарша и принесла утреннюю почту. Среди писем была записка от Питера, сочиненная явно наспех и посланная накануне с вокзала Виктория.

> *Срочно вызвали, еду за границу. Сначала в Париж, потом в Рим. Куда потом – одному богу известно. Если буду Вам нужен – per impossibile*[94]*, – со мной можно связаться через посольства, или же пишите на Пикадилли, мне перешлют. В любом случае первого апреля ждите письма.*
> *П. Г. Б. У.*

Post occasio calva[95]. Не будешь же закидывать посольства рассказами о череде смутных и непонятных мелких происшествий в одном оксфордском колледже, тем паче если адресат твой занят собственными расследованиями и колесит по Европе. Судя по всему, его вызвали по очень срочному делу – записка была написана в спешке и довольно коряво, словно бы нацарапана в последний момент, уже в такси. Гарриет позволила себе развлечься, гадая, что же

---

[94] Вопреки вероятности *(лат.)*.

[95] *Fronte capillata, post est occasio calva* — случай спереди лохмат, а сзади плешив *(лат.)*. Из позднелатинского сборника афоризмов и моральных сентенций, известных как “Двустишия Катона”. Об упущенной возможности.

произошло: может, застрелили принца Руритании[96], или вновь объявился Великий Мошенник, или цивилизации угрожает международный заговор и на нее хотят направить Смертельный Луч – в той литературе, к которой она и сама была причастна, такое случается на каждом шагу. Но что бы ни произошло, одно было ясно: помощи ждать не от кого, надо действовать самой и утешаться сознанием своей независимости.



[96] Выдуманная европейская страна, в которой происходит действие нескольких романов популярного английского писателя Энтони Хоупа (1863–1933). Первый и самый известный из них – “Пленник замка Зенда” (1894).

Глава V

Девичество есть картина изящная, как ее называет Бонавентура, благостная сама в себе и, если угодно поверить паписту, похвальная. И хотя иное неудобство, раздражение, одиночество и т. д. и присущи таковым особам… все же сии беды легко выносимы и не более чем игрушки по сравнению с известными нередкими обременениями супружества… И мне порою думается, что неплохо было бы среди многочисленных богатых Холостяков найтись такому благотворителю, кто построил бы монашескую Коллегию для старых, обветшалых, неказистых или ропотливых девиц, дабы поселить в ней тех, кто утратил свои первые любови, или встретился с иным несчастьем, или по любой другой причине хочет вести жизнь одинокую. Остальное же, говорю я, суть игрушки в сравнении, которые довольно вознаграждаются бесчисленными радостями и несравненными преимуществами Девичества[97].

Роберт Бертон

Гарриет подъезжала к Оксфорду под ледяным ливнем, который умудрялся просочиться даже через швы откидного верха и заставлял дворник работать в полную силу. Уже это одно делало поездку совсем не похожей на ту, июньскую, но главная перемена была в ее чувствах. Тогда Гарриет ехала в колледж неохотно, с тяжелым сердцем: блудная дочь, она хоть и не опустилась до мрачной романтики свиных рожков, но и не надеялась на откормленного тельца[98]. Теперь колледж сам узнал, что значит пятно на репутации, и обратился к ней за помощью, не слишком заботясь о морали, но уповая на ее профессиональные навыки. Не то чтобы Гарриет так уж волновала эта загадка и не то чтобы она рассчитывала ее разгадать, но теперь на нее можно было смотреть просто как на работу, которую предстоит сделать. В июне каждый указатель заставлял ее думать: “Еще не скоро – еще тридцать миль можно не волноваться – еще двадцать миль едем спокойно – еще десять миль, это не скоро”. Теперь, напротив, она торопилась добраться в Оксфорд как можно быстрее – вероятно, отчасти виной тому была погода. Она съехала по Хедингтонскому холму, думая только о том, как бы машину не занесло, пересекла Модлин-бридж, ограничившись лишь едким замечанием в адрес стайки велосипедистов, пробормотала “слава богу”, добравшись до ворот на Сент-Кросс-роуд, и радушно поздоровалась с привратником Паджеттом.

– Доброе утро, мисс. Гадкая нынче погода. Декан распорядилась, мисс, поселить вас в гостевой комнате в Тюдоровском здании, сама она сейчас на встрече, но к чаю вернется. Вы знаете, где гостевая комната, мисс? Наверно, в ваше-то время ее не было. Так вот, это на Новом мосту, мисс, между Тюдоровским зданием и Северной пристройкой, где раньше был коттедж, только теперь-то его снесли, поднимаетесь по главной лестнице, идете мимо Западной аудитории, той, где раньше была студенческая гостиная, мисс, пока не сделали новый вход и не сдвинули лестницу, потом направо и по коридору примерно до середины. Как бы вы не заплутали, мисс. Это только скауты вам могут показать, да где ж их сейчас найти.

– Спасибо, Паджетт. Я не заплутаю. Сейчас только поставлю машину в гараж.

– Не беспокойтесь, мисс. Льет как из ведра. Я сам позже ее поставлю. Пусть постоит немножко так, кому она мешает. И чемодан ваш я отнесу, мисс, я б вас и проводил, да только вот не могу отлучиться, пока миссис Паджетт из буфета не вернется.

---

[97] Из “Анатомии меланхолии”.

[98] Отсылка к притче о блудном сыне. Лк. 15:11–32.

Гарриет вновь попросила его не беспокоиться.

– Если знать, мисс, тут пройти-то несложно. Но из-за всех этих перестановок – тут оттяпают, там надстроят, еще где-нибудь что-нибудь поменяют – наши прежние леди часто путаются.

– Я не запутаюсь, Паджетт.

И в самом деле, ей не составило труда отыскать таинственную гостевую комнату, ориентируясь по передвинутой лестнице и снесенному коттеджу. Из окон она могла обозревать Старый двор, а вот Новый двор не просматривался, и большая часть здания Библиотеки была скрыта за пристройкой Тюдоровского здания.

Выпив чаю у декана, Гарриет и заметить не успела, как оказалась в профессорской, где собралось внеплановое заседание под предводительством ректора. Ей предъявили материалы дела – сложенные в кучку горестные плоды чьей-то извращенной фантазии. Там было штук пятнадцать подметных писем – их специально хранили для исследования. Чуть меньше половины – картинки вроде той, что Гарриет в июне подобрала на газоне. Еще были записки, в самых неблаговидных выражениях извещавшие разных членов колледжа, что их грехи падут на их же голову, что в приличном обществе им не место и что если они не оставят в покое мужчин, пусть не ждут ничего хорошего. Некоторые из этих посланий пришли по почте, другие кто-то подбросил на подоконник или под дверь, и все они были составлены из букв, вырезанных из газет и наклеенных на дешевую писчую бумагу. Еще было две записки к студенткам: одна к старшекурснице, безобидной девушке с хорошими манерами, которая готовилась к выпускным экзаменам по классической филологии, другая – к мисс Флаксман, чрезвычайно одаренной второкурснице. Последняя записка была сформулирована яснее, чем все прочие, – в ней упоминалось реальное имя. “Не оставишь в покое Фаррингдона, …, – пеняй на себя”. В середине стояло грязное ругательство.

Оставшиеся материалы были представлены, во-первых, брошюрой мисс Бартон “Положение женщин в современном государстве”. Как-то воскресным утром библиотечный экземпляр этой книги обнаружили весело потрескивающим в камине в студенческой, которая располагалась в здании Берли. Во-вторых, к делу были приобщены гранки и рукопись “Просодии английского стиха” мисс Лидгейт. С ними произошла следующая история. Мисс Лидгейт наконец внесла в гранки все необходимые исправления и уничтожила ранние редакции своей работы. После этого она передала гранки вместе с рукописью предисловия мисс Гильярд, которая согласилась прочесть текст и проверить точность исторических ссылок. Мисс Гильярд утверждала, что получила текст в субботу утром и отнесла к себе в комнату (которая располагалась на той же лестнице, прямо над комнатой мисс Лидгейт). Затем она ходила с гранками в библиотеку (старую, в Тюдоровском здании, которую теперь должна была заменить новая) и там их читала, сверяясь со справочниками. В тот день, по ее словам, она была в библиотеке одна – только у дальних стеллажей она заметила кого-то незнакомого. Потом мисс Гильярд ушла в трапезную обедать, а бумаги оставила на столе. После обеда она повела группу первокурсниц на реку, проверить, насколько они искусны в парной гребле. Вернувшись наконец в библиотеку, она обнаружила, что бумаги со стола исчезли. Сначала она подумала, что это мисс Лидгейт, увидев свой труд на столе, решила его забрать и внести новые важнейшие исправления. Поэтому она пошла к мисс Лидгейт, но той не было в комнате. По ее собственным словам, мисс Гильярд удивило, что коллега забрала материалы, не оставив даже записки, но по-настоящему встревожилась она только перед ужином, когда, в очередной раз стучась в комнату к мисс Лидгейт, вдруг вспомнила, что та собиралась на пару дней уехать в Лондон. Разумеется, тут же начались поиски и расспросы, но успехом они не увенчались. И только в понедельник утром, после службы, гранки обнаружили в профессорской – они были разбросаны по столу и по полу. Нашла их мисс Пайк – она первая из донов зашла в комнату. Скаут, которая убирала

в профессорской, уверяла, что до службы там ничего не валялось, а выглядели бумаги так, будто их подбросили в окно – что было нетрудно сделать. Однако никто не заметил под окнами ничего подозрительного, хотя допросили весь колледж, особенно тех, кто позже прочих пришел в часовню и у кого окна напротив профессорской.

Найденные гранки были сплошь измалеваны типографскими чернилами. Все исправления на полях были начерно закрашены, то тут, то там уродливыми буквами были накорябаны ругательства. Рукописное предисловие сожгли, о чем победно сообщала надпись из больших букв, вырезанных откуда-то и наклеенных на первой странице прямо поверх текста.

Вот такими новостями мисс Гильярд пришлось встретить мисс Лидгейт, вернувшуюся в колледж в тот же день после завтрака. Попробовали выяснить, когда именно гранки унесли из библиотеки. Удалось опознать человека в дальнем эркере – им оказалась мисс Берроуз, библиотекарь. Она, однако, сказала, что не видела мисс Гильярд – в библиотеку та пришла позже, а на обед ушла раньше. Не видела она и гранок на столе – по крайней мере, не обратила внимания. В субботу в библиотеке было мало посетителей, но второкурсница, которая в три часа зашла свериться с позднелатинским словарем Дьюкенджа и, сняв книгу с полки, положила ее на стол, уверяла, что заметила бы гранки, если бы было что замечать. Студентку звали мисс Уотерс, она училась французской словесности у мисс Шоу.

Неудобно получилось со свидетельством казначея: та видела мисс Гильярд у дверей профессорской как раз в понедельник утром, перед службой. Но мисс Гильярд объяснила, что только до двери и дошла: она собиралась в профессорскую за забытой мантией, но потом вспомнила, что оставила ее в Елизаветинском здании, и отправилась туда, еще не успев войти в комнату. Она сердито осведомилась, уж не подозревает ли казначей, что это она испортила гранки. “Разумеется, нет, – заверила мисс Стивенс, – но если бы мисс Гильярд заходила в профессорскую, она бы знала, были ли гранки в комнате на тот момент, и, соответственно, помогла бы установить или *terminus a quo*, или же, напротив, *terminus ad quem*”[99].

Этим список вещественных доказательств исчерпывался, не считая того факта, что у колледжского секретаря и финансового распорядителя мисс Эллисон пропала большая бутылка типографских чернил. Ни в субботу вечером, ни в воскресенье распорядитель в свой кабинет не заходила и могла сказать только, что в час дня в субботу бутылка была еще на месте. Дверь кабинета она никогда не закрывала, поскольку деньги хранились в другом месте, а все ценные бумаги были заперты в сейфе. А ее помощница жила не в колледже и в выходные не приходила.

Больше интереса для следствия не представляло почти ничего – разве что на стенах в коридорах и туалетах то и дело появлялись грубые надписи. Но надписи эти, конечно, сразу же стирали, поэтому осмотреть их было нельзя. Разумеется, после пропажи и порчи гранок следовало принять административные меры. Доктор Баринг обратилась ко всему колледжу и призвала очевидцев дать показания. Но никаких показаний не последовало, и ректор написала приказ, запрещающий разглашать информацию о происходящем за пределами колледжа: всякому, кто поставит в известность прессу, университетскую или национальную, грозило строгое дисциплинарное взыскание. Кроме того, члены Шрусбери осторожно навели справки в других женских колледжах и выяснили, что такого рода безобразия нигде больше не творятся.

Поскольку на данный момент все факты свидетельствовали о том, что нападки на колледж начались не раньше прошлого октября, подозрение закономерно пало на студенток первого курса. Когда доктор Баринг дошла до этого пункта, Гарриет сочла, что пора вмешаться.

– Боюсь, – сказала она, – что мои показания позволят исключить и первый курс, и вообще большую часть студенток. – И, борясь с неловкостью, она рассказала о двух подметных письмах, которые обнаружила во время встречи выпускников.

---

[99] *Terminus a quo* – самый ранний из возможных момент происшествия, *terminus ad quem* – самый поздний из возможных момент происшествия *(лат.)*.

– Благодарю вас, мисс Вэйн, – сказала ректор, когда Гарриет окончила свой рассказ. – Мне искренне жаль, что вам пришлось пережить столь неприятные мгновения. И разумеется, ваше свидетельство существенно сужает круг подозреваемых. Если злоумышленник присутствовал на встрече выпускников – значит, скорее всего, это либо кто-то из немногих студенток, которые тогда остались в колледже из-за устных экзаменов, или кто-то из скаутов, или же одна из нас.

– Да. Боюсь, что именно так.

Доны переглянулись.

– Очевидно, – продолжала доктор Баринг, – это не может быть одна из выпускниц, поскольку выходки продолжаются уже довольно долго. Не может это быть и кто-то из посторонних, кто в колледже не живет, – некоторые письма подбрасывали в комнаты прямо под дверь, а кроме того, установлено, что надписи на стенах появлялись уже после полуночи. Таким образом, виновника следует искать среди сравнительно небольшого круга лиц – среди тех трех категорий, что я обозначила.

– И конечно же, – добавила мисс Берроуз, – гораздо вероятнее, что это кто-то из скаутов, а не одна из нас. Мне трудно даже вообразить, чтобы кто-то в профессорской опустился до таких гнусностей. Но что до людей другого класса…

– Вы несправедливы, – парировала мисс Бартон. – Я совершенно убеждена, что мы не должны поддаваться классовым предрассудкам.

– Насколько я знаю, у всех наших скаутов безупречная репутация, – сказала казначей. – Можете быть уверены, я с большим тщанием подбираю персонал. Те, кто не ночует в колледже, – уборщицы и другие слуги, разумеется, вне подозрений. Кроме того, напомню, бóльшая часть скаутов живет в своем крыле. При этом главный вход в нашем крыле на ночь запирается, а все окна первого этажа зарешечены. Запасной вход отгорожен от остальных зданий колледжа железной калиткой. Так что попасть из скаутского крыла в наше можно одним-единственным способом – через буфет. Но и он на ночь запирается. Ключи хранятся у главного скаута, Кэрри. Она работает в колледже уже пятнадцать лет, и, полагаю, ей можно доверять.

– Никогда не понимала, – язвительно вставила мисс Бартон, – зачем запирать на ночь бедных слуг. Прямо как диких зверей. А все остальные ходят где пожелают. Впрочем, в данном случае все оказалось к лучшему.

– Вы прекрасно знаете, почему мы так делаем, – сказала казначей. – У служебного входа нет привратника, кроме того, через стены колледжа нетрудно перелезть. Решетки стоят на всех окнах первого этажа, выходящих на улицу или на Кухонный двор, – в наших комнатах в том числе. Что же до буфета, то его запирают для того, чтобы студенты не таскали еду – насколько я знаю, при моей предшественнице они только этим и занимались. Так что, как видите, ограничения касаются членов колледжа в той же мере, что и скаутов.

– А кто из скаутов живет в других зданиях? – спросила финансовый распорядитель.

– В каждом здании их по нескольку человек, – ответила казначей. – Все они женщины порядочные и уже давно у нас служат. У меня с собой нет списка, но, кажется, в Тюдоровском здании их три, в Елизаветинском – то ли три, то ли четыре, и еще четыре живут в мансардах в Новом дворе. В Берли живут только студенты. А, и еще, конечно, есть личная прислуга ректора и горничная в лазарете – она живет там же, где фельдшер.

– Я проверю своих слуг и выясню, не причастен ли кто-нибудь из них к этому делу, – сказала доктор Баринг. – Казначея я попрошу навести справки о горничной из лазарета. И не лишним будет следить за теми скаутами, которые ночуют в колледже, – это в их же интересах.

– Вы не можете не признать… – с горячностью начала было мисс Бартон.

– Это в их же интересах, – твердо повторила ректор. – Вы совершенно правы, мисс Бартон, нет оснований подозревать скаутов более, нежели нас самих. Но именно поэтому нужно как можно скорее снять с них подозрения.

– Несомненно, – сказала казначей.

– Что же до того, каким образом устроить проверку, – продолжала ректор, – касается ли дело скаутов или кого угодно, я уверена, что чем меньше людей будут знать детали, тем лучше. Возможно, мисс Вэйн выскажет какое-нибудь дельное предложение, мне лично или же…

– Вот-вот, – мрачно прервала ее мисс Гильярд. – Или же кому? Насколько я понимаю, никому из нас доверять нельзя.

– К сожалению, это правда, – согласилась ректор, – и сама я тоже под подозрением. Нет нужды говорить, что я всецело доверяю членам колледжа, всем вместе и каждому по отдельности, однако же я убеждена, что, как и в случае со скаутами, в наших интересах принять все возможные меры предосторожности. Вы что-то хотели сказать, проректор?

– Несомненно, тут вовсе не нужно делать различий, – сказала мисс Лидгейт. – Я готова подвергнуться любым следственным процедурам.

– Вас-то как раз ни в чем не заподозришь, – заметила декан. – Вы же больше всех пострадали.

– В какой-то мере мы все тут пострадали, – сказала мисс Гильярд.

– Боюсь, – подала голос мисс Эллисон, – придется допустить, что это может быть обманный ход, – насколько я понимаю, эти… э… анонимщики часто посылают письма самим себе, чтобы рассеять подозрения. Ведь так, мисс Вэйн?

– Да, – признала Гарриет. – Честно говоря, не очень верится, чтобы кто-либо намеренно причинил себе такой ущерб, какой понесла мисс Лидгейт, но если начать проводить подобные различия, то уже не остановишься. Я считаю, в нынешней ситуации нас устроит только однозначное алиби.

– А алиби у меня нет, – сказала мисс Лидгейт. – В субботу я уехала уже после того, как мисс Гильярд ушла обедать. Более того, в обеденное время я зашла в Тюдоровское здание, занести мисс Чилперик ее книгу, так что запросто могла бы заглянуть еще и в библиотеку и забрать рукопись.

– Но у вас алиби на то время, когда ваши гранки нашли в профессорской, – заметила Гарриет.

– Нет, – возразила мисс Лидгейт, – и того нет. Я приехала ранним поездом, когда все были в часовне. Конечно, чтобы забросить гранки в профессорскую и вернуться к себе в комнату, пока их не нашли, мне пришлось бы поторопиться – но я могла успеть. В любом случае я хочу, чтобы со мной обходились так же, как с остальными.

– Спасибо, – сказала ректор. – Все ли с этим согласны?

– Уверена, в этом вопросе мы единодушны, – отозвалась декан. – Но мы забыли еще об одной категории подозреваемых.

– Да, о студентках, которые оставались в колледже во время встречи выпускников, – сказала ректор. – Что мы о них знаем?

– Я не помню точно, кто там был, – ответила декан, – но думаю, большинство из них готовились к выпускным экзаменам на степень и сейчас уже окончили колледж. Потом сверюсь со списком. А, еще была мисс Каттермол, она готовилась к экзаменам первой ступени – уже повторно.

– Точно, – подтвердила казначей. – Каттермол.

– А та женщина, которая сдавала экзамены второй ступени, – забыла, как ее зовут. Хадсон, кажется? Ее не было тогда в колледже?

– Была, – сказала мисс Гильярд.

– Как я понимаю, одна сейчас на втором курсе, другая на третьем, – сказала Гарриет. – Кстати, а ничего не известно про Фаррингдона, который упоминается в письме к мисс Флаксман?

– Это самое интересное, – сказала декан. – Этот Фаррингдон учится, если я не ошибаюсь, в Нью-колледже, причем они были помолвлены с Каттермол еще до того, как поступили в Оксфорд, а сейчас он помолвлен с Флаксман.

– Вот как?

– И, как я поняла, в первую очередь – или отчасти – из-за того подметного письма. Мне рассказали, что, получив анонимку, мисс Флаксман обвинила мисс Каттермол и показала письмо Фаррингдону – в итоге молодой джентльмен разорвал помолвку и теперь ухаживает за Флаксман.

– Некрасиво вышло, – заметила Гарриет.

– Да. Правда, та помолвка была не более чем семейной договоренностью, а теперь все просто признали *fait accompli*[100]. Но кажется, второй курс страшно всполошился.

– Понятно.

– Остается вопрос, – сказала мисс Пайк, – какие шаги мы собираемся предпринять? Мы спросили совета у мисс Вэйн, и лично я готова признать – особенно в свете того, что мы только что услышали, – что нам никак не обойтись без посторонней помощи. При этом ясно, что полицию сюда вмешивать нежелательно. Но тогда у меня вопрос: предполагает ли мисс Вэйн сама вести расследование? Или же она посоветует обратиться к частному детективу? Или что?

– Честно признаться, я в неловком положении, – сказала Гарриет. – Я хочу помочь, чем только сумею, но вы ведь понимаете, что такого рода расследование займет много времени, особенно если вести его в одиночку. Это место – проходной двор, и патрулировать его почти невозможно. Понадобился бы целый отряд агентов – и даже если нарядить их скаутами или студентками, это вызовет недоумение.

– А исследование вещественных доказательств тут не поможет? – спросила мисс Пайк. – Лично я готова предоставить свои отпечатки пальцев или подвергнуться любой другой процедуре.

– Боюсь, – ответила Гарриет, – что дактилоскопия не столь много дает на практике, как может показаться из книг. То есть, разумеется, мы можем взять отпечатки пальцев у всей профессорской, а возможно, и у скаутов, хотя им это придется не по вкусу. Но только сомневаюсь, что на такой грубой бумаге различишь какие-либо отпечатки. Кроме того…

– Кроме того, – подхватила декан, – в наши дни любой преступник знает, что нужно работать в перчатках.

– А если не знал, – мрачно заметила мисс де Вайн, до сих пор молчавшая, – то узнал только что.

– Черт! – вскрикнула декан. – Я забыла, что это одна из нас.

– Вот почему я говорила, – вставила ректор, – что нам не следует обсуждать методы расследования.

– Сколько человек держали в руках эти письма? – спросила Гарриет.

– Думаю, немало, – ответила декан.

– А нельзя ли устроить обыск… – начала было мисс Чилперик. Она была самой молодой из донов – невысокая, худенькая, застенчивая женщина, помощник тьютора по английской словесности, известная в первую очередь тем, что была помолвлена с младшим доном из другого колледжа.

Ректор не дала ей договорить:

– Прошу вас, мисс Чилперик. Воздержитесь от такого рода предложений. Возможно, вы кого-то предупредили.

– Невыносимое положение, – сказала мисс Гильярд. Она сердито взглянула на Гарриет, как будто невыносимое положение создала именно она. Что ж, в каком-то смысле так и было.

---

[100] Свершившийся факт *(фр.)*.

– Похоже, – сказала финансовый распорядитель, – что хотя мы сами позвали сюда мисс Вэйн, ни последовать ее совету, ни даже выслушать его мы не в силах. Сцена в духе Гилберта и Салливана[101].

– Давайте спросим напрямую, – предложила ректор. – Вы советуете обратиться к частному детективу?

– Только весьма необычному, – сказала Гарриет, – обычный бы вам совсем не подошел. Но я знаю одну организацию, где вы можете найти нужного человека и рассчитывать на полную конфиденциальность.

Она вспомнила о мисс Кэтрин Климпсон, содержавшей машинописное бюро, которое на самом деле было женским детективным агентством и занималось мелкими расследованиями. Агентство давно стало самоокупаемым, но Гарриет знала, что основано оно на деньги Питера Уимзи. Она была одной из немногих людей в Королевстве, кто это знал.

Мисс Эллисон кашлянула.

– Плата за услуги детективных агентов, – заметила она, – будет странно смотреться в годовом отчете.

– Думаю, это разрешимо, – сказала Гарриет. – Я лично знаю это агентство. Возможно, плата и не потребуется.

– Это неправильно, – сказала ректор. – Работа конечно же должна оплачиваться. Я готова взять расходы на себя.

– Так тоже неправильно, – возразила мисс Лидгейт. – Разумеется, мы на это не согласимся.

– Может быть, я сначала спрошу о размере гонорара? – предложила Гарриет. Сказать по правде, об этой стороне дела она ничего не знала.

– Спросить не помешает, – согласилась ректор. – Между тем…

– Я хотела бы предложить, – сказала декан, – оставить все это дело на рассмотрение мисс Вэйн, поскольку она единственная в этой комнате вне подозрения. Возможно, на свежую голову ей придет какая-нибудь мысль, и с утра она вам ее изложит. Или не с утра – ведь с утра у нас церемония открытия и визит лорда Оукаппла, – а в какое-нибудь другое время.

– Хорошо, – сказала Гарриет в ответ на вопросительный взгляд ректора. – Так и решим. И если я придумаю, чем могу быть вам полезна, то сделаю все, что в моих силах.

Ректор поблагодарила ее.

– Мы все понимаем неловкость нашего положения и постараемся как можно скорее решить это дело. И еще: что бы ни думала и ни чувствовала каждая из нас, совершенно необходимо отгонять все смутные подозрения и стараться не говорить ничего такого, что звучало бы как обвинение. Ничто так не разрушает научное сообщество, как атмосфера взаимного недоверия. Со своей стороны повторю, что всецело доверяю каждому члену профессорской. Я буду стараться сохранить непредвзятость ума и вас, коллеги, призываю к тому же.

Доны с этим согласились, и встреча окончилась.

– Что ж, – сказала декан, когда они с Гарриет шли по направлению к Новому двору, – в жизни еще не была на таком неуютном собрании. Дорогая моя, вы бросили бомбу!

– Боюсь, что да. Но что мне было делать?

– Разумеется, нечего. Боже мой! Легко ректору говорить о непредвзятости ума, но мы теперь будем отчаянно гадать, что думают о нас коллеги и не даем ли мы повода заподозрить нас в сумасшествии. Вот эта-то подозрительность – самое страшное, понимаете?

– Понимаю. Кстати сказать, я наотрез отказываюсь подозревать вас. Уж вы-то в высшей степени в здравом уме. Вы самый здравомыслящий человек, кого я встречала.

---

[101] Уильям *Гилберт* и Артур *Салливан* — создатели четырнадцати комических опер, крайне популярных как на момент написания (конец XIX века), так и позже.

– Не сказать, чтобы вы проявили непредвзятость, но спасибо на добром слове. И ректора с мисс Лидгейт тоже ни в чем не заподозришь, ведь правда? Но думаю, лучше так не говорить. Иначе методом исключения… Боже! Неужели не найдется какого-нибудь чужака с фальшивым железным алиби?

– Надеюсь, что найдется. Кроме того, в нашем распоряжении те две студентки и скауты.

Они вошли в гостиную декана. Мисс Мартин яростно разворошила угли в очаге, села в кресло и уставилась на огонь. Гарриет, примостившись на кушетке, смотрела на нее.

– Послушайте, – сказала декан, – вам не стоит делиться своими соображениями со мной, но зато нам всем ничто не мешает делиться соображениями с вами. Правда? Ну так вот. Какова цель этих нападок? Это не похоже на личные счеты. Скорее на слепую ненависть ко всему колледжу. Что за этим стоит?

– Ну, может быть, кто-то считает, что колледж его чем-то оскорбил. А может, сводит личные счеты, прикрываясь дымовой завесой. Или просто забавляется – безобразия часто устраиваются из этих соображений, если слово “соображение” тут уместно.

– Но тогда это просто хулиганство. Все равно что дети перевернут мебель или слуги притворятся привидениями. И раз уж мы о слугах, как вам мысль, что виновен кто-то из них? Разумеется, мисс Бартон будет возражать. И все-таки в этих записках очень грубая лексика.

– Да, – сказала Гарриет. – Но там нет ни одного слова, которого бы я, к примеру, не знала. Я вот что думаю: возьмите чопорнейшего человека – и под наркозом он извлечет из своего подсознания самые неожиданные слова. Более того, чем чопорней человек – тем грубей будет ругань.

– Вы правы. Кстати, вы заметили, что в этих письмах нет ни одной ошибки?

– Да, заметила. Возможно, это значит, что автор писем – человек образованный, хотя обратное не обязательно верно. Я имею в виду, что грамотные люди могут намеренно писать неграмотно, так что ошибки на письме мало что доказывают. Но вот отсутствие ошибок не подделаешь – это следствие грамотности. Боюсь, я непонятно говорю.

– Нет, все понятно. Грамотный человек может притвориться неграмотным, а неграмотному притвориться грамотным не легче, чем мне – математиком.

– Но она могла пользоваться словарем.

– Все равно это значит, что словарь присутствует в ее картине мира, как сейчас принято говорить. Как вы думаете, а не глупо со стороны злоумышленника писать без ошибок?

– Не знаю. Образованные люди часто не умеют правдоподобно подделать неграмотность: делают ошибки в простых словах, но правильно пишут сложные. Разоблачить их не так уж трудно. Возможно, как раз умнее вовсе не притворяться…

– Понимаю. Значит ли это, что скаутов можно исключить? Хотя кто знает, вдруг они пишут грамотней нас. Они часто знают больше нас. И уж точно лучше одеваются. Но я не о том. Прервите меня, как начну нести ерунду.

– Никакой ерунды вы не несете, – сказала Гарриет. – Все, что вы говорите, очень верно. Пока что никого исключить не получается.

– И куда, – продолжала декан, – деваются изрезанные газеты?

– Так нечестно, – сказала Гарриет, – вы меня опередили. Я как раз сама об этом думала.

– А мы этот вопрос уже изучили, – удовлетворенно сообщила декан. – Как только мы заметили беспорядки, то есть примерно с начала этого триместра, мы стали проверять все газеты в профессорской и студенческой. Прежде чем выбросить газеты, их сверяют со списком и смотрят, не изрезаны ли страницы.

– Кто этим занимается?

– Миссис Гудвин, мой секретарь. Наверное, вы еще ее не видели. Она живет здесь только во время триместра. Очень приятная девушка – то есть женщина. Она овдовела и осталась без гроша, а у нее еще десятилетний сын в начальной школе. Когда умер ее муж, школьный учи-

тель, она пошла учиться на секретаря и буквально нашла себя. Миссис Гудвин просто незаменима, ценный и надежный помощник.

– Она была в колледже во время встречи выпускников?

– Да, конечно. Она… о боже! Разумеется, вы не думаете, что… нет, ну это просто нонсенс. Это в высшей степени порядочная и разумная женщина. Она так признательна колледжу за то, что нашла работу, и, конечно, не стала бы ею рисковать.

– Все равно нужно внести ее в список. Как давно она здесь работает?

– Дайте подумать. Почти два года. До встречи выпускников все было спокойно, а она уже целый год жила в колледже.

– Но члены профессорской и скауты жили в колледже еще дольше – по крайней мере, большинство из них. Ни для кого нельзя сделать исключения. А что известно о других секретарях?

– Секретарь ректора, мисс Парсонс, живет в доме ректора. Секретари казначея и финансового распорядителя не живут в колледже, так что их можно исключить.

– Давно мисс Парсонс здесь работает?

– Четыре года.

Гарриет записала имена миссис Гудвин и мисс Парсонс.

– Думаю, – сказала она, – что в интересах самой миссис Гудвин стоит проверять газеты второй раз. Не то чтобы это много дало: если злоумышленница знает, что газеты проверяют, она к ним не притронется. А скорее всего, она знает – слишком много с ними возни.

– Похоже на то. В том-то и трудность, верно?

– А что с теми газетами, которые люди покупают сами?

– Естественно, их мы проверить не можем. Мы стараемся следить за корзинами для бумаг. У нас ничего не сжигают: содержимое корзин собирают в мешки и отправляют их на бумажные фабрики – или кто там платит пару пенсов за кипу старых газет. Почтенному Паджетту поручено тщательно просматривать мешки – но это адский труд. А кроме того, во всех комнатах есть камины – кто станет выбрасывать газеты в корзины для бумаг?

– А что вы скажете о сожженных мантиях? Устроить костер во дворе – довольно трудоемкое дело. Тут явно понадобился не один человек.

– Мы не уверены, что это часть одного целого. В то воскресенье перед ужином около дюжины человек бросили свои мантии где попало – вы знаете, как это бывает. Кто-то забыл мантию в портике Елизаветинского здания, кто-то в трапезной у подножия лестницы, и так далее. Люди приносят их заранее, чтобы потом надеть в часовню. – Гарриет кивнула. Воскресная служба без четверти восемь была обязательной для всех – это было что-то вроде общего собрания. – Ну так вот, когда зазвонил колокол, эти люди никак не могли найти свои мантии – а значит, идти в часовню. Все, конечно, решили, что это розыгрыш. Но посреди ночи кто-то вдруг заметил во дворе всполохи огня – оказалось, что горит бомбазин[102]. Мантии обильно полили бензином, так что костер получился на славу.

– А откуда взяли бензин?

– Стащили канистру у Маллинза, у которого мотоцикл. Помните Маллинза – привратника в Джоветтлодж? Мотоцикл его стоит в сарае неподалеку от привратницкой. Сарай он тогда не запер – зачем бы? Сейчас он уже его запирает, но толку мало. Так что кто угодно мог зайти и взять канистру. Они с женой ничего не слышали – оба спали сном праведников. Костер развели на Старом дворе – на газоне осталась уродливая проплешина. Когда разгорелся огонь, все высыпали на улицу, так что злоумышленнице ничего не стоило затеряться в толпе. Сожгли четыре магистерские мантии, две мантии стипендиатов и еще несколько мантий коммонеров, но не думаю, чтобы их отбирали специально, просто взяли те, что плохо лежали.

---

[102] *Бомбазин* – вид ткани, смесь шелка и хлопка.

– Интересно, где их держали после ужина, до того как развели костер. Если разгуливать по колледжу с ворохом мантий, рано или поздно вызовешь подозрение.

– Нет, дело было в конце ноября, так что вечером было совсем темно. Ничто не мешало спрятать мантии в какой-нибудь аудитории. Понимаете, мы их не очень тщательно искали. Пострадавшие решили, что их разыгрывают, и ужасно рассердились, но решительных действий не предприняли. Большинство накинулись на приятелей.

– Да. Боюсь, сейчас мы этот вопрос не разрешим. Пожалуй, я пойду приведу себя в порядок перед ужином.

Ужин за Высоким столом проходил в весьма неловкой обстановке. Беседу героическими усилиями удерживали вокруг научных и общественных тем. Студентки весело и шумно щебетали – тень, упавшая на колледж, не омрачила их сердец. Гарриет поглядывала на них.

– Мисс Каттермол – это вон та девушка за столом справа? В зеленом платье, безвкусно накрашенная?

– Да, это она, – ответила декан. – А как вы догадались?

– Я видела ее на встрече выпускников. А где неотразимая мисс Флаксман?

– Что-то ее не видно. Может быть, не пришла на ужин. Они часто так делают: сварят яйцо прямо у себя в комнате, лишь бы не переодеваться. Вот лентяйки. А мисс Хадсон – вон та девушка за средним столом, в красном джемпере. Брюнетка в роговых очках.

– Она кажется вполне нормальной.

– Насколько я знаю, так и есть. Я думала, мы вообще все здесь нормальны.

– Мне кажется, мисс Вэйн, – заметила мисс Пайк, услышавшая конец их разговора, – даже убийцы выглядят как нормальные люди. Или вы разделяете идеи Ломброзо?[103] Насколько я понимаю, сейчас они уже большей частью опровергнуты.

Гарриет была рада возможности поговорить об убийцах.

После ужина Гарриет почувствовала себя неприкаянной. Она понимала, что надо что-то делать, кого-то расспрашивать, но не знала, с чего начать. Декан сказала, что займется какими-то списками, но позже к ней можно зайти. Мисс Берроуз, библиотекарь, собиралась внести последние штрихи в украшение Новой библиотеки – с утра ведь уже открытие. Весь день она таскала и сортировала книги и с помощью нескольких студенток расставила их по полкам. Многие доны тоже сказали, что у них дела, – кажется, подумала Гарриет, им теперь неловко друг с другом.

Поймав казначея, Гарриет спросила, нельзя ли ознакомиться с планом колледжа и списком комнат. Мисс Стивенс ответила, что даст ей список, а план, кажется, есть в кабинете у финансового распорядителя. Затем повела Гарриет в Новый двор, чтобы отдать ей требуемое.

– Надеюсь, – сказала казначей, – вы не станете придавать особого значения тому, что мисс Берроуз говорила о скаутах. Лично я была бы очень рада, если бы всю прислугу можно было поселить в скаутском крыле и тем самым очистить от подозрений, но, увы, там просто не хватит на всех места. Разумеется, я дам вам имена тех, кто живет в других зданиях, – я согласна, что меры предосторожности здесь нужны. Но все же я думаю, что случай с гранками мисс Лидгейт позволяет полностью исключить скаутов. Мало кто из них вообще знал об этих гранках и о том, насколько они важны, и им бы в голову не пришло портить рукопись. Подбросить анонимку – другое дело. Но испортить гранки мог только человек с образованием. Как вы думаете?

– Лучше я пока не буду говорить, что думаю.

---

[103] Чезаре *Ломброзо* (1835–1939), итальянский судебный медик, психиатр, основатель криминальной антропологии. Рассматривал тягу к преступлению как врожденный психический атавизм, который сопровождается и особыми атавистическими чертами внешности. Таким образом, утверждал Ломброзо, преступника можно распознать с помощью антропометрических измерений.

– Да, вы правы. Но я-то могу говорить, что думаю. Только вам, конечно, никому больше. Просто мне не нравится, что из скаутов делают козлов отпущения.

– Что меня больше всего поражает в этой истории, – сказала Гарриет, – это почему в качестве жертвы выбрали именно мисс Лидгейт? Как кто бы то ни было – особенно из ее коллег – может желать ей зла? Это наводит на мысль: а может, злоумышленник и правда не понимал, что значат эти гранки, а просто решил отомстить всему миру?

– Конечно, может быть и так. Знаете, мисс Вэйн, ваше сегодняшнее свидетельство очень все усложнило. Признаться, я и сама склонна была подозревать скаутов, но когда их с ходу обвиняет человек, видевший рукопись последним, – по-моему, это просто неблагоразумно.

Гарриет ничего не ответила. Казначей почувствовала, что сказала лишнее, и добавила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.